

**Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева**

Фемида.Science

Научный журнал молодых ученых

№ 2 (17). 2025

Издаётся с 2015 года

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77-89448 от 14 мая 2025 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: +7 (495) 332-51-19. E-mail: femida-science@mail.ru
веб-сайт: <https://raj.ru>

Главный редактор:

Ермошина Дарья Григорьевна (г. Москва, Россия), помощник проректора по научной работе РГУП им. В. М. Лебедева

Заместитель главного редактора:

Позднякова Валерия Анатольевна (г. Москва, Россия), преподаватель кафедры уголовного права РГУП им. В. М. Лебедева

Редакционная коллегия:

Архипова Людмила Борисовна (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, начальник отдела периодических научных изданий РГУП им. В. М. Лебедева, главный редактор журнала «Российское правосудие»

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе РГУП им. В. М. Лебедева

Ананьева Анна Анатольевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права РГУП им. В. М. Лебедева

Антушин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин РГУП им. В. М. Лебедева

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права РГУП им. В. М. Лебедева

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП им. В. М. Лебедева

Давыдова Мариам Александровна (г. Москва, Россия), заместитель декана по организации научно-исследовательской работы студентов, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права РГУП им. В. М. Лебедева

Ершова Елена Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения РГУП им. В. М. Лебедева

Ефимов Анатолий Викторович (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой предпринимательского права РГУП им. В. М. Лебедева

Загорский Геннадий Ильич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной РГУП им. В. М. Лебедева

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права им. Н. В. Витрука, заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти РГУП им. В. М. Лебедева, главный редактор журнала «Правосудие/Justice»

Краснова Ирина Олеговна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права РГУП им. В. М. Лебедева

Макарова Екатерина Евгеньевна (г. Москва, Россия), кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой экономики РГУП им. В. М. Лебедева

Моисеева Татьяна Федоровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики РГУП им. В. М. Лебедева

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права РГУП им. В. М. Лебедева

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства РГУП им. В. М. Лебедева

Новикова Лариса Ивановна (г. Москва, Россия), доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи РГУП им. В. М. Лебедева

Сафонов Владимир Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории права и государства РГУП им. В. М. Лебедева

Стахов Александр Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой РГУП им. В. М. Лебедева

Цинделиани Имада Анатольевич (г. Москва, Россия), кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права РГУП им. В. М. Лебедева

Юткина Ольга Владимировна (г. Москва, Россия), кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой экономики РГУП им. В. М. Лебедева

Редакция:

Отв. секретарь – Т. Ф. Кудрявцева

Корректор – К. В. Чегурова

Дизайн и верстка – Г. С. Гордиенко

Editor-in-Chief:

Daria G. Ermoshina (Moscow, Russia), Assistant Vice-Rector for Research of RSUJ named after V. M. Lebedev

Deputy Editor-in-Chief:

Valeria A. Pozdnyakova (Moscow, Russia), Lecturer of the Criminal Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Editorial board

Lyudmila B. Arkhipova (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Law), Head of the Periodical Scientific Publications Division of RSUJ named after V. M. Lebedev, Editor-in-Chief of "Rossijskoe pravosudie" ("Russian Justice") journal

Andrei A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of RSUJ named after V. M. Lebedev

Anna A. Ananieva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Civil Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Sergay S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Criminal Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Organization of Law Enforcement and Judicial Activities Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Mariam A. Davidova (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Law), Deputy Dean for Organization of Student Research Work, Associate Professor of Financial Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Elena A. Ershova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Labor and Social Security Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Anatoliy V. Efimov (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Law), Deputy Head of Business Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Gennadiy I. Zagorskij (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of Criminal Procedure Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Constitutional Law Department,

Head of Theory of State and Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev, Editor-in-Chief of "Justice" ("Pravosudie/Justice") journal

Irina O. Krasnova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Land and Environmental Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Ekaterina E. Makarova (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Economy), Associate Professor, Deputy Head of Economy Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Tatiana F. Moiseeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Biology), Professor, Head of Forensics and Criminology Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Tatiana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of International Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Sergay V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Civil and Administrative Procedure Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Larisa I. Novikova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Head of Russian Language and Speech Culture Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Vladimir E. Safonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of History of Law and State Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Alexander I. Stakhov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Administrative Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Imeda A. Tsindeliani (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Financial Law Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Olga V. Yutkina (Moscow, Russia), Cand. Sci. (Economy), Associate Professor, Deputy Head of Economy Department of RSUJ named after V. M. Lebedev

Editorial:

Executive secretary – T. F. Kudryavtseva

Proof-reader – K. V. Chegulova

Designe and layout – G. S. Gordienko

Подписано в печать / Signed to print: 21.11.2025

Postal adress: 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418.

Tel.: +7 (495) 332-51-19. E-mail: femida-science@mail.ru, web-site: <https://raj.ru/>

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал «Фемида.Science» обязательна.
When reprinting or quoting, the reference to the journal "Femida.Science" is necessary.

Содержание

НАУЧНЫЙ НАСТАВНИК

- Корнев В. Н. Мораль как основание и цель права 6

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Соловьев М. А. Традиционное право на правовой карте современного мира 15

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Гайдукова А. А. Проведение общих собраний участников (акционеров) и внедрение цифровых технологий 25
Ефимова А. А. Участие государственных корпораций в реализации креативных проектов 34
Зверева С. А., Наваррская Я. М. Улучшение жилищных условий с использованием средств материнского (семейного) капитала 42
Максуров А. А. Предпосылки и порядок заключения договора строительного подряда 51
Подрезов Т. А. Содержание принципа единства судьбы земельного участка и недвижимого имущества на нем 62
Трофимова П. А. Заключение брачного договора для изменения режима совместной собственности на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью 71

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Ильичёв С. А. Юридическая деконструкция террористического акта на примере стрельбы в мечетях Крайстчерча 78
Кособокова А. С. Прчинение страданий близким лицам как форма особой жестокости 87
Михлина Э. Б. Правовые и организационные проблемы противодействия коррупционным преступлениям в Российской Федерации и пути их решения 95
Никулова Е. А. Проблемы (особенности) квалификации незаконного осуществления медицинской деятельности 104

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

- Титова А. А., Сороченков П. С. Несоблюдение земельного и жилищного законодательства при организации содержания непродуктивных животных 114

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Звездин А. Е. Особенности доказывания по делам особого производства 124
Катлан Е. С. Мировое соглашение через призму процессуальной экономии 132

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

- Камельская Е. К. Об особенностях предварительного расследования тяжких и особо тяжких преступлений прошлых лет в отношении умерших лиц 140

ЭКОНОМИКА

- Шавишева М. С. Предупреждение киберпреступлений в условиях цифровой трансформации 150

ЯЗЫК И ПРАВО

- Лихачева А. Е. Феномен слова «взятка»: лингвистический и юридический аспекты 157
Меремьянинова М. К. Новояз как общественно-политическое и правовое явление 166
Хороших М. М. Иноязычные средства с точки зрения языковой политики 174

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ

- Синицин Н. О., Колесникова А. С. Обзор студенческих научных мероприятий за 2024/25 учебный год 182

Content

SCIENTIFIC MENTOR

- V. N. Kornev. Morality as the basis and purpose of law 6

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- M. A. Solovyov. Traditional law on the legal map of the modern world 15

CIVIL LAW

- A. A. Gaidukova. Holding general meetings of participants (shareholders) and introducing digital technologies 25
A. A. Efimova. Participation of state corporations in the implementation of creative projects 34
S. A. Zvereva, Ya. M. Navarrskaya. Improvement of housing conditions with the use of maternal (family) capital 42
A. A. Maksurov. Prerequisites and procedure for concluding a construction contract 51
T. A. Podrezov. The content of the principle of unity between the fate of a land plot and real estate on it 62
P. A. Trofimova. Conclusion of a prenuptial agreement to change the regime of joint ownership of a share in the authorized capital of a limited liability company 71

CRIMINAL LAW

- S. A. Ilyichyov. Legal deconstruction of a terrorist act on the example of the shooting at mosques in Christchurch 78
A. S. Kosobokova. Inflicting suffering on loved ones as a form of special cruelty 87
E. B. Mikhлина. Legal and organizational problems of combating corruption crimes in the Russian Federation and ways to solve them 95
E. A. Nikulova. Problems (features) of qualification of illegal medical activity 104

LAND AND ENVIRONMENTAL LAW

- A. A. Titova, P. S. Sorochennov. Violation of land and housing legislation when organizing the maintenance of non-productive animals 114

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

- A. E. Zvezdin. Features of evidence in special proceedings 124
E. S. Katlan. A settlement agreement through the lens of procedural economy 132

CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC SCIENCE

- E. K. Kamelskaya. On the specifics of the preliminary investigation of grave and especially grave offences of the past years against deceased persons 140

ECONOMICS

- M. S. Shavisheva. Cybercrime prevention in the context of digital transformation 150

LANGUAGE AND LAW

- A. E. Likhacheva. The phenomenon of the word "bribe": linguistic and legal aspects 157
M. K. Meremyanina. Newspeak as a socio-political and legal phenomenon 166
M. M. Khoroshikh. Foreign linguistic elements in the context of language policy 174

SCIENTIFIC EVENTS AND ACHIEVEMENTS

- N. O. Sinitzin, A. S. Kolesnikova. Review of student scientific events for the 2024/25 academic year 182

Научный наставник / Scientific Mentor

Научная статья

УДК 340.113; 340.114.5

EDN: AYKJGD

Мораль как основание и цель права

Виктор Николаевич Корнев

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0007-9364-0398>
✉ kornev51@yandex.ru

Аннотация. Автором обосновывается, в противовес юридическому позитивизму, положение о тесной взаимосвязи права и морали. Мораль и право – это очень сходные, но вместе с тем различные по своей форме и содержанию нормативно-регулятивные системы. В настоящей статье использовались общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Кроме того, авторские суждения строились на основе формально-догматического и герменевтического методов научного анализа.

Автор статьи пришел к выводу, что имеется достаточно доктринальных, правовых и фактических оснований для признания морали в качестве основы и цели системы нормативного правового регулирования. В статье дается аргументированная критика тезиса об отождествлении права и морали, что является характерной чертой тоталитарных правовых доктрин. Обосновывается тезис о том, что традиционные духовно-нравственные ценности – это ценностная основа правопорядка России – государства-цивилизации.

Ключевые слова: мораль, нравственность, право, минимум нравственности, традиционные ценности, Россия – государство-цивилизация

Для цитирования: Корнев В. Н. Мораль как основание и цель права // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 6–14.

Original article

Morality as the Basis and Purpose of Law

Viktor N. Kornev

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-9364-0398>*

✉ *kornev51@yandex.ru*

Abstract. In contrast to legal positivism, the author substantiates the close relationship between law and morality. Morality and law are very similar, but at the same time, they are different in their form and content.

This article uses general scientific methods, such as analysis, synthesis, and systematization. Additionally, the author's opinions are based on the formal-dogmatic and hermeneutical methods of scientific analysis.

The author of the article came to the conclusion that there are sufficient doctrinal, legal and factual grounds for recognizing morality as the basis and goal of the system of normative legal regulation. The article provides a reasoned criticism of the thesis on the identification of law and morality, which is a characteristic feature of totalitarian legal doctrines. The article substantiates the thesis that traditional spiritual and moral values are the value basis of the legal order of Russia – a the state of civilization.

Keywords: morality, ethics, law, minimum of morality, traditional values, Russia as the state-civilization

For citation: Kornev, V. N. Morality as the basis and purpose of law. *Femida.Science = Themis. Science*. 2025;(2):6-14. (In Russ.)

Право и мораль – это те основные нормативные системы, которые регулируют поведение человека в обществе. Конечно же, обычаи, традиции, религиозные нормы и т. д. также оказывают регулятивное воздействие на поведение членов социума, но не сравнимое, однако, с тем, какое оказывают мораль и право для устроения нормальной, бесконфликтной, совместной социальной среды проживания индивидов. Мораль и право имеют различную историю происхождения, различные основания легитимации их обязательности и т. д. Вместе с тем деонтическая их характеристика будет практически идентичной, поскольку и нормы морали, и нормы права либо что-то предписывают, либо дозволяют, либо запрещают. Кроме того, для морали и права общим является то, что они направлены на регулирование человеческого поведения. Конечно, в соотношении права и морали есть и серьезное содержательное различие. Оно состоит в том, что в современном дискурсе понятие «мораль» рассматривается как воплощенная в нормах поведения регулятивная система, состоящая из совокупности ценностных суждений. Она должна предлагать цель и общие направления, ориентиры для поведения людей. Мораль определяет, какой поступок хороший, а какой плохой, какое поведение правильное, а какое нет, и т. д. Вместе с тем, рассматривая мораль и право в их соотношении и взаимодействии, нетрудно заметить, что, например, в уголовном праве мораль и право находятся в тесном взаимодействии: запрещенный законом проступок является в то же время и морально осуждаемым деянием.

Нельзя не подчеркнуть, что в сфере действия норм уголовного права моральное и правовое осуждение практически всегда совпадают. В других отраслях права данное соотношение будет несколько иным, особенно это касается гражданского, семейного права и др. Но вряд ли можно сомневаться в том, что прежде, чем норма права будет что-то предписывать, запрещать или дозволять, это поведение будет оценено с точки зрения морали.

В современную эпоху постмодернистской философии, когда в отдельных странах Запада в ранг юридически разрешенных возводятся аморальные с точки зрения традиционной морали поступки, правовые средства могут служить инструментом для понуждения к моральным поступкам. В этом случае моральные ценности – справедливость, равноправие, приоритет прав и свобод человека и гражданина и т. д. – обоснованно рассматривать в качестве целей правового регулирования. Все вышесказанные суждения, по моему мнению, являются бесспорным доказательством обоснованности темы настоящей статьи: мораль как основание и цель права.

Современная Россия как государство-цивилизация представляет собой правовое государство, в котором в соответствии с Конституцией Российской Федерации признается идеологическое многообразие и никакая идеология, никакая религия не могут устанавливаться в качестве государственной и обязательной. В условиях мировоззренческого плюрализма особенно остро встает необходимость рационального обоснования морали как научной основы правовой политики государства. Это означает то, что каждый человек независимо от его мировоззрения или религиозных верований способен воспринять эту «рациональную мудрость» и поступать сообразно с ее постулатами. Либеральное правовое государство гарантирует свободную конкуренцию различных традиционных морально-этических взглядов и обеспечивает их конституционно-правовую охрану в рамках гарантий реализации провозглашенных основных прав и конституционных ценностей. В обществе идеологического, политического, морального плюрализма очень сложно сформулировать, а еще сложнее институциализировать единую духовно-нравственную основу единения личности, общества и государства. В основу целесообразно положить какие-либо рациональные идеи, которые бы работали на единение многонационального, многоконфессионального российского общества и государства. Поэтому вполне понятно, что это не должна быть какая-либо религиозная идея одной или нескольких традиционных конфессий современной России.

Представляется, что объединяющую роль призван сыграть и уже, вне сомнения, успешно играет Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ (далее – Указ № 809). К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд,

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Это один из вариантов ценностно-рационального обоснования морали как основы права России.

В качестве другого, но уже рационально-философского обоснования морали можно назвать категорический императив, сформулированный Иммануилом Кантом: «Поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона» [1, с. 67]. Положения Указа № 809 и кантовское суждение можно рассматривать как проявления универсально-формального принципа, лежащего в основе рационально обоснованной морали, который служит моральной основой и в то же время целью права, ибо в них провозглашается ценностный ряд, который добровольно воспринимается моральным и политико-правовым сознанием всех или, по крайней мере, большинства граждан России.

В учебной и научной литературе по теории государства и права при рассмотрении темы о соотношении права и морали обычно указывают на характерные черты взаимодействия двух нормативных систем. Авторами подчеркивается то, что является общим для права и морали, что их разделяет и какие существуют противоречия между ними. Основное сходство между правом и моралью состоит в том, что их нормативный потенциал направлен на регулирование поведения людей. И второе: право, особенно материальное, основывается на ценностных представлениях, господствующих в обществе. Право, органически не связанное с моралью, отвергается населением, а правоприменительная практика не достигает поставленных целей², поскольку морально-нравственные ценности ни логически, ни опытно не подлежат верификации, т. е. доказыванию, а являются мировоззренческими и могут, как это часто бывает, приниматься на веру. В этой части государство и право находят свое метафизическое обоснование.

Вопросами ценностей занимается специальный раздел философии – аксиология. Кризис ценностей приводит к общественному и правовому кризису. Об этом свидетельствует, в частности, история развития нашей страны, и особенно ее конституционно-правовое развитие, которое можно назвать историей кризиса и смены высших ценностей: царская Россия, революционная и постреволюционная Россия, советская и постсоветская Россия. Кризис ценностей, их упадок вызывают разрушение государственно-правового порядка. Поэтому в настоящее время весьма актуальными с философско-правовой точки зрения представляются слова немецкого философа Фридриха Ницше, высказанные им в работе «Так говорил Заратустра»: «Вокруг изобретателей новых ценностей вращается мир – незримо вращается он. Но вокруг комедиантов вращается народ и слава – таков порядок мира» [2, с. 52]. Ценности не выдумываются, а открываются и затем выражаются в нормах и принципах права, становясь предметом философско-правовой рефлексии. Ценность есть определенное *качество* субъ-

² Теория государства и права : учеб. / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. М. : Проспект, 2024. С. 199.

ект-объектного ценностного отношения. Оценка – это мысль, суждение, высказывание о значении, ценности, она имеет, стало быть, не объективно-социальное бытие, а бытие субъективное в сознании заинтересованного человека³. Оценка – это тот мостик, по которому осуществляется переход от сущего кциальному: ценность – оценка – норма. Следовательно, осознание и оценивание обществом того или иного поведения человека с точки зрения его полезности или вредности влечет за собой юридические последствия в виде дозволения или запрета, которые технически оформляются в форме закона или иного нормативного правового акта.

Наиболее распространенной классификацией ценностей в научной и учебной литературе является следующая:

- предметные ценности. К этому виду ценностей прежде всего относятся вещи. Ценность вещей обусловлена их связью с человеком, их способностью удовлетворять его потребности, способствовать развитию его сущности. Критерий того, что является ценностью, а что нет, – в самом человеке;
- эмоциональные ценности, или, как их иначе называют, чувственные ценности;
- идеальные ценности: научные, эстетические и этические, т. е. духовные ценности, которые имеют непосредственное отношение к праву и государству, – идеи, образы, цели, нормы, идеалы. Они характеризуют высшие запросы людей и в отличие от материальных ценностей не выражаются в количественных показателях и не измеряются ими. Их называют также ценностями духовной культуры [3].

Духовные ценности относятся к сфере должного. Правовые и моральные нормы имеют общее основание, которое составляют ценностные представления о жизни и поведении членов социума, называемые «фундаментальными» ценностями. Каждый правопорядок поконится на ценностном порядке. Правопорядок, понимаемый как механическая проекция норм права независимо от их содержания, представляет собой безжизненную и весьма опасную конструкцию, которая не соответствует современным потребностям общества и личности, поскольку может нарождаться силовыми решениями государственной власти или властью наиболее сильных государств, господствующих в международных отношениях. Правопорядок без его аксиологического, т. е. без морального, обоснования представляет собой формально-логическую пустоту, которая может наполняться любым содержанием и тем не менее будет оставаться как бы правопорядком, даже если окажется в явном противоречии с основными правами и достоинством человека. Поэтому с позиции нормативизма «Чистого учения о праве» Ганса Кельзена «если моральный порядок не предписывает подчиняться позитивному правопорядку при всех обстоятельствах, и следовательно, существует возможность расхождения между моралью и правопорядком, то требование отличать право от морали и правоведение от этики означает, что действительность позитивных правовых норм не зависит от их соответствия моральному порядку и что с точки зрения изучения позитивно-

³ Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию : учеб. пособие для изучающих философию. М. : Современные тетради, 2001. С. 86–87.

го права правовая норма может считаться действительной, даже если она противоречит моральному порядку» [4, с. 91].

Мы же в своем исследовании исходим из той предпосылки, что определенная система норм будет системой права тогда, когда она воспримет тот минимум этических принципов, который необходим для того, чтобы данная нормативная система могла называться правом⁴ [5, с. 79]. На это прямо указывается в соответствующих нормативных правовых актах, когда речь идет о принципах той или иной отрасли права, а принципы – это нормативное выражение морально-этических ценностей. Обратимся прежде всего к такой фундаментальной отрасли российского права, как конституционное право. Для нее характерны следующие принципы: суверенитет народа; разделение властей; равенство перед законом и судом; приоритет прав и свобод человека; федерализм; законность. В соответствующих статьях Гражданского кодекса Российской Федерации и правовой доктрине закрепляются следующие принципы: принцип свободы договора; принцип равенства сторон; принцип добросовестности и справедливости; принцип защиты прав потребителей; принцип исполнения обязательств; принцип ответственности и т. д. Каждая отрасль системы права России включает в себя свойственный ей набор принципов, что еще раз доказывает, что моральные ценности составляют основу права России.

Следует сделать акцент на двух очень важных аспектах соотношения права и морали, которые являются предметом исследования в научной литературе. Речь идет, во-первых, о том, что право представляет собой «минимум нравственности». Эту идею, которую поддержал ряд ученых дореволюционной России, выдвинул немецкий ученый Георг Еллинек [6, S. 57]. Вполне очевидная связь между этическими убеждениями социума и системой права дает основание для некоторых ученых констатировать: закон – это «устоявшаяся мораль» [7, S. 146].

Следует отметить, что не все системы права довольствуются постулатом, объявляющим своим гражданам право в качестве обязательного «минимума нравственности». Данный тезис принимается не всеми правопорядками. Тоталитарные системы права, и прежде всего правовая доктрина германского национал-социализма, считали обязательным утверждение и требование «единства права и морали». На мой взгляд, корень таких представлений находится в немецком идеализме, и в частности в объективном идеализме и эзатизме Гегеля, в его понимании и обожествлении государства. Он считал, что государство есть «действительность нравственной идеи» [8, с. 279]. Отсюда можно сделать вывод, что исходящие от государства законы (право) разумны и нравственны, а позитивное право следует рассматривать как критерий нравственности поведения людей.

Мораль является не только условием существования права, но также и его целью. Можно сказать, что право в определенной степени находится в услугении соответствующей господствующей морали. Оно должно с помощью государственного принуждения осуществлять и защищать от на-

⁴ Перевод с пол. яз. автора.

рушений лежащие в основе права ценностные представления. Конечно, в нормальном правовом государстве защищаются правом только фундаментальные социально-этические принципы. Все отрасли системы права России направлены на реализацию положений Конституции, в которых закрепляются основные, наиболее важные для личности, общества и государства ценности: равноправие, право на жизнь, право на судебную защиту и т. д. и т. п. Здесь речь идет об упоминаемом ранее «этическом минимуме», который подлежит закреплению, реализации и защите только в случаях наиболее серьезного посягательства на высокозначимые основные ценности. В этом смысле фундаментальное значение имеет ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – обязанность государства».

В частной сфере правового регулирования право служит морали посредством того, что защищает субъективные права участников гражданско-правовых отношений. Право создает для физических лиц гарантии свободной, самостоятельной и ответственной реализации широкого круга действующих моральных представлений и ценностей.

Интересно, что в зарубежной юридической науке возникли и ведутся дискуссии по вопросу о роли права в принуждении к моральным проступкам. Об этом свидетельствуют дебаты, разгоревшиеся между П. Девлином и Г. Л. А. Хартом. Патрик Девлин был судьей и членом Палаты лордов в период с 1948 по 1964 г. Герберт Лайонел Адольфус Харт – английский философ и теоретик права, заведующий кафедрой юриспруденции Оксфордского университета, считается одним из наиболее видных представителей аналитической теории права и юридического позитивизма. П. Девлин выдвинул и обосновал идею о том, что подавление порока – «это такая же задача закона, как и пресечение религиозной деятельности»⁵ [9, р. 13–14]. В соответствии с позицией Девлина цель права, особенно уголовного, – это принуждение к нравственности. Против концепции П. Девлина Г. Л. А. Харт выдвинул ряд серьезных аргументов. Главное его возражение состоит в том, к каким из моральных действий человек может быть принужден с помощью права, а за какие моральные действия он может быть наказан [10, р. 79–80]. Западные правопорядки в современную правовую эпоху идут по пути признания юридически значимым традиционно морально порицаемого поведения, т. е. имеющего моральный статус *анти-ценности*, так как оно облекается в правовую форму дозволенного поведения. Это касается, например, легального признания однополых браков, ЛГБТ движения с вытекающими отсюда юридическими последствиями, разрешения на употребление легких наркотиков, эвтаназии и т. д.

Россия же в сфере соотношения и взаимодействия права и морали идет по иному пути. Этот путь обозначен принятием Указа Президента Российской Федерации № 809. Из его положений следует, что моральную основу российского правопорядка и его цель отныне образуют традиционные

⁵ Перевод с англ. яз. автора.

духовно-нравственные ценности, которые в то же время составляют аксиологический фундамент России как государства-цивилизации. Они являются той духовной силой, которая работает на единение человека, общества и государства.

Список источников

1. Кант И. Метафизика нравов / пер. с нем., примеч. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканяна ; вступ. ст. М. М. Филиппова ; примеч. А. А. Тахо-Годи. М. : Мир кн. : Литература, 2007. 400 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. *Ecce Homo. По ту сторону добра и зла* / пер. с нем. Ю. Антоновского, Н. Полипова. М. : Эксмо, 2019. 704 с.
3. Корнев В. Н. Право и ценности // Энциклопедия права. 2013. Т. 1, № 1. С. 60–65.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. 2-е изд. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
5. Opalek K., Wroblewski J. *Współczesna teoria i soziologia prawa w Stanach Zjednoczonych Ameryki Północnej*. Warszawa, 1963. 319 s.
6. Jellinek C. *Über die sozialethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe*. 2. Aufl. 1908. 139 s.
7. Dreier H. *Naturrecht und Rechtspositivismus – Pauschalurteile, Vorurteile, Fehlurteile* // “*Vom Rechte, das mit uns geboren ist*”. *Aktuelle Probleme des Naturrechts* / Hrsg. H. Vogel. Freiburg im Breisgau, 2007. S. 127–170.
8. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* : пер. с нем. М. : Мысль, 1990. 524 с.
9. Devlin P. *The enforcement of morality*. Oxford University Press, 1965. 168 p.
10. Hart H. L. A. *Law, liberty and morality*. Oxford University Press, 1963. 88 p.

References

1. Kant, I. *Metaphysics of morals*. Transl. from Germ., notes by S. Ya. Sheinman-Topshstein, Ts. G. Arzakanyan; introd. art. by M. M. Filippov; note by A. A. Takho-Godi. Moscow: Mir knigi; Literatura; 2007. 400 p. (In Russ.)
2. Nietzsche, F. *Thus spoke Zarathustra. Ecce Homo. Beyond good and evil*. Transl. from Germ. by Yu. Antonovsky, N. Polypov. Moscow: Eksmo; 2019. 704 p. (In Russ.)
3. Kornev, V. N. Law and values. *Encyclopedia of Law*. 2013;1(1):60-65. (In Russ.)
4. Kelsen, G. *Pure doctrine of law*. Transl. from Germ. by M. V. Antonov, S. V. Lezov. 2nd ed. St. Petersburg: Alef-Press; 2015. 542 p. (In Russ.)
5. Opalek, K., Wroblewski, J. *Współczesna teoria i soziologia prawa w Stanach Zjednoczonych Ameryki Północnej*. Warszawa; 1963. 319 s.
6. Jellinek, C. *Über die sozialethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe*. 2. Aufl. 1908. 139 s.
7. Dreier, H. *Naturrecht und Rechtspositivismus – Pauschalurteile, Vorurteile, Fehlurteile*. In: H. Vogel, Hrsg. “*Vom Rechte, das mit uns geboren ist*”. *Aktuelle Probleme des Naturrechts*. Freiburg im Breisgau; 2007. Ss. 127–170.
8. Hegel, G. V. F. *Philosophy of law*. Transl. from Germ. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. (In Russ.)
9. Devlin, P. *The enforcement of morality*. Oxford University Press; 1965. 168 p.
10. Hart, H. L. A. *Law, liberty and morality*. Oxford University Press; 1963. 88 p.

Информация об авторе

В. Н. Корнев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука, заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти.

Information about the author

V. N. Kornev – Doctor of Science (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Head of the Theory of Law, State and Judicial Power Department.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 03.08.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 03.08.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Теория и история государства и права /
Theory and History of State and Law

Научная статья

УДК 340

EDN: CLPFWV

**Традиционное право на правовой карте
современного мира**

Максим Александрович Соловьев

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация

 maks.iriskin.01@mail.ru

Научный руководитель: **Т. В. Власова**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
теории права, государства и судебной власти Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. В статье представлен анализ традиционных правовых систем в контексте их соотношения с позитивным правом. Автор раскрывает понятие и характерные черты традиционного права, исследует его правовые регуляторы, формы права, структуру и своеобразие юридической техники. Особое внимание уделяется многообразию традиционных правовых систем в географическом и хронологическом разрезах, их классификации и специфике функционирования в различных регионах мира. Обращается внимание на общие закономерности и тенденции эволюции традиционного права в условиях модернизации права, анализируются проблемы взаимодействия правовых культур и обеспечения правового плюрализма в современном мире.

Ключевые слова: традиционное право, обычное право, позитивное право, правовой плюрализм, цивилизационный подход, юридическая техника

Для цитирования: Соловьев М. А. Традиционное право на правовой карте современного мира // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 15–24.

Original article

Traditional Law on the Legal Map of the Modern World

Maxim A. Solovyov

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,

Moscow, Russian Federation

✉ *maks.iriskin.01@mail.ru*

Scientific supervisor: T. V. Vlasova, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Theory of Law, State and Judicial Power Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The article presents an analysis of traditional legal systems in the context of their relationship with positive law. The author reveals the concept and characteristic features of traditional law, explores its legal regulators, legal norms, structure and originality of legal technique. Special attention is paid to the diversity of traditional legal systems in geographical and chronological terms, their classification and the specifics of functioning in different regions of the world. Attention is drawn to the general patterns and trends of the evolution of traditional law in the context of the modernization of law, the problems of interaction of legal cultures and ensuring legal pluralism in the modern world are analyzed.

Keywords: traditional law, customary law, positive law, legal pluralism, civilizational approach, legal technique

For citation: Solovyov, M. A. Traditional law on the legal map of the modern world. *Femida. Science = Themis.Science*. 2025;(2):15-24. (In Russ.)

Правовые системы современного мира представляют собой сложный и многогранный феномен, отражающий как универсальные закономерности правового регулирования, так и уникальные особенности культурно-исторического развития отдельных обществ. Наряду с принципами и нормами права, воплощенными в формах романо-германского и англосаксонского права, существуют и иные правовые регуляторы, определяющие правила поведения индивидов и их объединений, объективированные в формах традиционного права, которыми выступают не акты государственных органов, а исторически сложившиеся обычаи, традиции, религиозные догматы, передаваемые из поколения в поколение.

Традиционное право, нередко противопоставляемое позитивному в контексте дилеммы «неписаное – писаное право» (речь о различии норм, складывающихся «непосредственно в практике», и норм, «исходящих от правотворческих органов» [1, с. 32]), обладает рядом специфических черт, обусловленных особенностями его зарождения и функционирования. В отличие от позитивного права, возникающего в результате целенаправленной правотворческой деятельности государства и выраженного в системе формально определенных правовых регуляторов («право в книгах»), тради-

ционное право формируется спонтанно, в ходе самоорганизации социума, и существует, по мнению Е. Эрлиха, прежде всего «в жизни» как системе человеческих обычаев («живое право» [2, с. 48–49]). Его нормы не имеют четкого текстуального закрепления и существуют преимущественно в виде устоявшихся стереотипов должного поведения, санкционируемых силой социального авторитета и давления.

Несмотря на то что, как отмечается в научной литературе, «...переход от обычного к позитивному праву является естественной магистралью юридической эволюции человечества» [3, с. 11], следует отметить, что традиционные правовые системы не являются пережитком прошлого и анахронизмом – во многих регионах мира они продолжают играть значительную, а иногда и доминирующую роль. Более того, элементы традиционного права в той или иной мере присутствуют практически в любой правовой системе, включая наиболее развитые. Однако степень их влияния и удельный вес в общей структуре правового регулирования существенно различаются в зависимости от цивилизационной принадлежности и уровня развития конкретного общества.

Исследование традиционных правовых систем представляется важной и актуальной задачей юридической науки именно потому, что позволяет не только глубже понять многообразие форм права, но и по-новому взглянуть на проблемы взаимодействия и конкуренции различных их типов в условиях правового плюрализма современного мира. Кроме того, анализ традиционного права способствует выявлению универсальных закономерностей и механизмов нормогенеза, которые могут быть экстраполированы и на функционирование позитивного права, иначе говоря, по словам И. Л. Честнова, «...норма права демонстрирует диалогическое отношение прошлого, настоящего и будущего»¹.

Приступая к исследованию традиционных правовых систем, необходимо прежде всего определить основные понятия и методологию анализа. В данной работе мы будем действовать дедуктивно, переходя от общих характеристик и закономерностей к конкретным проявлениям традиционного права в различных регионах мира.

Понятие традиционной правовой системы (или системы обычного права) в современной юридической науке не имеет однозначной трактовки, при этом не менее диалогично оно интерпретировалось и в историческом контексте. Одним из первых концептуальное осмысление данного феномена предпринял Дж. Остин, который рассматривал обычное право как совокупность правил поведения, сложившихся в ходе длительной социальной практики и санкционируемых государством [4, с. 28–29]. Иной точки зрения придерживался Е. Эрлих, считавший обычное право самостоятельным источником юридических норм, возникающим спонтанно в различных сферах социального взаимодействия и не нуждающимся в государственном признании. Рассматривая право как «живой порядок» человече-

¹ Честнов И. Л. Теория государства и права : учеб. пособие. Ч. 2 : Теория права. СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. С. 49.

ских союзов, ученый подчеркивал значение неофициальных регуляторов, формируемых непосредственно обществом [2, с. 47].

В настоящее время в самом широком смысле под «традиционной правовой системой» понимается исторически сложившийся комплекс правовых норм, институтов и практик, основанный на обычаях, традициях и иных неформальных социальных регуляторах. Как отмечает известный компаративист Р. Давид, «обычное право обслуживало общества, замкнутые на самих себе» [5], при этом обычай и традиции рассматривались как самостоятельные формы права, обладающие специфическими приемами объективации и механизмами поддержания своей нормативности.

К характерным чертам традиционного права, выделяемым большинством современных исследователей, можно отнести:

- 1) доминирование неписаных форм права (правовых обычаев, традиций, прецедентов и т. д.);
- 2) синкретизм правовых, религиозных и моральных норм;
- 3) персонализированный и неформализованный характер правоотношений;
- 4) преобладание процедур примирения и медиации в разрешении конфликтов (обычное право регулирует преимущественно процесс взаимодействия субъектов, порядок разрешения споров и применения санкций, оно уделяет меньшее внимание конкретному содержанию прав и обязанностей);
- 5) ориентацию на сохранение социального мира и гармонии, а не на защиту индивидуальных прав [3; 6; 7, р. 10, 22].

Анализируя состав правовых регуляторов и структуру традиционного права, нельзя не отметить их существенное своеобразие по сравнению с позитивным правом. Нормы обычного права не образуют строгой иерархической системы и формально определенных институтов. Они складываются постепенно, в ходе накопления и закрепления социально-правового опыта и тесно переплетены с иными социальными регуляторами – религиозными, моральными, ритуально-этикетными. Формами традиционного права выступают в первую очередь правовые обычай – стереотипизированные практики поведения, воспринимаемые как общеобязательные и передаваемые из поколения в поколение. Несмотря на то что они обладают «свойством повторяемости» [6, с. 1825], им присуща и эволюционная динамика. Наряду с правовыми обычаями нормативность традиционного права поддерживается прецедентами – решениями авторитетных лиц (старейшин, вождей, жрецов) по конкретным конфликтам и спорам. В ряде систем обычного права широкое распространение получили пословицы и поговорки как краткие речевые формулы, выражающие социально одобряемые модели поведения. Специфической формой традиционного права являются также мифы и легенды – сакрализованные нарративы, устанавливающие образцы и стандарты должного.

Свообразием отличается и юридическая техника традиционного права. Ввиду преимущественно устного характера бытования нормы обычного права не получают четкого текстуального закрепления и лаконичной формулировки. Они выражаются в основном через описание прецеден-

тов, ритуалов, поведенческих стандартов. Санкции обычного права носят комплексный характер: помимо собственно юридических мер воздействия (композиция, талион, изгнание) они включают сакральные (проклятия, ритуальная нечистота), социальные (осуждение, бойкот), психологические (позор, стыд) инструменты принуждения.

Процедуры правоприменения в традиционном обществе также специфичны – разрешение споров осуществляется главным образом внесудебными органами (советы старейшин, народные собрания) и опирается не столько на формальное исследование обстоятельств дела, сколько на согласование интересов сторон, достижение компромисса, восстановление гармонии в социуме. При этом понятие «субъект права» и связанное с ним понятие «свобода личности» здесь не артикулированы – по замечанию Т. В. Шатковской, «свобода для человека в традиционном обществе означала наличие гарантированного правового статуса в общине» [6, с. 1825–1826]. Задача разрешения конфликта в традиционных правовых семьях (например, в обществах Африки и Мадагаскара) «...видится в большей мере в полюбовном примирении заинтересованных лиц, чем в установлении прав» [5], поэтому даже поведение судей, отмечает М. Глюкман, нормативно не регламентируется [7, р. 94, 117].

В сравнительном правоведении предпринимались многочисленные попытки типологизации традиционных правовых систем по различным критериям. Как отмечается в научной литературе, «формационный подход» оказывается наименее релевантным, поскольку не учитывает ряд необходимых факторов, вместо него целесообразнее использовать «цивилизационный подход» [8, с. 44]. В зависимости от цивилизационных и культурных особенностей конкретных обществ традиционные правовые системы демонстрируют значительное многообразие видов. Одним из наиболее распространенных подходов является географический, в рамках которого выделяют следующие разновидности традиционного права:

- 1) африканское обычное право;
- 2) дальневосточное (конфуцианское) право (Китай, Монголия, Япония и др.) [3].

Или другая классификация по географическому признаку:

1) континентальная традиционная правовая система (страны Африки, Азии);

2) обычное право островных народов (Океании, Полинезии и др.) [8, с. 44].

Каждая из этих правовых традиций обладает ярко выраженной спецификой, обусловленной особенностями исторического развития, религиозных верований, социальной структуры и менталитета соответствующих народов.

Африканское обычное право характеризуется чрезвычайным плорализмом, поскольку практически каждая этническая группа на континенте имеет собственную систему неписаных правил поведения – как отмечает Р. Давид, «каждая из общин удовлетворяла самое себя, имела свои собственные нравы и обычай» [5]. При этом для большинства африканских правовых традиций характерны:

- примат коллективных интересов над индивидуальными;
- сакрализация власти вождей и старейшин;
- преимущественно устный характер обычая;
- представление о неразрывной связи права с магическими и сверхъестественными основаниями (например, с божествами, «духами земли» и пр.) или «мифиический строй универсума» [5];
- институт ордай (судебных испытаний, или «божий суд» [5]).

Совершенно иные черты присущи традиционным правовым системам Дальнего Востока, испытавшим глубокое влияние конфуцианской этики. Конфуцианско право исходит из необходимости поддержания космического порядка и общественной гармонии путем строгого соблюдения иерархических ритуалов, моральных предписаний и патриархальных устоев. В отличие от западной традиции, рассматривающей право как систему формально определенных принципов и норм, конфуцианство видит в нем прежде всего инструмент морального самосовершенствования человека и средство предупреждения социальных конфликтов. Поэтому в странах Восточной Азии (особенно в Китае, Корее, Японии) традиционно сильны неформальные институты посредничества, примирительных процедур и внесудебного урегулирования споров. Впоследствии революционное внедрение так называемых «кодексов» в страны Азиатского региона послужило отходом от традиционной правовой модели [5].

Значительную роль в мировой истории права сыграли религиозно-правовые системы индуизма и ислама, в которых, несмотря на дискуссионность этого признания, присутствуют обычно-правовые нормы. Индуистское право, сформировавшееся на основе священных текстов Вед и Упанишад, представляет собой сложный комплекс дхармических (религиозно-этических) предписаний, однако каждая каста здесь следует собственным обычаям – например, «собрание касты (панчаят) разрешает в местном масштабе все затруднения и все споры, опираясь на общественное мнение» [5].

Мусульманское право, в свою очередь, базируется на религиозных формах ислама (Коране и Сунне) и разработанной на их основе концепции шариата – всеобъемлющего кодекса поведения мусульманина. Хотя, как отмечается, в этом смысле мусульманское право не рассматривает «обычай» в качестве формы права – обычай здесь не входит в фикх (юридически закрепленный комплекс общественных норм), но это не означает, что он полностью отвергается. Традиционная правовая система в мусульманских странах выражается, в частности, в существовании ряда следующих обычаяев: «обычай, касающиеся сумм и способов выплаты приданого, обычай, регулирующие использование источников, протекающих между двумя земельными владениями» [5] и др.

Не менее самобытны и правовые традиции американских и океанийских аборигенов, в течение столетий развивавшиеся в условиях относительной изоляции от остального мира. Так, обычное право индейцев Северной Америки базируется на анимистических представлениях о всеобщей одушевленности природы и необходимости поддержания гармонии между человеческим сообществом и миром духов. Характерными чертами индейского права являются коллективизм, примат обязанностей над правами,

культ предков, развитая обрядность и институт табу. В свою очередь, для правовых обычаев коренных народов Океании (папуасов, меланезийцев, полинезийцев и др.) характерны отсутствие развитого концептуального аппарата, ориентация на сиюминутные потребности племенной организации, магическое и тотемическое восприятие социальных норм.

Помимо цивилизационного разнообразия, традиционные правовые системы различаются между собой по степени сохранности и влияния на современное позитивное право. В большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки обычное право продолжает играть значительную роль, особенно в регулировании семейных, наследственных, земельных и других отношений на локальном уровне. Во многих случаях государства прямо санкционируют применение обычно-правовых норм через механизм правового плурализма, предполагающего сосуществование и взаимодействие официальной и традиционных правовых систем. Так, в Индии действует система личного права, в рамках которой индузы, мусульмане, христиане и другие религиозные общины имеют собственные своды норм и суды для урегулирования брачно-семейных и наследственных вопросов. В ряде африканских стран (например, в ЮАР, Нигерии, Гане) традиционные правовые институты инкорпорированы в государственную судебную систему в виде судов обычного права или вождества. Аналогичным образом в странах Латинской Америки (Мексике, Боливии, Колумбии, Эквадоре) признается юрисдикция общинных судов индейского населения, применяющих нормы обычного права.

В то же время в развитых странах Запада традиционное право в значительной степени вытеснено позитивным и сохраняет лишь ограниченную сферу действия. Например, в Канаде и Австралии обычное право аборигенов (инуитов и индейцев в первом случае, австралийских аборигенов – во втором) признается государством лишь в рамках специальных соглашений и только по вопросам внутреннего самоуправления соответствующих этнических общинностей [9, с. 368–372].

Анализируя место традиционного права в конкретных правовых системах, нельзя обойти вниманием и опыт России. Несмотря на длительную историю централизации и этатизации правового регулирования, элементы обычного права продолжают сохраняться в российском неформальном правопорядке, особенно на региональном и локальном уровнях. Так, отдельные нормы адата (обычного права кавказских народов) негласно регулируют взаимоотношения граждан в некоторых республиках Северного Кавказа. В. О. Бобровников пишет: «Местные власти порой сами прибегают к упрощенному судопроизводству и неформальному медиаторству для примирения кровников, разрешения поземельных и межэтнических конфликтов», хотя, как отмечают исследователи, большая часть адатов в Дагестане «нивелирована» [10, с. 93]. Аналогичным образом в ряде субъектов Сибири и Дальнего Востока признаются обычно-правовые институты коренных малочисленных народов (эвенков, чукчей, нанайцев и др.) в сферах традиционного природопользования, семейных отношений и местного самоуправления (например, в рамках Федерального закона от 20 июля 2000 г. № 104 «Об общих принципах организации общин коренных мало-

численных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации² и Федерального закона от 7 мая 2001 г. № 49 «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»³).

Таким образом, даже беглый обзор традиционных правовых систем демонстрирует их чрезвычайное разнообразие и несводимость к какой-то одной универсальной модели. В каждом обществе обычное право развивалось по-своему, в тесной взаимосвязи с конкретными условиями социальной среды и траекториями исторического развития. Тем не менее нами были выделены и некоторые общие закономерности эволюции традиционного права.

Подводя итог, можно констатировать, что традиционное право, несмотря на все перипетии своей истории, продолжает оставаться значимым элементом правового многообразия современного мира. Конечно, в каждом обществе степень присутствия и конкретные формы обычного права различны и зависят от специфики исторического развития, уровня социально-экономической модернизации, особенностей правовой культуры и политической организации. Сегодня в большинстве регионов мира наблюдается тенденция к постепенному размытию обычно-правовых систем под напором позитивного права. Этот процесс начался еще в эпоху колониализма и достиг своего пика во второй половине XX в. на волне деколонизации и модернизации развивающихся стран [5]. В результате во многих новых государствах Азии, Африки и Океании традиционное право было вытеснено на периферию правового регулирования и сохраняется лишь в форме локальных обычаев. Тем не менее межстрановый опыт свидетельствует, что эффективное функционирование правовой системы возможно лишь при условии органичного сочетания позитивного и традиционного права, формальных и неформальных регуляторов, универсальных стандартов и локальной специфики. Поиск оптимального баланса между этими началами – важная задача сравнительного правоведения и национальной правовой политики в XXI в.

Список источников

1. Бальский А. В. Сравнительно-правовой анализ источников древнееврейского и римского права // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием профес.-препод. состава, аспирантов и студентов (Симферополь, 16 апр. 2020 г.). Симферополь : Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского, 2020. С. 31–33.
2. Серикова С. В. Социология права Е. Эрлиха // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 6 (71). С. 47–50.
3. Небратенко Г. Г. Доктрина правовой семьи традиционного (обычного) права: современное состояние и перспективы модернизации // Философия права. 2010. № 5. С. 10–14.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 30. Ст. 3122.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 20. Ст. 1972.

4. Austin J. *The province of jurisprudence determined*. London : John Murray, 1832. 391 p.
5. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. Туманова. М. : Междунар. отнош., 1999. URL: <https://studfile.net/preview/16813100/page:47/>.
6. Шатковская Т. В. Традиционное право в контексте цивилизационного подхода // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С. 1823–1827.
7. Gluckman M. *The ideas in Barotse jurisprudence*. New Haven : Yale University Press, 1965. 299 p.
8. Джамалова Э. К., Шахбанов М. М. Некоторые особенности исследования традиционной правовой системы // *Закон и право*. 2021. № 6. С. 44–46.
9. Ананидзе Ф. Р., Куцurov O. Ю. Правовое положение коренных народов Австралии // *Пробелы в российском законодательстве*. 2016. № 8. С. 367–373.
10. Бобровников В. О. Шариат и адат в российском нормативном пространстве // Государственная служба. 2011. № 5. С. 90–94.

References

1. Balsky, A. V. Comparative legal analysis of the sources of Hebrew and Roman law. *Actual problems of comparative law: the legal system and the modern state*. Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation of faculty, graduate students and students (Simferopol, 16 April 2020). Simferopol: Vernadsky Crimean Federal University; 2020. Pp. 31–33. (In Russ.)
2. Serikova, S. V. Sociology of law by E. Ehrlich. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*. 2019;(6):47-50. (In Russ.)
3. Nebratenko, G. G. The doctrine of the legal family of traditional (customary) law: the current state and prospects of modernization. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2010;(5):10-14. (In Russ.)
4. Austin, J. *The province of jurisprudence determined*. London: John Murray; 1832. 391 p.
5. David, R., Geoffrey-Spinosi, K. *Basic legal systems of modernity*. Transl. from French by V. Tumanov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1999. (In Russ.) URL: <https://studfile.net/preview/16813100/page:47/>.
6. Shatkovskaya, T. V. Traditional law in the context of a civilizational approach. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2014;(9):1823-1827. (In Russ.)
7. Gluckman, M. *The ideas in Barotse jurisprudence*. New Haven: Yale University Press; 1965. 299 p.
8. Dzhamalova, E. K., Shakhbanov, M. M. Some features of the study of the traditional legal system. *Zakon i pravo = Law & Legislation*. 2021;(6):44-46. (In Russ.)
9. Ananidze, F. R., Kutsurov, O. Yu. The legal status of the indigenous peoples of Australia. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2016;(8):367-373. (In Russ.)
10. Bobrovnikov, V. O. Sharia and adat in the Russian regulatory space. *Public Administration*. 2011;(5):90-94. (In Russ.)

Информация об авторе

М. А. Соловьев – студент 2 курса.

Information about the author

М. А. Solovyov – 2nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принятая к публикации 18.06.2025.

The article was submitted 25.05.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 18.06.2025.

Гражданское право / Civil Law

Научная статья

УДК 347.19

EDN: DCFZRW

Проведение общих собраний участников (акционеров) и внедрение цифровых технологий

Анастасия Андреевна Гайдукова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,

Москва, Российская Федерация

✉ gайдукова.anastasia@mail.ru

*Научный руководитель: **Н. В. Бузова**, к.ю.н., доцент кафедры
предпринимательского и корпоративного права Российского
государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам проведения общих собраний участников с использованием цифровых технологий. Рассматриваются законодательные изменения, вступившие в силу 1 марта 2025 г., которые направлены на регулирование дистанционных форматов проведения собраний. Основное внимание уделено вопросам идентификации участников, техническим требованиям к цифровым платформам и новым форматам проведения заседаний, включая дистанционный и смешанный варианты. Сделан акцент на нововведениях, включая обязательную видеозапись заседаний и ее прикрепление к протоколу собрания, что повышает прозрачность и достоверность процедуры. Анализируются потенциальные трудности, связанные с внедрением новых норм, такие как проблемы идентификации участников, технические сбои и риски оспаривания результатов собраний. В статье рассматриваются проблемы защиты данных при голосовании с использованием цифровых технологий, а также способы повышения прозрачности, конфиденциальности и стабильности процесса голосования. Предлагаются возможные решения, включая создание личных кабинетов участников и разработку механизмов для минимизации технических ошибок. Оцениваются целесообразность нововведений и их влияние на корпоративное управление.

Ключевые слова: цифровые технологии, законодательные изменения, корпоративное управление, дистанционные собрания, оптимизация процессов

Для цитирования: Гайдукова А. А. Проведение общих собраний участников (акционеров) и внедрение цифровых технологий // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 25–33.

Holding General Meetings of Participants (Shareholders) and Introducing Digital Technologies

Anastasia A. Gaidukova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,

Moscow, Russian Federation

✉ *gaidukova.anastasia@mail.ru*

Scientific supervisor: N. V. Buzova, Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Business and Corporate Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The article addresses current issues related to the conduct of general meetings of participants using digital technologies. It examines legislative changes that came into force on March 1, 2025, aimed at regulating remote formats for conducting meetings. Particular attention is paid to issues of participant identification, technical requirements for digital platforms, and new formats for conducting meetings, including remote and hybrid options. Special emphasis is placed on innovations, such as mandatory video recording of meetings and its attachment to the meeting minutes, as well as their impact on the transparency and reliability of the procedure. Potential challenges associated with the implementation of the new norms are analyzed, including issues related to participant identification, technical failures, and risks of contesting meeting results. The article explores data protection issues in voting using digital technologies, as well as ways to enhance transparency, confidentiality, and stability of the voting process. Possible solutions are proposed, including the creation of personal accounts for participants and the development of mechanisms to minimize technical errors. The feasibility of the innovations and their impact on corporate governance are assessed.

Keywords: digital technologies, legislative amendments, corporate governance, remote meetings, process optimization

For citation: Gaidukova, A. A. Holding general meetings of participants (shareholders) and introducing digital technologies. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):25-33. (In Russ.)

Современные цифровые технологии активно внедряются в корпоративные процессы, что позволяет оптимизировать корпоративное управление и повысить вовлеченность участников. Законодательные изменения, вступившие в силу 1 марта 2025 г., направлены на регулирование проведения общих собраний участников с использованием цифровых платформ. Это обусловлено необходимостью адаптации правовых норм к реалиям цифровой экономики и устранения пробелов в законодательстве.

Пересмотр традиционных подходов к корпоративному управлению в контексте проведения общих собраний обусловлен рядом факторов цифровой эпохи. Ключевыми среди них являются необходимость работы с современными информационными потоками, требующая внедрения инновационных технологий в систему управления, и расширение возможностей предприятия за счет цифровых инструментов, создающее потенциал для

роста. Помимо этого, корректировка управленческих подходов диктуеться необходимостью адаптации бизнеса к новым технологическим реалиям, определяющим его успешность, а также воздействием инноваций на структуру экономических процессов [1, с. 129–130].

Ранее право участников проводить общие собрания без заседания было зафиксировано в первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), где указано, что условием участия в заседании общего собрания участников общества с использованием электронных или иных технических средств является возможность идентификации лица, принимающего дистанционное участие в заседании (ст. 181.2). Возможность и способы участия в дистанционном формате должны быть предусмотрены уставом или единогласным решением участников. В данной статье также предусмотрен формат заочного голосования с использованием электронных средств.

Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ (далее – Закон об ООО) был дополнен ст. 37.1, раскрывающей содержание и порядок проведения заседаний общего собрания участников общества с дистанционным участием². Несомненное преимущество дистанционного участия в общем собрании участников – возможность присутствия вне места проведения собрания, т. е. место проведения собрания не определено. Однако вариант, когда собрание проводится полностью в дистанционном формате без очного присутствия, возможен только при условии наличия такого положения в уставе.

Помимо идентификации лица, принимающего участие в собрании, что уже было регламентировано ГК РФ, добавились новые требования, согласно которым программа, с использованием которой будет осуществляться дистанционное участие, должна обеспечивать возможность обсуждения вопросов повестки дня и голосования.

Участники общества с ограниченной ответственностью должны быть уведомлены о проведении общего собрания не позднее чем за 30 дней до даты его проведения, если уставом общества не установлен более длительный срок. Акционеры должны быть уведомлены о проведении общего собрания не позднее чем за 21 день до даты его проведения и за 30 дней в случае, если повестка дня содержит вопрос о реорганизации. Уведомление может быть отправлено почтовым отправлением (заказное письмо с уведомлением), по электронной почте, если это предусмотрено уставом или соглашением участников, личным вручением под роспись. Для уведомления акционеров возможен вариант размещения информации о собрании в сети «Интернет». Отправка производится также с использованием цифровых платформ через корпоративные системы или специализированные сервисы, если это предусмотрено уставом или решением участников. В уведомлении должны быть указаны дата, время, место проведения собрания, способ

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

² См.: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 287-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (п. 12 ст. 4) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4983.

Гайдукова А. А. Проведение общих собраний акционеров и внедрение цифровых технологий

принятия решений, а также повестка дня. Если участник имеет право голосовать электронно, это также должно быть указано. При условии, что собрание проводится в дистанционном формате, помимо вышеперечисленного, в уведомлении указываются порядок доступа к платформе, на которой будет проходить заседание, а также способ идентификации участников.

С материалами участники могут ознакомиться на сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Заседание проходит с использованием трансляции изображения и звука в режиме реального времени. Это отличает дистанционный формат от заочного, так как согласно п. 1 ст. 38 Закона об ООО путем заочного голосования решения общего собрания участников общества принимаются без проведения собрания, т. е. без совместного присутствия участников общества для обсуждения вопросов повестки дня. При этом можно использовать цифровые технологии, например для подписи и обмена документами.

Запись заседания прикрепляется к протоколу общего собрания участников. Данная норма является нововведением, так как ранее для оформления протокола использовалась только письменная форма.

В таком формате можно проводить как внеочередные, так и очередные (годовые) общие собрания участников (акционеров), поскольку изменениями от 1 марта 2025 г. участие в собрании участников (акционеров) в дистанционном формате приравнено к личному присутствию на собрании.

С 1 сентября 2027 г. начнут действовать новые нормы, регулирующие процесс идентификации участников дистанционных собраний. Для подтверждения личности участников будет использоваться усиленная квалифицированная электронная подпись. При этом устав организации может предусмотреть более простые способы, такие как неквалифицированная электронная подпись, авторизация через «Госуслуги» или биометрические данные. Если участник действует через представителя, необходимо оформить машиночитаемую доверенность (п. 12, 13 ст. 37 Закона об ООО).

Законодательство предоставляет компаниям больше возможностей для выбора формата проведения собраний и заседаний советов директоров. Помимо традиционных очных и заочных форматов, теперь доступны онлайн-заседания и смешанные варианты, сочетающие очное и заочное участие. Детально прописанные процедуры упрощают ориентирование для бизнеса. Дистанционный формат позволяет участникам присоединяться из любой локации, что не только оптимизирует корпоративные процессы, но и сокращает расходы на логистику и проживание.

Тем не менее внедрение новых правил может вызвать определенные трудности. Компаниям предстоит разработать механизмы для эффективной идентификации участников с использованием электронных подписей и платформы «Госуслуги». На подготовку к изменениям отведено три года, что должно помочь бизнесу адаптироваться к новым требованиям и внедрить необходимые процедуры.

Для проведения общих собраний участников с использованием цифровых технологий применяются:

– системы электронного голосования, которые позволяют участникам голосовать удаленно через специализированные платформы. Эти системы

обеспечивают безопасность и конфиденциальность голосования, а также фиксацию результатов;

– видео-конференц-связь, использующаяся для проведения собраний в режиме реального времени;

– электронная подпись, которая также является гарантом конфиденциальности и подлинности документа;

– блокчейн-технологии, в некоторых случаях служащие обеспечению прозрачности и неизменности результатов голосования.

Изменения от 1 марта 2025 г. также затронули и акционерные общества. Механизм проведения и требования к собранию аналогичны нововведениям для обществ с ограниченной ответственностью. Положения об удостоверении лица с помощью усиленной электронной подписи вступят в силу с 1 сентября 2027 г.

Е. В. Ельникова анализирует положения законодательства, которые регулировали возможность осуществления голосования на общем собрании с применением электронных средств: «Для акционерных обществ уточняющие рекомендации в отношении выбора формы и способа проведения общих собраний сформулированы в письме Банка России от 3 апреля 2020 г., согласно которому им рекомендовано использовать заочную форму голосования, а также воздерживаться от личного присутствия и использовать дистанционные формы направления волеизъявления (заполнение бюллетеня в электронной форме на сайте в сети Интернет или направление в адрес общества заполненного бюллетеня либо сообщения о волеизъявлении через депозитарий, осуществляющий учет прав на акции, и т. д.). Также Банк России рекомендовал обществам в дополнение к предусмотренным законодательством обязательным способам волеизъявления акционеров по возможности обеспечивать акционерам дистанционное участие в годовом собрании путем электронного голосования на сайте акционерного общества, регистратора или центрального депозитария» [2, с. 64–65].

Дистанционное участие акционеров в собраниях стало возможным благодаря внедрению специализированных платформ, таких как «Интерфакс-ЦРПТ», и других систем электронного голосования. Эти платформы позволяют акционерам получать материалы собрания в электронном виде, участвовать в обсуждении вопросов повестки дня через онлайн-трансляции, голосовать в режиме реального времени с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи.

Тенденция к внедрению дистанционного формата проведения общих собраний наблюдалась в корпоративной практике и до пандемии COVID-19. Однако с распространением коронавирусной инфекции и введением ограничительных мер, направленных на противодействие эпидемии, потребность в использовании дистанционных технологий значительно усилилась. Первоначально изменения в части применения дистанционного формата были внедрены в акционерных обществах, что обусловлено спецификой их корпоративной структуры, включающей значительное количество акционеров. Такой формат проведения собраний обеспечивал удобство и оперативность в организации корпоративных процедур, а также снижение издержек, связанных с проведением очных собраний.

Б. С. Батаева провела исследование и выявила определенную тенденцию. С 2015 г. наблюдается динамичное увеличение количества акционеров, что стало ключевым моментом для цифровизации собраний акционеров. Автор отмечает, что распространение интернета и мобильных устройств обеспечило инфраструктурную основу для электронного голосования. Снижение затрат на организацию собраний за счет автоматизации процессов (например, сокращение расходов на печать бюллетеней и аренду помещений) сделали электронное голосование привлекательным для эмитентов. Одновременно рост активности акционеров после внедрения цифровых инструментов подтвердил операционную целесообразность технологии [3].

Однако возникают сложности, связанные с техническими сбоями, недостаточной квалификацией участников и неоднозначностью правового регулирования.

На данный момент участники общества могут столкнуться со следующими трудностями при участии в собрании с использованием цифровых технологий. Возникают вопросы, связанные с достоверностью идентификации участников и предотвращением несанкционированного доступа к собранию. Например, И. С. Шиткина и К. В. Севеева нашли решение данной проблемы в контексте акционерных обществ, руководствуясь следующим: «Личные кабинеты акционеров уже широко используются крупными регистраторами как для обмена документами (например, передаточными распоряжениями и иными заявлениями) с акционерами, так и для проведения общих собраний в заочной или смешанной форме. Так, ПАО «Интер РАО» в 2020 г. предоставило акционерам возможность дистанционного голосования на годовом общем собрании (посредством заочного голосования) путем заполнения электронной формы бюллетеня через систему электронного голосования у АО «ВТБ Регистратор» через личные кабинеты акционеров у регистратора либо через мобильное приложение. Вход в личный кабинет акционера осуществлялся либо с использованием ЕСИА, либо по предоставленному регистратором логину и паролю» [4, с. 14].

Представляется логичным создание личного кабинета также и для участников общества с ограниченной ответственностью. Так, в личном кабинете участник сможет и подтвердить идентификацию, и получить доступ к документам и информации, что повысит уровень конфиденциальности. З. А. Каширин, О. А. Онуфриева и А. С. Рукавишникова отмечают: «Решение проблем, связанных с аутентификацией, подтасовкой, сторонним вмешательством и конфиденциальностью, должно быть выполнено на законодательном уровне, путем нормативной регламентации порядка и правил применения современных технологий. Также логичным решением является создание сертифицированных систем и лицензированных организаций, оказывающих услуги по организации и проведению общих собраний» [5, с. 161–162].

Также возможно голосование с использованием блокчейн-технологий. Следует отметить, что законодатель не дает четкого определения данному понятию, однако в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

можно найти следующее определение: «...информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств» (п. 3 ст. 2). Российские правоведы рассматривают блокчейн также как способ фиксации прав [6; 7].

Применительно к этому С. В. Пушкарев, рассуждая на тему применения технологий блокчейн при организации общих собраний участников/акционеров, указал на доклад Банка России⁴. Из его содержания следует, что электронное голосование, в частности с использованием блокчейн-технологии, способно разрешить проблему низкой вовлеченности акционеров и уменьшить транзакционные издержки для корпорации и ее участников. Блокчейн-технология повышает прозрачность и надежность голосования на общих собраниях, тем самым дополнительно уменьшая издержки и создавая стимулы для участия в управлении [8, с. 30–31; 9, с. 6].

С. В. Пушкарев отмечает, что внедрение цифровых технологий в деятельность хозяйственных обществ вызывает опасения насчет возможных злоупотреблений и умышленных нарушений прав участников. Учитывая, что мировая практика подтверждает эффективность страхования для защиты прав акционеров, автор полагает, что покрытие рисков, специфичных для дистанционных собраний и цифровых форматов взаимодействия, в том числе нарушения прав акционеров, может стать перспективным направлением в рамках страхования D&O [8, с. 30–31].

В качестве следующей проблемы можно назвать технические сбои, возможные в работе цифровых платформ, которые могут привести к нарушению процедуры проведения собрания и оспариванию его результатов. В законе прописан только вариант признания заседания несостоявшимся. Однако на практике может возникнуть вариант, когда технические сбои будут незначительными, что не повлияет на возможность продолжения собрания, но в видеозаписи будет зафиксирована данная ошибка. Повлечет ли это за собой возможность оспаривания, или участники могут прописать в уставе или принять решение, что может послужить препятствием для проведения собрания? Наилучший вариант решения данной проблемы: провести некоторое количество собраний участников, далее составить сводку о возникших проблемах и вынести на обсуждение указанный выше вопрос с учетом выявленных недостатков платформы, которую используют участники для проведения заседаний в дистанционном формате.

Подводя итоги, можно сказать, что основными целями изменений, вступивших в силу с 1 марта 2025 г., были:

– повышение доступности участия, так как цифровые технологии позволяют участникам, находящимся в разных регионах или странах, принимать участие в собраниях без необходимости физического присутствия;

⁴ Доклад Банка России для публичных консультаций «О подходах к стимулированию активности акционеров и инвесторов по участию в управлении российскими публичными акционерными обществами» // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/50695/Consultation_Paper_170925.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

- оптимизация корпоративных процедур посредством автоматизации процессов голосования и документооборота, что сокращает временные и финансовые затраты;
- адаптация к цифровой экономике, поскольку законодательные изменения направлены на создание правовых условий для использования современных технологий в корпоративном управлении.

В качестве предложения для следующих нововведений видится возможным устраниТЬ проблему унификации терминологии. Д. Р. Вафин указывает на сохраняющиеся сложности в разграничении терминов «дистанционно» и «заочно» из-за их бытовой синонимичности и несоответствия понятий «собрание» и «заседание» в ГК РФ и специальном законодательстве. Это создает риски процессуальных нарушений, некорректного оформления протоколов и трудностей в определении формы проведения собрания, что может повлечь оспоримость решений, особенно для заседаний с особым порядком подтверждения (п. 3 ст. 67.1 ГК РФ). Решение видится в унификации терминологии корпоративного законодательства [10].

Внедрение цифровых технологий в проведение общих собраний участников является важным шагом в развитии корпоративного права. Однако для успешной реализации необходимо решить ряд правовых и технических проблем, связанных с идентификацией участников, защитой данных и обеспечением стабильности работы цифровых систем.

Список источников

1. Беляева И. Ю., Данилова О. В. Развитие корпоративных стратегий и технологий в российских компаниях : моногр. М. : Финансовый ун-т, 2019. 387 с.
2. Ельникова Е. В. Использование цифровых технологий при голосовании на общем собрании участников (акционеров) хозяйственного общества // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 60–67.
3. Батаева Б. С. Развитие корпоративного управления с помощью сервисов электронного голосования // Управленческие науки. 2020. Т. 10, № 2. С. 77–84.
4. Шиткина И. С., Севеева К. В. Очные собрания в дистанционном формате // Законодательство. 2020. № 11. С. 11–20.
5. Кашаров З. А., Онуфриева О. А., Рукавишникова А. С. Правовое регулирование использования электронных и технических средств для организации и проведения общего собрания участников корпораций // Международный научно-исследовательский журнал : сетевое изд. 2021. № 7 (109). С. 159–163. URL: <https://research-journal.org/archive/7-109-2021-july>.
6. Лаптев В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 199–204.
7. Харитонова Ю. С. Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных реестров // Право и экономика. 2018. № 1. С. 15–21.
8. Пушкарев С. В. Развитие корпоративного права под влиянием вызовов цифровой эпохи // Инновационные технологии управления и права. 2021. № 1 (30). С. 28–32.
9. Чеховская С. А. Корпоративное электронное управление и корпоративное управление для электронных корпораций: правовые аспекты // Предпринимательское право. 2018. № 4. С. 3–11.

A. A. Gaidukova. Holding general meetings of shareholders and introducing digital technologies

11. Вафин Д. Р. Правовое регулирование проведения дистанционных собраний участников (акционеров) непубличных корпораций // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. № 4. С. 12–16.

References

1. Belyaeva, I. Yu., Danilova O. V. *Development of corporate strategies and technologies in Russian companies*. Monograph. Moscow: Financial University; 2019. 387 p. (In Russ.)
2. Elnikova, E. V. Use of digital technologies in voting at the general meeting of participants (shareholders') business entity. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020;(7):60-67. (In Russ.)
3. Bataeva, B. S. Corporate governance development with e-voting services. *Management Sciences*. 2020;(2):77-84. (In Russ.)
4. Shitkina, I. S., Seveeva, K. V. In person meetings in remote format. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2020;(11):11-20. (In Russ.)
5. Kasharov, Z. A., Onufrieva, O. A., Rukavishnikova, A. S. Legal regulation of the using electronic and technical means for organizing and holding a corporate general meeting. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Research Journal*. E-journal. 2021;(7):159-163. (In Russ.) URL: <https://research-journal.org/archive/7-109-2021-july>.
6. Laptev, V. A. Digital assets as objects of the civil rights. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(2):199-204. (In Russ.)
7. Kharitonova, Yu. S. The legal significance of fixing intellectual property rights by using technology of distributed registries. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2018;(1):15-21. (In Russ.)
8. Pushkarev, S. V. Development of corporate law under the influence of the challenges of the digital age. *Innovatsionnye tekhnologii upravleniya i prava = Innovative Technologies of Management and Law*. 2021;(1):28-32. (In Russ.)
9. Chekhovskaya, S. A. Corporate electronic management and corporate management for electronic corporations: legal aspects. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial Law*. 2018;(4):3-11. (In Russ.)
10. Vafin, D. R. Legal regulation of remote meetings of participants (shareholders) of non-public corporations. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*. 2022;(4):12-16. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Гайдукова – студент 2 курса магистратуры.

Information about the author

А. А. Gaidukova – 2nd year master's student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принятая к публикации 02.07.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 02.07.2025.

Участие государственных корпораций в реализации креативных проектов

Алина Александровна Ефимова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация
✉ 89161698108@mail.ru

Научный руководитель: **Н. В. Бузова**, к.ю.н., доцент кафедры
предпринимательского и корпоративного права Российского
государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. В научной статье рассматриваются некоторые аспекты ответственности государственных корпораций за реализацию приоритетных направлений государственного развития. Проведен анализ правовых механизмов ответственности и стимулирования эффективности деятельности государственных корпораций в сфере креативных индустрий. Исследование сформировано посредством применения методологических подходов, таких как анализ, обобщение и систематизация в процессе сбора и обработки информации. Методы, использованные в исследовании, помогли в объективной оценке и интерпретации полученных данных, что способствовало формированию обоснованных выводов об ответственности государственных корпораций за реализацию приоритетных направлений государственного развития, связанных с креативными индустриями.

Ключевые слова: государственная корпорация, креативная индустрия, ответственность, правовые механизмы, стимулирование

Для цитирования: Ефимова А. А. Участие государственных корпораций в реализации креативных проектов // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 34–41.

Original article

Participation of State Corporations in the Implementation of Creative Projects

Alina A. Efimova

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
✉ 89161698108@mail.ru*

Scientific supervisor: N. V. Buzova, Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Business and Corporate Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The scientific article examines some aspects of the responsibility of state corporations for the implementation of priority areas of state development. The analysis of the legal mechanisms of responsibility and stimulation of the effectiveness of state corporations in the field of creative industries is carried out. The scientific article is formed through the application of methodological approaches such as analysis, generalization and systematization in the process of collecting and processing information. The methods used in the study helped in the objective assessment and interpretation of the data obtained, which contributed to the formation of reasonable conclusions about the responsibility of state corporations for the implementation of priority areas of state development related to the creative industries.

Keywords: state corporation, creative industry, responsibility, legal mechanisms, incentive

For citation: Efimova, A. A. Participation of state corporations in the implementation of creative projects. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):34-41. (In Russ.)

Участие государственных корпораций в реализации приоритетных направлений государственного развития, связанных с креативными индустриями, представляет собой важный и комплексный вопрос, находящийся на пересечении права, государственного управления и экономики. Данную проблематику следует рассматривать в контексте как обязательств, возложенных на государственные корпорации действующим законодательством, так и правовых механизмов, обеспечивающих стимулирование их деятельности. В условиях современного этапа развития экономики креативные индустрии играют ключевую роль, являясь важной составляющей национальной конкурентоспособности в глобальном масштабе. Государственные корпорации как организации, призванные решать ключевые задачи развития страны, рассматриваются в качестве эффективных инструментов реализации государственной политики, направленной на поддержку и продвижение данной сферы [1, с. 80].

Креативные индустрии традиционно понимаются как совокупность видов деятельности, в рамках которых экономическая ценность создается посредством творческих способностей и талантов человека.

Как отмечают авторы, основными направлениями креативных индустрий являются сферы, связанные с искусством, дизайном, медиа, инфор-

мационными технологиями, культурным наследием, киноиндустрией, производством контента и многими другими [2, с. 116].

Государственные корпорации как субъекты, обладающие уникальным правовым статусом и объединяющие в своей деятельности государственные и частные интересы, несут ответственность за создание благоприятных условий для их продвижения, интеграции в экономику и стимулирования инновационного развития.

С юридической точки зрения ответственность государственных корпораций в изучаемой сфере устанавливается на основании норм административного, гражданского, а также специализированного законодательства, регулирующего их деятельность [3, с. 26].

Одним из ключевых документов, формирующих статус, функции и полномочия государственных корпораций в Российской Федерации, выступает Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹. Закон не только закрепляет правовую основу деятельности государственных корпораций, но и устанавливает их особый статус как некоммерческих организаций, наделенных специфическими функциями, связанными с реализацией задач государственной важности.

Примером мероприятия, поддержанного Госкорпорацией «Ростех», является военно-музыкальный фестиваль «Спасская башня», который считается крупнейшим в мире фестивалем военных оркестров. Ежегодно он проходит на Красной площади в Москве и собирает коллективы из различных стран. Продолжительность фестиваля составляет несколько дней, а его проведение традиционно приурочено к празднованию Дня города. Помимо основных сценических представлений, участники фестиваля организуют парады на городских улицах, выступают в парках, создавая атмосферу праздника для жителей и гостей столицы. Несмотря на название, участие в фестивале принимают не только военные оркестры – свои программы представляют подразделения почетной охраны, национальные фольклорные коллективы, а также артисты, демонстрирующие искусство верховой езды. Специально для детей создается отдельная зона с развлечениями – детский городок. Каждый концерт сопровождается световым шоу, а кульминацией программы становится яркий фейерверк, который завершает праздник. Фестиваль является не только важным культурным событием, но и примером того, как социально ответственная деятельность корпорации способствует популяризации искусства и укреплению международного культурного сотрудничества.

Еще одним значимым проектом с участием государственных корпораций в развитии креативных индустрий стал форум «Таврида». Он организован при поддержке Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» и представляет собой крупный образовательный и культурный проект, направленный на поддержку молодежи, занятой в творческих профессиях. На площадке «Тавриды» ежегодно проходят творческие сессии, позволяющие участникам реализовать свои проекты, получать менторскую поддержку и заключать контракты с представителями индустрии. Благодаря

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

данному проекту значительно вырос уровень вовлеченности современной молодежи в развитие креативного сектора экономики [4].

А. Е. Глумова в специальном исследовании акцентирует внимание на том, что в качестве учредительного документа такого рода организаций рассматривается соответствующий федеральный закон о создании такой государственной корпорации [5, с. 112].

В рамках выполнения задач, связанных с развитием креативных индустрий, государственные корпорации в том числе осуществляют деятельность, способствующую социальному-экономическому развитию государства. Это включает организацию целевого финансирования инициатив, направленных на поддержку инновационных проектов, создание благоприятных условий для их реализации, развитие необходимой инфраструктуры и системную подготовку высококвалифицированных специалистов.

Как поясняет Д. К. Демушкина, на государственных корпорациях лежит обязательство не только управлять финансовыми потоками, направленными на креативные проекты, но и формировать стратегические решения, которые позволяют интегрировать инновационные идеи в экономику и культуру. Такая деятельность налагает на корпорации значительное бремя ответственности, так как от их профессионализма, эффективности и прозрачности зависят перспективы роста целых отраслей, связанных с творчеством и интеллектуальной деятельностью [6, с. 96].

Особое значение в осуществлении деятельности государственных корпораций имеет определение критериев их эффективности. Это направление остается одной из ключевых задач для совершенствования законодательства, так как именно объективная оценка эффективности деятельности определяет, достигаются ли цели государственной политики в той или иной сфере.

Несмотря на то что вопрос о разработке таких критериев в контексте креативных индустрий до сих пор не получил окончательного решения, уже сегодня можно выделить основные подходы, которые все чаще находят отражение в правоприменительной практике. Прежде всего, речь идет о необходимости включения в процесс контроля обязательного механизма государственного мониторинга за результатами деятельности корпораций. При этом такой контроль должен быть не санкционным, направленным лишь на выявление нарушений или несоответствий, а стимулирующим, что обеспечивается через поддержание баланса между надзором и предоставлением ресурсов для развития деятельности корпораций.

Как считают специалисты, законодательство Российской Федерации четко указывает, что выполнение корпорацией задач, относящихся к сфере государственного значения, не освобождает ее от необходимости демонстрировать конкретные и измеримые результаты [7, с. 38].

Это правило особенно актуально в контексте креативных индустрий, поскольку такие сферы, как искусство, культура и мультимедийные технологии, часто воспринимаются как малопредсказуемые с точки зрения их экономической отдачи. Именно поэтому критерии оценки деятельности государственных корпораций должны учитывать не только количественные показатели, но и качественные результаты, отражающие вклад в развитие творческого потенциала страны.

В литературе в качестве критериев выделены такие показатели, как объем государственных и корпоративных инвестиций, направленных на реализацию креативных проектов, число созданных рабочих мест в связанных секторах, уровень вовлеченности молодежи в творческую деятельность, а также степень внедрения инновационных технологий, способствующих повышению конкурентоспособности российской креативной экономики [8, с. 9].

М. В. Лоскутова отмечает, что правильное формирование указанных критериев должно учитывать динамику изменений и международный контекст, ведь развитие креативных индустрий напрямую связано с глобальными трендами и мировыми практиками. Это, в свою очередь, поднимает вопрос о важности интеграции опыта других стран, которые уже добились значительных успехов в сфере культурных и творческих инноваций [9, с. 58]. Примером здесь могут служить страны Европейского союза, где развитие креативных индустрий рассматривается как один из центральных факторов укрепления социального капитала и развития инклюзивного общества. Соответственно, разработка и утверждение критериев эффективности в российской правоприменительной практике требуют не только вовлечения профессионалов из сферы права и экономики, но и привлечения представителей отрасли, чья деятельность непосредственно связана с творчеством и инновациями [10, с. 47].

Вместе с тем КоАП РФ регламентирует ответственность государственных корпораций за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих функций. Такая ответственность может проявляться в виде применения административных мер, расторжения договоров с партнерами, наложения санкций или введения иных ограничений.

При этом проблемы разработки, нормативного закрепления и применения адекватных механизмов стимулирования деятельности государственных корпораций в данной сфере также требуют внимания. Законодатель и представители научного сообщества сходятся во мнении, что классические подходы, используемые для регулирования коммерческих организаций, не всегда применимы к государственным корпорациям, особенности которых заключаются во взаимодействии коммерческих и публично-правовых начал [11, с. 157].

В этой связи целесообразно обратить внимание на предложение А. А. Назариковой, которая в качестве одного из эффективных механизмов стимулирования предлагает развитие системы специального финансового обеспечения, включающей гранты на поддержку креативных стартапов, налоговые льготы и преференции для проектов, связанных с культурой и искусством. Такая политика уже реализуется в ряде зарубежных юрисдикций и показывает свою эффективность [12, с. 112].

Примечательно, что в контексте данной темы в научной дискуссии не следует забывать и вопросы этического характера, касающиеся гарантий прозрачности деятельности государственных корпораций.

Например, как считает С. К. Новикова, корпорации, получающие государственное финансирование, обязательно должны отчитываться перед обществом и государством о достигнутых результатах. Данная обязанность

обеспечивает не только прозрачность управленческого процесса, но и формирование доверия со стороны общества к проводимой государственной политике в данной области [13, с. 25].

Вместе с тем текущая практика требует дальнейших улучшений, поскольку существующие механизмы зачастую не обеспечивают необходимого уровня эффективности. Так, по мнению Л. Г. Руденко, трудности в реализации задач государственной политики в области креативных индустрий связаны с недостаточной координацией между государственными корпорациями и отраслевыми органами власти, что приводит к дублированию функций и снижению их общей эффективности. Кроме того, в российской правоприменительной практике отсутствует четкий и научно обоснованный перечень показателей, позволяющих объективно оценить влияние государственных корпораций на развитие креативных индустрий [14, с. 25].

Обобщая изложенное, можно утверждать, что участие государственных корпораций в реализации приоритетных направлений государственного развития в сфере креативных индустрий представляет собой многогранное явление, которое базируется на строгом регулировании их деятельности. Несмотря на наличие значительного прогресса в развитии законодательства в этой области, необходимо не только усилить контроль за деятельностью корпораций, но и создать действенные механизмы их стимулирования [15, с. 244].

Перспективными направлениями работы в этой сфере являются развитие практики внедрения цифровых инструментов управления, модернизация системы отчетности и увеличение прозрачности деятельности. В свою очередь, такие меры позволят государственным корпорациям не только выполнять свои обязательства в рамках законодательства, но и вносить существенный вклад в развитие творческого потенциала и культурного разнообразия страны.

Список источников

1. Россинская Г. М., Фомина Е. А., Ходковская Ю. В. Особенности ценностно-ориентированного управления корпорациями с государственным участием // Экономика и управление. 2022. № 4 (166). С. 77–87.
2. Гараджа Ю. В., Придворова М. Н. Проблемы организации деятельности корпораций в аспекте механизма правового регулирования // Молодой ученый. 2021. № 2. С. 115–117.
3. Малько А. В., Липинский Д. А., Мусаткина А. А. и др. Юридическая ответственность в правовой системе России: некоторые итоги исследования и перспективы проекта // Государство и право. 2021. № 12. С. 24–34.
4. Суязов Е. Е. Юридическая природа корпораций в России // Юрист. 2002. № 6. С. 14–17.
5. Глумова А. Е. Актуальные вопросы государственного регулирования креативных индустрий в Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 12. С. 111–115.
6. Демушкина Д. К. Государственные корпорации Российской Федерации: анализ законодательства и деятельности // Молодой ученый. 2024. № 38. С. 96–97.

Ефимова А. А. Участие государственных корпораций в реализации креативных проектов

7. Курченков В. В., Макаренко О. С., Соколов С. Н. Особенности и значение инновационной деятельности государственных корпораций в развитии экономики регионов // Региональная экономика. Юг России. 2022. № 3. С. 36–45.
8. Курченков В. В., Макаренко О. С. Стратегические приоритеты развития государственных корпораций российской экономики в современных условиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. № 3. С. 5–15.
9. Лоскутова М. В. Государственно-частное партнерство в условиях модернизации экономики России // Социально-экономические явления и процессы. 2021. № 2. С. 53–59.
10. Грицких Н. В., Кононова О. Н., Рыбак Н. С. Развитие креативных индустрий в условиях цифровизации // Социология. 2022. № 6. С. 45–58.
11. Морданов М. А. Креативные индустрии: содержание и экономическая значимость // Опыт и проблемы реформирования системы менеджмента на современном предприятии: тактика и стратегия : сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ф. Е. Удалова, В. В. Бондаренко. Пенза : Пенз. гос. аграр. ун-т, 2022. С. 155–160.
12. Назарикова А. А. Креативные индустрии как отдельный сектор креативной экономики в России и в мире // Молодой ученый. 2023. № 9. С. 111–113.
13. Новикова С. К. Креативная экономика как драйвер роста: мировой и российский опыт // Новые технологии. 2019. № 2. С. 23–28.
14. Руденко Л. Г. Государственное управление инфраструктурной поддержкой малого предпринимательства : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2021. 42 с.
15. Шаймарданов Т. Р. Государственные корпорации как особый субъект российского гражданского права // Молодой ученый. 2020. № 3 (293). С. 243–244.

References

1. Rossinskaya, G. M., Fomina, E. A., Khodkovskaya, Yu. V. Features of value-oriented management of corporations with state participation. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;(4):77-87. (In Russ.)
2. Garadzha, Yu. V., Pridvorova, M. N. Problems of corporate activity organization in the aspect of the mechanism of legal regulation. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2021;(2):115-117. (In Russ.)
3. Mal'ko, A. V., Lipinsky, D. A., Musatkina, A. A., et al. Legal responsibility in the Russian legal system: some results of the research and prospects for the project. *State and Law*. 2021;(12):24-34. (In Russ.)
4. Suyazov, E. E. The legal nature of corporations in Russia. *Yurist = Lawyer*. 2022;(6):14-17. (In Russ.)
5. Glumova, A. E. Current issues of state regulation of creative industries in the Russian Federation. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Research Journal*. 2022;(12):111-115. (In Russ.)
6. Demushkina, D. K. State corporations of the Russian Federation: an analysis of legislation and activities. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2024;(38):96-97. (In Russ.)
7. Kurchenkov, V. V., Makarenko, O. S., Sokolov, S. N. Features and significance of innovative activities of state corporations in development of regional economy. *Regional economy. The South of Russia*. 2022;(3):36-45. (In Russ.)
8. Kurchenkov, V. V., Makarenko, O. S. Strategic priorities for the development of state corporations of the Russian economy in modern conditions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Journal of Volgograd State University. Economics*. 2021;(3):5-15. (In Russ.)

A. A. Efimova. Participation of state corporations in the implementation of creative projects

9. Loskutova, M. V. State-private partnership in conditions modernizations of economy of Russia. *Social-Economic Phenomena and Processes*. 2021;(2):53-59. (In Russ.)
10. Gritskikh, N. V., Kononova, O. N., Rybak, N. S. Development of creative industries in the context of digitalization. *Sotsiologiya = Sociology*. 2022;(6):45-58. (In Russ.)
11. Mordanov, M. A. Creative industries: content and economic significance. In: F. E. Udalov, V. V. Bondarenko, eds. *Experience and problems of management system reform in a modern enterprise: tactics and strategy*. Collection of articles of the XXI International Scientific and Practical Conference. Penza: Penza State Agrarian University; 2022. Pp. 155–160. (In Russ.)
12. Nazarikova, A. A. Creative industries as a separate sector of the creative economy in Russia and in the world. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2023;(9):111-113. (In Russ.)
13. Novikova, S. K. Creative economy as a growth driver: world and Russian experience. *New Technologies*. 2019;(2):23-28. (In Russ.)
14. Rudenko, L. G. *State management of infrastructure support for small businesses*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2021. 42 p. (In Russ.)
15. Shaimardanov, T. R. State corporations as a special subject of Russian civil law. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2020;(3):243-244. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Ефимова – студент 2 курса магистратуры.

Information about the author

A. A. Efimova – 2nd year master's student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 08.07.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 08.07.2025.

Улучшение жилищных условий с использованием средств материнского (семейного) капитала

Софья Алексеевна Зверева¹, Яна Маликовна Наваррская²

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

✉ ¹ sofya_zvereva567@mail.ru
✉ ² ya.navarrskaya@mail.ru

Научный руководитель: А. М. Гаврилова, к.ю.н., доцент кафедры
гражданского права Российской государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева

Аннотация. В статье рассматриваются правовое регулирование и порядок улучшения жилищных условий за счет средств материнского (семейного) капитала. Отмечается, что ключевыми факторами демографической ситуации в Российской Федерации являются проблемы ограниченного финансирования семей с детьми и снижения числа их рождаемости. Молодые пары в большинстве случаев не могут принять решение о рождении детей с учетом сложностей, относящихся к их содержанию. В связи с этим в 2000-е гг. первостепенным направлением внутренней политики Российской Федерации стала разработка и реализация проектов, имеющих своей задачей разрешение кризисной демографической ситуации, а основой введения программы материнского капитала стало Письмо Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г.

В статье раскрываются конкретные возможности улучшения жилищных условий. Подробно рассмотрены правила использования средств материнского (семейного) капитала для улучшения жилищных условий, также изучены неоднозначные операции, направленные на предотвращение выдачи займов с целью обналичивания материнского (семейного) капитала. Авторами выявлены проблемы в законодательстве, регулирующем процедуру улучшения жилищных условий за счет средств материнского (семейного) капитала, и предложены возможные варианты их решения.

Ключевые слова: материнский (семейный) капитал, государственная поддержка, жилое помещение, социальная защита, право, приобретение, улучшение жилищных условий

Для цитирования: Зверева С. А., Наваррская Я. М. Улучшение жилищных условий с использованием средств материнского (семейного) капитала // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 42–50.

Original article

Improvement of Housing Conditions with the use of Maternal (Family) Capital

Sofya A. Zvereva¹, Yana M. Navarrskaya²

^{1, 2} Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation

✉¹ sofyazvereva567@mail.ru

✉² ya.navarrskaya@mail.ru

Scientific supervisor: A. M. Gavrilova, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor at the Civil Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The article discusses the legal regulation and procedure for improving housing conditions at the expense of maternal (family) capital. It is noted that the key factors of the demographic situation in the Russian Federation are the problems of limited financing for families with children and a decrease in their birth rate. In most cases, young couples cannot make a decision about having children, taking into account the difficulties related to their maintenance. In this regard, in the 2000s. The primary direction of the domestic policy of the Russian Federation has become the development and implementation of projects aimed at resolving the crisis demographic situation, and the basis for the introduction of the maternity capital program was the Message of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly on 10 May 2006. The article reveals specific possibilities for improving housing conditions. The rules for using the funds of the maternal (family) capital to improve housing conditions are considered in detail, and ambiguous operations aimed at preventing the issuance of loans for the purpose of cashing out the maternal (family) capital are also studied. The authors have identified problems in the legislation regulating the procedure for improving housing conditions at the expense of maternal (family) capital, and proposed possible solutions.

Keywords: maternal (family) capital, government support, housing, social protection, law, acquisition, improvement of housing conditions

For citation: Zvereva, S. A., Navarrskaya, Ya. M. Improvement of housing conditions with the use of maternal (family) capital. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):42-50. (In Russ.)

Актуальность темы статьи обусловлена ключевой социальной мерой поддержки семей с детьми путем направления средств материнского (семейного) капитала (далее – МСК) на улучшение жилищных условий. Данная мера нацелена на повышение рождаемости в государстве и укрепление авторитета института семьи.

Материнский капитал был обозначен как основная мера, имеющая своей целью стимулирование женщин к рождению детей. Государственная программа поддержки семей, имеющих детей, была утверждена Государственной Думой¹ и одобрена принятием Федерального закона от 29 дека-

¹ Семейное право : учеб. и практик. для вузов / под ред. Л. М. Пчелинцевой ; под общ. ред. Л. В. Цитович. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 30.

бря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»² (далее – Федеральный закон № 256-ФЗ). Дополнительными мерами государственной поддержки семей, имеющих детей, являются: «направление средств материнского капитала на образование, оплату строительства, улучшение жилищных условий, финансирование накопительной пенсии и другие»³.

Законодательство Российской Федерации о дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, «...основывается на Конституции Российской Федерации, состоит из федеральных законов, а также издаваемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации»⁴.

Частью 2 ст. 1 Федерального закона № 256-ФЗ указано, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления «...могут устанавливать дополнительные меры поддержки семей, имеющих детей. В связи с этим они принимают нормативные правовые акты, которые предусматривают дополнительные меры социальной поддержки, осуществление финансирования происходит за счет средств бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов»⁵. Например, Закон Республики Коми «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми»⁶ предусматривает направление средств регионального семейного капитала на улучшение жилищных условий. Приобретаемое жилое помещение с использованием средств (части средств) регионального семейного капитала должно располагаться исключительно на территории Республики Коми.

Согласно Закону Республики Алтай от 8 июля 2011 г. № 44-РЗ⁷ право на дополнительные меры поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего гражданство Российской Федерации, только при условии проживания граждан на территории Республики Алтай как минимум один год.

² Российская газета. 2006. 31 дек.

³ Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества : учеб. для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 137.

⁴ Григорьев И. В., Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения : учеб. для ср. проф. образов. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 249.

⁵ Основы государства и права : учеб. для ср. проф. образов. / под общей ред. С. А. Комарова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 315.

⁶ Закон Республики Коми от 29 апреля 2011 г. № 45-РЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми» (ред. от 27.12.2022) // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2011. № 14. Ст. 353.

⁷ Закон Республики Алтай от 8 июля 2011 г. № 44-РЗ «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Алтай» (в ред. от 02.05.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=164023053&backlink=1&&nd=164019371&ysclid=m84xhlkz67974023980>.

В статью 3 Федерального закона № 256-ФЗ внесены дополнения, устанавливающие категории граждан Российской Федерации, имеющих право на МСК, в зависимости от даты рождения ребенка (детей) и очередности их рождения. Благодаря этому у родителей из Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, а также Херсонской и Запорожской областей появилась закрепленная Законом возможность получить МСК за детей, которые родились в 2007 г., т. е. с того момента, как эта программа начала действовать по всей России. Аналогичное решение ранее принималось и для проживающих в Республике Крым и г. Севастополе.

Статья 2 Федерального закона № 256-ФЗ определяет *материнский (семейный) капитал* как средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Социального фонда Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, включающих также возможность обеспечения улучшения жилищных условий.

Цель работы заключается в исследовании процедуры направления средств МСК на улучшение жилищных условий в качестве ценной меры социальной поддержки для семей с детьми. Объектом исследования является МСК в качестве дополнительной меры государственной поддержки семей, имеющих детей, обеспечивающий в том числе возможность улучшения жилищных условий. Предметом исследования являются проблемы в правоприменении и пробелы в законодательстве, осложняющие процедуру улучшения жилищных условий с использованием средств МСК.

Согласно ст. 10 Федерального закона № 256-ФЗ улучшение жилищных условий семьи с использованием МСК включает в себя, как правило, приобретение жилого помещения; уплату первоначального взноса при получении кредита или займа, в том числе ипотечного, на приобретение или строительство жилья; погашение основного долга и уплату процентов по кредитам (займам), в том числе ипотечным, на приобретение или строительство жилья, в том числе полученным до возникновения права на получение средств МСК, и др.⁸

Обязательными условиями являются нахождение приобретаемого жилья исключительно на территории Российской Федерации и его оформление в общую собственность семьи, включая родителей и детей, а также жилье не должно быть признано аварийным⁹.

МСК нельзя продать, обменять или «...обналичить, поскольку это целевая выплата. Любые схемы «обналичивания» МСК являются противоправными действиями, квалифицируются как мошенничество и преследуются уголовным законодательством Российской Федерации»¹⁰. В качестве примера

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» (ред. от 04.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 51. Ст. 6374.

⁹ Семейное право : учеб. и практ. для вузов / под ред. А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова, Д. Е. Матыцина. М. : Юрайт, 2025. С. 132.

¹⁰ Право социального обеспечения : учеб. для ср. проф. образов. / под ред. Е. Е. Мачульской. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 267.

можно привести определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции¹¹, по которому удовлетворено требование прокурора о взыскании средств МСК, поскольку действия ответчика по приобретению недвижимости были направлены на «обналичивание» материнского капитала – полученные средства МСК использованы не по целевому назначению, так как ответчик приобрела земельный участок фиктивно, цели улучшить жилищные условия не преследовала.

Получить наличные средства можно только в следующих случаях: семья может получить из средств МСК ежемесячную выплату в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста 3 лет, если размер среднедушевого дохода семьи не превышает двукратную величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в субъекте Российской Федерации на дату обращения за назначением указанной выплаты, а также семья может получить единовременную выплату в размере остатка, если остаток средств МСК меньше 10 тыс. руб. и завершены ранее оформленные выплаты из МСК, например на обучение ребенка в вузе или ежемесячная выплата на ребенка до 3 лет.

Жилая недвижимость, приобретенная с использованием займов, погашенных за счет средств МСК, должна быть зарегистрирована в установленный срок в совместную собственность родителей и детей, иначе это может указывать на неисполнение владельцами государственного сертификата на средства МСК, получившими займы на приобретение объектов жилой недвижимости, требований ч. 4 ст. 10 Федерального закона № 256-ФЗ, согласно которым они обязаны оформить приобретенное жилое помещение в общую собственность такого лица, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению¹². Если указанные владельцы такого государственного сертификата приобрели займы на индивидуальное жилищное строительство с использованием средств МСК, но после их получения в течение продолжительного периода не вели строительство на земельных участках, это тоже свидетельствует о неисполнении ими требований ч. 4 ст. 10 Федерального закона № 256-ФЗ [1, с. 127]. В качестве примера можно привести определение

¹¹ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2024 г. № 88-14784/2024 // Седьмой кассационный суд общей юрисдикции : [сайт]. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=32020781&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 24.03.2025).

¹² В силу п. 15(1) Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 862) срок для оформления объекта недвижимости в общую собственность родителей и детей – 6 месяцев после полной выплаты задолженности по кредиту (займу), средства которого были направлены полностью или частично на приобретение (строительство, реконструкцию) жилого помещения или погашение ранее полученного кредита (займа) на приобретение (строительство, реконструкцию) этого жилого помещения, и погашения регистрационной записи об ипотеке указанного жилого помещения.

ние Второго кассационного суда общей юрисдикции¹³. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, было удовлетворено требование о признании права собственности на доли в праве собственности на квартиру за несовершеннолетними детьми. Кассационную жалобу оставили без удовлетворения, поскольку не были выполнены требования ч. 4 ст. 10 Федерального закона № 256-ФЗ.

Еще один пример: прокурором было заявлено требование о признании за несовершеннолетними права собственности на доли в праве собственности на квартиру и обязанности ответчика зарегистрировать право собственности несовершеннолетних детей на жилое помещение, приобретенное на средства МСК. Определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции¹⁴ оставлено без изменения апелляционное определение, которым удовлетворено требование о признании права собственности на доли в праве собственности на квартиру за несовершеннолетними, так как судами было установлено, что ответчик не выполнил свои обязательства по оформлению приобретенного с использованием средств МСК жилого помещения в общую собственность с несовершеннолетними детьми.

Определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции¹⁵ оставлено без изменения определение суда апелляционной инстанции, которым удовлетворено требование прокурора о взыскании средств МСК с ответчика в доход федерального бюджета, так как в приобретенном жилом помещении не были выделены доли супруге и детям и впоследствии это помещение было продано.

Жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств МСК, должно быть оформлено надлежащим образом в общую собственность родителей и всех детей¹⁶. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации¹⁷ указано, что брачный дого-

¹³ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2024 г. № 8Г-8855/2024[88-9959/2024] // Второй кассационный суд общей юрисдикции : [сайт]. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=12292721&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 ноября 2024 г. № 88-27763/2024 // Шестой кассационный суд общей юрисдикции : [сайт]. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11084077&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁵ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2024 г. по делу № 88-9038/2024. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=28962226&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 ноября 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 2.

¹⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2024 г. № 1271-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прокури-

Зверева С. А., Наваррская Я. М. Улучшение жилищных условий с использованием маткапитала

вор не прекращает обязанности гражданина оформить жилое помещение в долевую собственность и не препятствует исполнению этой обязанности.

Кроме того, в ходе осуществления надзора¹⁸ в сфере финансовых рынков за некредитными финансовыми организациями¹⁹ выявляются признаки «нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних детей»²⁰ при осуществлении сделок со средствами МСК, поступающими от Социального фонда Российской Федерации в рамках реализации дополнительных мер государственной поддержки, установленных Федеральным законом № 256-ФЗ²¹.

Процедуры и нормы, действующие в кооперативе, снижают риск совершения сомнительных операций за счет предотвращения выдачи займов для того, чтобы обналичить МСК, таких как: случаи перечисления денежных средств либо выдачи займа в наличной форме при поступлении (после поступления) денежных средств МСК из Социального фонда Российской Федерации; случаи, когда сумма займа, стоимость приобретенного объекта недвижимости примерно равна сумме МСК; случаи установления по выдаваемым на улучшение жилищных условий займам ставок, не соответствующих рыночной практике; сделки купли-продажи недвижимости заключены между лицами, обладающими признаками родственных связей: пайщик (покупатель жилья) зарегистрирован/проживает по адресу приобретаемого объекта, совпадают фамилии пайщика и продавца недвижимости, при этом во всех случаях приобретенная недвижимость выделена в общую собственность родителей и детей; случаи отсутствия в досье клиентов (заемщиков) по займам, выданным на индивидуальное жилищное строительство (далее – ИЖС), документов и фотографий, подтверждающих разметку/межевание участков, ведение в интересах заемщиков строительных работ на земельных участках;

на Василия Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 163 и статьей 174.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктом 3 статьи 42 и пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации, частью 4 статьи 10 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”, а также частями первой – четвертой статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из «КонсультантПлюс».

¹⁸ Осуществляет Центральный банк Российской Федерации в соответствии с положениями ст. 76.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (Российская газета. 2002. 13 июля).

¹⁹ Поднадзорные кредитные потребительские кооперативы и сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы, осуществляющие свою деятельность менее трех лет и при этом выдающие займы под обеспечение средствами МСК (далее – кооператив).

²⁰ Вельмайкин С. Ф. Материнский капитал: комментарий к законодательству о дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей. М. : Инфра-М, 2008. С. 120.

²¹ Ульбашев А. Х. Семейное право : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 116.

согласно договорам займа на ИЖС, заключенным с пайщиками, установленный срок представления отчетов о ходе строительства с подтверждающими документами составляет более 6 месяцев с даты заключения договора займа (получения денежных средств); случаи выдачи займов на ИЖС пайщикам, проживающим в регионах, находящихся на значительном удалении от земельного участка; случаи, когда продавцами значительного числа земельных участков (займы на ИЖС) являлись одни и те же физические лица; случаи многократного участия одних и тех же объектов (земельных участков) в различных сделках купли-продажи в течение одного года; несовпадений подписей заемщика кооператива в договоре займа и договоре купли-продажи объекта недвижимости; несовпадений адресов объекта строительства в договоре займа и договоре купли-продажи.

Меры государственной поддержки, установленные Федеральным законом № 256-ФЗ, пользуются большим спросом. Согласно Росстату, численность лиц, распорядившихся средствами МСК на улучшение жилищных условий с 2011 по 2023 г. в России, возросла на 170 990 в диапазоне от 507 354 до 678 344 человек. В Центральном федеральном округе в 2023 г. лиц, которые получили государственный сертификат МСК, больше всего – 191 677. Меньше всего в Дальневосточном федеральном округе – 40 548 человек²².

«Программа МСК является своевременной и актуальной, способствующей решению нынешних острых проблем, таких как: демографический кризис и современные вопросы семей с детьми» [2, с. 25]. Вместе с тем в результате данного исследования нами были выявлены некоторые пробелы и проблемы, обусловленные реализацией законодательства о материнском (семейном) капитале в области улучшения жилищных условий с помощью средств МСК, в частности:

– увеличение возможностей по использованию средств МСК. Важно расширить меры государственной социальной поддержки семей с детьми, так чтобы материнский капитал был способен удовлетворить значимые потребности молодых семей. Например, разрешить направлять средства материнского капитала на приобретение земельного участка для индивидуального жилищного строительства либо предоставить возможность оплачивать ремонт жилья за счет МСК. Улучшением жилищных условий не является случай оплаты ремонта готового дома и технологическое подключение (к сетям коммуникаций) с помощью средств материнского капитала. Так как, исходя из смысла закона, «улучшение» означает увеличение числа квадратных метров жилого помещения, а не повышение качества существующих условий;

– мошенничество в сфере МСК. Например, многие молодые семьи хотели бы получить причитающуюся им сумму наличными, чтобы потратить их на то, что им действительно нужно. Увеличение выплаты неиспользованного остатка материнского капитала до 100 тыс. руб. поможет решить проблему «обналичивания» средств.

²² Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/smd_1.8.xlsx (дата обращения: 24.02.2025).

Список источников

1. Гусев А. П. Материнский капитал: получение, использование, субъекты. Ростов-н/Д : Феникс, 2012. 159 с.
2. Ершов В. А. Материнский капитал. Правовое регулирование и судебная практика. М. : Гросс-медиа, 2010. 72 с.

References

1. Gusev, A. P. *Maternity capital: receipt, use, subjects*. Rostov-on-Don: Feniks, 2012. 159 p. (In Russ.)
2. Ershov, V. A. *Maternity capital. Legal regulation and judicial practice*. Moscow: Gross-media; 2010. 72 p. (In Russ.)

Информация об авторах

С. А. Зверева – студент 4 курса;
Я. М. Наваррская – студент 4 курса.

Information about the authors

S. A. Zvereva – 4th year student;
Ya. M. Navarrskaya – 4th year student.

Вклад авторов:

Зверева С. А. – сбор и анализ данных; написание основного текста статьи, обработка данных.

Наваррская Я. М. – рецензирование и редактирование текста статьи; написание аннотации и разделов, связанных с результатами.

Contribution of the authors:

Zvereva S. A. – data collection and analysis; writing the main text of the article, data processing.

Navarrskaya Ya. M. – reviewing and editing the text of the article; writing the abstract and sections related to the results.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.04.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025; принятая к публикации 19.05.2025.

The article was submitted 15.04.2025; approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 19.05.2025.

Научная статья

УДК 347.453

EDN: FVEEDK

Предпосылки и порядок заключения договора строительного подряда

Алексей Анатольевич Максуров

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,

Ярославль, Российская Федерация

✉ alex.maks.yarosl@gmail.com

Аннотация. Соблюдение требований законодательства при заключении договора строительного подряда выступает важным средством предотвращения нарушений условий договора и договорной дисциплины в целом. По этому поводу в доктрине и законе имеется правовая неопределенность. Разрешить имеющиеся проблемы предлагается с помощью новых теоретических положений о порядке заключения договоров. Автор поддерживает мнение о существовании особого преддоговорного порядка заключения договора строительного подряда и уточняет существующие в науке позиции, возражает против предложенного в литературе деления предпосылок заключения договора на обязательные и необязательные. По его мнению, в виде предпосылок можно рассматривать лишь те условия, которые предполагают возможность заключения договора строительного подряда, но не возникновение договорных обязательств по строительству в целом, как это понимают другие исследователи. Автором сформулировано новое определение предпосылок заключения договора строительного подряда, которое возможно отразить в законодательстве, предложена классификация условий, без соблюдения которых в их совокупности сам договор не может быть заключен. Эти условия в одной ситуации могут быть обязательными, тогда как в другой – факультативными. Исследователь предлагает подразделять способы заключения договора строительного подряда на общий (направление оферты и ее акцепт) и специальные. Предлагается двухступенчатое заключение договора строительного подряда, описаны стадии его заключения.

Ключевые слова: строительный подряд, условия договора, заключение договора, предпосылки заключения договора, предварительный договор, существенные условия договора, порядок заключения договора, способ заключения договора

Для цитирования: Максуров А. А. Предпосылки и порядок заключения договора строительного подряда // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 51–61.

Prerequisites and Procedure for Concluding a Construction Contract

Alexey A. Maksurov

Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

✉ alex.maks.yarosl@gmail.com

Abstract. Compliance with the requirements of the law when concluding a construction contract is an important means of preventing violations of the terms of the contract and contractual discipline in general. In this regard, there is legal uncertainty in the doctrine and the law. It is proposed to resolve the existing problems with the help of new theoretical provisions on the procedure for concluding contracts. The author supports the opinion on the existence of a special pre-contratual procedure for concluding a construction contract and clarifies the existing positions in science, objects to the division of the prerequisites for concluding a contract into mandatory and optional prerequisites proposed in the literature. In his opinion, only those conditions can be considered as prerequisites that imply the possibility of concluding a construction contract, but not the emergence of contractual obligations for construction in general, as other researchers understand it. The author has formulated a new definition of the prerequisites for concluding a construction contract, which can be reflected in the legislation. The scientist proposed a classification of conditions, without observing which in their totality the contract itself cannot be concluded. These conditions in one situation can be mandatory, while in another – optional. The researcher proposes to subdivide the methods of concluding a construction contract into general (sending an offer and its acceptance) and special. A two-stage conclusion of a construction contract is proposed, the stages of its conclusion are described.

Keywords: construction contract, terms of the contract, conclusion of the contract, prerequisites for concluding the contract, preliminary contract, essential terms of the contract, procedure for concluding the contract, method of concluding the contract

For citation: Maksurov, A. A. Prerequisites and procedure for concluding a construction contract. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):51-61. (In Russ.)

Традиционно заключение договора понимается в гражданском праве как достижение согласия по поводу его существенных в силу закона и значимых для сторон договора условий. В настоящее время данный подход продолжает разделяться большинством юристов, однако усложнение экономической жизни и нормативного регулирования порядка заключения договора в различных фактических ситуациях приводит к некоторой теоретической и методологической адаптации указанных незыблемых положений доктрины.

Чаще всего речь идет о двух уточняющих концепциях.

Во-первых, это концепция согласования воли субъектов права, т. е. достижение достаточного уровня координации их совместных действий по выполнению достигнутых договоренностей [1, с. 49], причем такое требование в полной мере относится и к субъектам публичного права [2, с. 21]. Иными словами, важны не только обююдное согласие по поводу условий договора, но и скоординированные действия по реализации совместной договорной деятельности [3, с. 12]. Более того, на практике сегодня все

чаще одна из сторон начинает некоторые действия, направленные на исполнение условий договора при отсутствии самого договора, другая сторона совершает конкулюентные действия, направленные на взаимное исполнение, одновременно корректируя собственные действия и вызывая соответствующие изменения в будущих действиях контрагента по договору. В юридической науке такой процесс согласования воли сторон зачастую рассматривается в контексте юридической тактики [4, с. 52], имеющей также и психологические аспекты [5, с. 92].

Процесс взаимного корректирования и согласования действий выражается в договоре как во внешнем акте [6, с. 55], а сам договор по порядку своего заключения должен соответствовать принципам координационной практики [7, с. 62]. Данным путем реализуется социально-экономическая функция права [8, с. 122].

Во-вторых, нередки случаи заключения договора по результатам преддоговорных споров. Заключение договора в таком случае будет достигнуто в процессе снятия конфликта между сторонами [9, с. 71], само заключение договора – это и есть способ разрешения конфликта [10, с. 30], а договор выступает целью и результатом рассмотрения спора [11, с. 3].

При этом существующий преддоговорный спор как конфликт будущих сторон договора по поводу его условий может стать предметом судебного разбирательства или посредничества между сторонами либо оказаться в рамках контрольно-надзорной деятельности [12, с. 65], административного расследования [13, с. 319] или даже уголовно-правового разбирательства [14, с. 20].

Оба указанных подхода сегодня могут быть применены и в практике заключения договора строительного подряда.

Для того чтобы стороны договора могли выразить свою волю на его условия и заключить договор, должны присутствовать предпосылки заключения договора строительного подряда, а сама воля сторон на заключение договора реализуется в организационном порядке, установленном практикой.

Предпосылки заключения договоров в российском гражданском праве рассматриваются, как правило, либо в части некоторых обязательных обстоятельств, прямо предусмотренных законом или прямо вытекающих из его положений [15, с. 89], либо с точки зрения некоторых «свободных» действий сторон, направленных на снижение договорных рисков, в том числе риска последующего неисполнения договора (ненадлежащего исполнения договора) [16, с. 31], причем обычно авторские предпочтения зависят от конкретного типа (вида) договора.

В отношении договора строительного подряда в юридической литературе последнего времени явно преобладает первая точка зрения, основанная, в числе прочего, на положениях п. 1 ст. 740 ГК РФ об обязанности заказчика создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, ст. 743 ГК РФ о технической документации и смете, ст. 745 ГК РФ о принципах и порядке обеспечения строительства материалами и оборудованием, ст. 747 ГК РФ о дополнительных обязанностях заказчика и др., что представляется обоснованным. Однако подход к определению указанных предпосылок у авторов несколько различается.

В частности, Г. М. Заяханов указывает на наличие преддоговорного порядка заключения договора строительного подряда, элементы которого и будут основаниями для заключения самого договора [17, с. 19]. В то же время нельзя сказать, что такой вывод относится ко всем случаям заключения договора подряда: предлагаемое автором положение, верное для большинства ситуаций, нельзя рассматривать как универсальное.

В. Р. Файзулин полагает, что такие «организационно-правовые предпосылки заключения договора строительного подряда» следует рассматривать в качестве условий, позволяющих сторонам приступить не только к заключению, но и к исполнению договора строительного подряда. Они могут быть обязательными и необязательными [18, с. 14].

Здесь следует обратить внимание на два момента.

В первую очередь, в условиях правомерного поведения исполнение договора предполагается во всех случаях после его заключения. Если договор сторонами заключен, то его условия уже можно считать достаточными для удовлетворения соответствующих потребностей контрагентов.

Кроме того, приведенное В. Р. Файзулиным [18, с. 14–15] деление условий на обязательные и необязательные нельзя считать верным во всех случаях. Цивилистическая доктрина говорит о существенных условиях договора – тех, по которым стороны обязаны достигнуть единства мнений под угрозой признания их соглашения (договора) незаключенным, а также иных условиях, которые стороны считают значимыми для себя. Поэтому такое деление условий (на обязательные и необязательные) применимо не ко всем ситуациям и прямо не находит отражения в законе [19, с. 11].

В этой связи О. В. Макаров справедливо полагает, что во внимание должны приниматься лишь правовые основания (предпосылки), причем они будут относиться только к возникновению обязательств по производству строительных работ [20, с. 221]), а в их число О. В. Макаровым включается и требование о наличии строительной документации [20, с. 220]. Однако ведь строительная документация также не во всех случаях обязательна именно на момент заключения договора; стороны вполне могут обратиться к ее созданию уже позднее.

В целом же явного противоречия между позициями ученых не имеется, так как они, скорее, рассматривают вопрос предпосылок заключения договора строительного подряда с разных точек зрения, выделяя, по своему разумению, те условия, которые им кажутся наиболее верными как из практических соображений, так и вследствие особенностей правового регулирования, т. е. их внимание обращено к различным аспектам проблемы.

Вместе с тем предложенные позиции нуждаются в уточнении, так как сделанные учеными выводы не во всех случаях универсальны (применимы к любым фактическим ситуациям в сфере строительства) и не во всех случаях прямо вытекают из требований закона к данному виду договорных отношений.

Так, в качестве предпосылок можно рассматривать лишь те условия, которые предполагают возможность заключения договора строительного подряда, но не возникновение договорных обязательств по строительству (таким договором ведь может быть и предварительный договор, который

потом «не перрастет» в договор основной) и тем более не исполнение сторонами своих обязанностей по договору. Иными словами, 1) искомые условия могут быть связаны только с подписанием конкретного документа (договора строительного подряда) в той или иной форме, в том числе путем акцепта оферты, и 2) данные условия – это условия именно заключения договора, но не его исполнения, так как в самом договоре могут быть предусмотрены те или иные обязанности сторон, без поэтапной реализации которых непосредственное исполнение – строительство – не будет осуществлено в реальной действительности.

Представляется, что нет необходимости делить предпосылки заключения договора на обязательные и необязательные (как предлагает В. Р. Файзуллин [18, с. 14]) и по той причине, что условия заключения договора – это именно те обстоятельства, при отсутствии которых договор не может быть заключен (равно как и исполнен), т. е. речь должна идти исключительно об обязательных для сторон условиях. Эти условия почти всегда сводятся только лишь к административно-правовым и, за редким исключением, обычно не имеют гражданско-правового характера.

Отмеченные условия будут именно правовыми, поскольку отстаиваемые авторами [17, с. 19] организационные условия относятся либо к порядку заключения самого договора (подготовка и проведение торгов на право заключения договора в случаях, предусмотренных законодательством), либо к порядку получения разрешений (дозволений и проч.), а не к заключению самого договора, предпосылкой для чего станет уже полученное разрешение.

По результатам исследования предпосылками заключения договора строительного подряда предлагается именовать обязательные для его сторон в силу закона условия административно-правового характера (редко – гражданско-правового характера, когда речь идет о волеизъявлении третьего лица), без соблюдения которых в их совокупности сам договор не может быть заключен. Только такого рода условия уже могут быть в зависимости от конкретной «строительной» ситуации и обращенных к сторонам будущего договора требований закона обязательными и факультативными. В числе таких условий (обязательных в одном случае и факультативных – в другом) можно назвать следующие условия.

В первую группу можно объединить условия, относящиеся к объекту строительства. Так, на практике речь может идти о разрешении собственника земельного участка и (или) здания, сооружения на производство строительных работ, когда собственник не является заказчиком строительства, и других подобных требованиях.

Во вторую группу следует включить условия, относящиеся к будущим строительным работам. Эти условия также условно можно подразделить на две группы: 1) разрешительные требования (например, разрешение на строительство) и 2) требования к документации (наличие строительной документации, подтверждающей соблюдение градостроительных, экологических, санитарных и других требований, предусмотренных законодательством).

Наконец, в составе третьей группы укажем условия, относящиеся к сторонам договора. Например, таким условием для подрядчика может быть его членство в саморегулируемой строительной организации. С точки зре-

ния бюджетного законодательства в ситуации, когда заказчиком выступает бюджетная организация, важно наличие бюджетной записи о предполагаемых расходах на строительство.

Таким образом, в зависимости от ситуации часть из указанных условий могут считаться обязательными в одном случае и факультативными – в другом. Критерием «обязательности» или «факультативности» будет во всех случаях исключительно требование закона.

Необходимо отметить, что единственным «бесспорным» обязательным условием в юридической литературе обычно называют наличие технической (строительной) документации. В частности, С. Н. Мокров пишет о целесообразности ознакомления подрядчика с технической документацией до подписания договора строительного подряда в целях определения ее соответствия установленным требованиям в случае подготовки технической документации заказчиком [21, с. 13].

Однако представляется, что в современной правовой ситуации указанное требование нельзя относить к числу обязательных предпосылок заключения договора строительного подряда. Скорее, оно является разумным желанием для сторон, призванным повысить определенность в предмете договора, способствовать его фактическому исполнению и снизить риски возникновения юридических конфликтов в связи с нарушением прав сторон договора.

Прежде всего, это требование в полной мере на законе не основано. Так, в силу п. 17 ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации (ГрК РФ) не требуется выдача разрешения в отдельных случаях, в том числе на строительство гаража, строительство, реконструкцию объектов, не являющихся объектами капитального строительства, строительство на земельном участке строений и сооружений вспомогательного использования, изменения объектов капитального строительства и (или) их частей, если такие изменения не затрагивают конструктивные и другие характеристики их надежности и безопасности и не превышают предельные параметры разрешенного строительства, и в других подобных случаях.

По результатам исследования можно прийти к выводу о том, что порядок заключения договора строительного подряда регламентируется комплексом гражданско-правовых норм трех видов. Первый комплекс норм – это общие положения о заключении договоров (глава 28 части первой ГК РФ). Второй комплекс норм – общие положения о подряде (§ 1 главы 37 части второй ГК РФ). Третий комплекс норм – положения о строительном подряде (§ 3 главы 37 части второй ГК РФ). Одновременно сущность договора строительного подряда, особенности его легальной конструкции и норм, регулирующих данный вид подрядных отношений, предполагают и специфику порядка заключения договора подряда, и в первую очередь способы заключения договора строительного подряда.

В юридической науке обычно предлагаются два пути решения этого вопроса.

Ученые, мнения которых условно можно объединить в первую группу, обычно ставят во главу угла организационный момент. Такой подход позволяет авторам, например Г. М. Заяханову, различать общие и специаль-

ные способы заключения договора строительного подряда. При этом общие предполагают «классический» акцепт одной стороной оферты, направленной другой стороной, однако с учетом вариантов (переписка и проч.). Специальных же способов будет только два: заключение договора во исполнение предварительного договора и заключение договора на торгах [17, с. 20].

Г. М. Заяханов тем не менее признает, что применение договора во исполнение предварительного договора по ряду причин не получило своего развития в отношениях по строительному подряду, в том числе по причине требования о включении в предварительный договор всех существенных условий основного договора. Именно по этим причинам упомянутый исследователь предлагает включать в предварительный договор лишь некоторые существенные условия основного договора либо развивать концепцию «односторонних предварительных договоров» применительно к договору строительного подряда [17, с. 19].

Свообразно толкует Г. М. Заяханов и порядок заключения договора строительного подряда на торгах: ученый называет извещение о торгах офертой по договору на проведение торгов – организационному договору [17, с. 19].

Исследователи, позиции которых можно объединить во вторую группу, предлагают использовать два критерия одновременно: во-первых, организационно-правовую специфику заключения договора (по сути, речь вновь идет об организационном аспекте, только в несколько более широком и разнообразном его понимании) и, во-вторых, степень свободы воли сторон будущего договора, хотя последняя понимается различным образом.

Наиболее распространенную точку зрения изложил в своей работе С. Н. Мокров, предлагающий выделять два самостоятельных способа заключения договора строительного подряда [21, с. 13].

Во-первых, это диспозитивный способ. Он именуется так, поскольку полностью основан на волеизъявлении сторон. Данный способ подразделяется С. Н. Мокровым на 1) общий (заключается в обмене заинтересованных лиц офертой и акцептом (при этом оферта и акцепт, используемые для установления договорных отношений по строительному подряду, по своей юридической природе автор признает односторонними сделками) и 2) специальный, когда договор заключается по результатам торгов [21, с. 13].

Во-вторых, это императивный способ. В такой ситуации договор строительного подряда заключается в силу обязанности заключить такой договор, установленной нормой права для одной из сторон [21, с. 13].

Необходимо отметить, что обязательность заключения договора строительного подряда основана на положениях ст. 445 ГК РФ и специальном законодательстве, в котором обычно идет речь о выполнении строительных работ для государственных нужд. Заключение договора строительного подряда на торгах в настоящее время производится путем обращения к цифровым платформам, например Единой автоматизированной информационной системе торгов Москвы, что сегодня следует рассматривать как важный фактор предотвращения коррупционных проявлений [22, с. 82].

Следует уточнить приведенные выше позиции, указав, что способы заключения договора строительного подряда все-таки правильнее подразде-

лять на общий (направление оферты и ее акцепт) и специальные, которые выражают особенности либо в части реализации принципа свободы договора (акцепт обязательной оферты), либо относительно способа определения подрядчика (заключение договора строительного подряда на торгах) [23, с. 45].

В целях оптимизации договорных отношений предлагаем двухступенчатое заключение договора строительного подряда: на первой стадии происходит подписание предварительного договора или соглашения о намерениях с общими параметрами, после чего подрядчик, уже связанный соглашением о конфиденциальности и заинтересованный в договоре с точки зрения приблизительно оговоренной стоимости его строительных работ, знакомится с технической документацией и обсуждает ее с заказчиком, в результате чего, при наличии согласия по существенным условиям, сторонами может быть заключен договор строительного подряда. Представляется, что техническая документация может быть отдельным предметом преддоговорных споров.

Также поддерживаем мнение о том, что в предварительном договоре могут быть не указаны все существенные для договора строительного подряда условия, однако должен быть определен алгоритм формирования этих условий для последующего заключения основного договора.

Подводя итоги, необходимо отметить, что заключение договора подразумевает совпадение воли сторон, которое в виде их волеизъявления отражается в самом факте заключения договора, что в ряде случаев возможно лишь при соблюдении совокупности определенных условий и в том или ином предусмотренном законом порядке. В юридической литературе встречаются различные точки зрения относительно предпосылок заключения договора строительного подряда, содержание и критика которых отражены в работе. Результаты исследования будут способствовать повышению уровня договорной дисциплины и в целом способны положительно сказаться на эффективности правотворческой и правоприменительной практики, практики толкования права судами, а также контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти.

Список источников

1. Максуров А. А., Макаров И. И. Координация в праве : моногр. Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012. 320 с.
2. Карташов В. Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. проф. Г. Г. Бриль. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2007. С. 19–27.
3. Баранов В. М., Карташов В. Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006. № 6. С. 11–15.
4. Карташов В. Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сб. науч. тр. по матери-

- алам VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 15 мая 2011 г.) / отв. ред. Р. В. Пузыков. Тамбов : Бизнес-Наука-Образование, 2011. С. 50–55.
5. Чернецов В. Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации : докл. и сообщ. VII междунар. науч. конф. (Москва, 17 апр. 2007 г.) / ред. Н. И. Архипова, Ю. А. Тихомиров, Н. И. Косякова. М. : РГГУ, 2007. С. 89–94.
6. Кивленок Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. Вып. 3. Владимир : ВГПУ, 2002. С. 54–58.
7. Фролов С. Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. Вып. 3. Владимир : ВГПУ, 2002. С. 59–64.
8. Бриль Г. Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сб. науч. тр. V межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г. Г. Бриль. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2007. С. 121–125.
9. Максуров А. А., Таланова М. В. Виды процессуальных форм медиативной юридической деятельности // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 70–71.
10. Максуров А. А., Таланова М. В. Основная стадия медиативного процесса // Советник юриста. 2012. № 10. С. 25–32.
11. Максуров А. А., Таланова М. В. Цели и результаты медиативной юридической деятельности // Мировой судья. 2012. № 2. С. 2–5.
12. Постнов А. С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ : материалы конф. студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26–27 нояб. 2004 г.). Вып. 6. Ч. 1 / отв. ред. А. В. Петров. Н. Новгород : Нац. исслед. Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2005. С. 64–67.
13. Терехова А. В. Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 311–323.
14. Максуров А. А., Уколова Ю. А. При каких обстоятельствах невозвращение кредита может повлечь уголовную ответственность? // Юридический справочник руководителя. 2009. № 11. С. 17–23.
15. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, 2019. 496 с.
16. Каравайкин А. А. Правовые вопросы капитального строительства. Репринт. М. : Изд-во МГУ, 2020. 312 с.
17. Заяханов Г. М. Договор строительного подряда в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 22 с.
18. Файзуллин В. Р. Договор строительного подряда по российскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 20 с.
19. Максуров А. А. Отказ от строительных лицензий как мера государственной координации рынка // Право и экономика. 2010. № 1. С. 10–12.
20. Макаров О. В. Предпосылки договора строительного подряда // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 219–224.
21. Мокров С. Н. Договор строительного подряда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 22 с.

Максуров А. А. Предпосылки и порядок заключения договора строительного подряда

22. Максуров А. А. Формирование институциональных предпосылок противодействия коррупции в сфере закупок // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 2. С. 75–86.
23. Максуров А. А. Противодействие коррупции в системе государственных закупок в России и за рубежом : моногр. М. : Русайнс. 2023. 91 с.

References

1. Maksurov, A. A., Makarov, I. I. *Coordination in law*. Monograph. Yaroslavl: Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Law Academy; 2012. 320 p. (In Russ.)
2. Kartashov, V. N. Coordination legal practice of state bodies: a look at the problem of efficiency. In: G. G. Bril, ed. *Actual problems of the theory and history of law and state at the present stage*. Collection of scientific papers of the V Interuniversity Scientific and Practical Conference. Kostroma: Kostroma State University; 2007. Pp. 19–27. (In Russ.)
3. Baranov, V. M., Kartashov, V. N. The main shortcomings of the coordination practice for ensuring economic security of the Russian Federation at the present stage. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye priority, praktika obespecheniya: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Economic Security of Russia: Political Guidelines, Legislative Priorities, Practice of Ensuring: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2006;(6):11-15. (In Russ.)
4. Kartashov, V. N. On the concept of coordination legal tactics. In: R. V. Puzikov, ed. *Development of youth legal science in the modern world*. Collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference (Tambov, 15 May 2011). Tambov: Biznes-Nauka-Obrazovanie; 2011. Pp. 50–55. (In Russ.)
5. Chernetsov, V. Yu. Psychological approach to the study of the problems of coordination legal practice. In: N. I. Arkhipov, Yu. A. Tikhomirov, N. I. Kosyakova, eds. *Legislation and law enforcement in the Russian Federation*. Reports and communications of the VII International Scientific Conference (Moscow, 17 April 2007). Moscow: Russian State University of the Humanities; 2007. Pp. 89–94. (In Russ.)
6. Kivlenok, T. V. Legal act as an external form of coordination activity. *Actual problems of jurisprudence*. Collection of scientific papers. Issue 3. Vladimir: Vladimir State Pedagogical University; 2002. Pp. 54–58. (In Russ.)
7. Frolov, S. E. Principles of coordination activity. *Actual problems of jurisprudence*. Collection of scientific papers. Issue 3. Vladimir: Vladimir State Pedagogical University; 2002. Pp. 59–64. (In Russ.)
8. Bril, G. G. Little-studied general social functions of coordination legal practice. In: G. G. Bril, ed. *Actual problems of the theory and history of law and state at the present stage*. Collection of scientific papers of the V Interuniversity Scientific and Practical Conference. Kostroma: Kostroma State University; 2007. Pp. 121–125. (In Russ.)
9. Maksurov, A. A., Talanova, M. V. Types of procedural forms of mediation legal activity. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2012;(1):70-71. (In Russ.)
10. Maksurov, A. A., Talanova, M. V. The main stage of the mediation process. *Sovetnik yurista = Adviser to Lawyer*. 2012;(10):25-32. (In Russ.)
11. Maksurov, A. A., Talanova, M. V. Objectives and results of mediation legal activity. *Mirovoj sud'ya = Magistrate Judge*. 2012;(2):2-5. (In Russ.)
12. Postnov, A. S. Control and supervision as factors in increasing the efficiency of coordination practice. In: A. V. Petrov, ed. *Russian law in the period of social reforms*. Materials of the conference of students, graduate students, applicants and young legal scholars

A. A. Maksurov. Prerequisites and procedure for concluding a construction contract

- (Nizhny Novgorod, 26–27 November 2004). Issue 6. Pt. 1. Nizhny Novgorod: Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University; 2005. Pp. 64–67. (In Russ.)
13. Terekhova, A. V. Administrative discretion in the investigation of industrial accidents and administrative investigation of cases of violation of state regulatory requirements for labor protection. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*. 2024;21(3):311-323. (In Russ.)
14. Maksurov, A. A., Ukolova, Yu. A. Under what circumstances can failure to repay a loan entail criminal liability? *Yuridicheskij spravochnik rukovoditelya = Legal Reference Book of the Manager*. 2009;(11):17-23. (In Russ.)
15. Romanets, Yu. V. *The system of contracts in the civil law of Russia*. Moscow: Norma; 2019. 496 p. (In Russ.)
16. Karavaikin, A. A. *Legal issues of capital construction*. Reprint. Moscow: Moscow State University Publishing House; 2020. 312 p. (In Russ.)
17. Zayakhanov, G. M. *Construction contract in Russian civil law*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2009. 22 p. (In Russ.)
18. Fayzulin, V. R. *Construction contract under Russian civil law*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2005. 20 p. (In Russ.)
19. Maksurov, A. A. Abandonment of building licenses as a measure of state coordination of market. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2010;(1):10-12. (In Russ.)
20. Makarov, O. V. Prerequisites for a Construction Contract. *Aktual'nye problemy rossiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2009;(2):219-224. (In Russ.)
21. Mokrov, S. N. *Construction contract*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Volgograd; 2006. 22 p. (In Russ.)
22. Maksurov, A. A. Formation of institutional prerequisites for combating corruption in the sphere of procurement. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiskoj Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*. 2023;(2):75-86. (In Russ.)
23. Maksurov, A. A. *Combating corruption in the public procurement system in Russia and abroad*. Monograph. Moscow: Rusajns; 2023. 91 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Максуров – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Information about the author

A. A. Maksurov – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Theory and History of State and Law Department.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 16.09.2025.

The article was submitted 28.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 16.09.2025.

Содержание принципа единства судьбы земельного участка и недвижимого имущества на нем

Тарас Александрович Подрезов

Государственный университет по землеустройству,

Москва, Российская Федерация

✉ podrezovta@yandex.ru

Научный руководитель: **И. И. Гордиенко**, к.ю.н., доцент кафедры аграрного и земельного права, и безопасности жизнедеятельности факультета управления недвижимостью и права Государственного университета по землеустройству

Аннотация. Отсутствие единства в понимании содержания принципа единства судьбы земельного участка и недвижимости на нем порождает проблему его реализации. Цель исследования заключается в раскрытии содержания современного принципа единства судьбы земельного участка и недвижимого имущества на нем. Для реализации данной цели рассмотрены исторические предпосылки, повлиявшие на содержание принципа; раскрыто влияние понятия «недвижимость» на содержание принципа; проанализировано российское законодательство в части отношений, на которые распространяется (и не распространяется) принцип единства.

Содержание современного принципа единства судьбы земельного участка и недвижимости определяется тем, как именно понятие недвижимости интерпретируется в национальном законодательстве. Современное российское право исходит из многообразия видов недвижимого имущества наряду с земельным участком, поэтому суть принципа – следование как недвижимости за участком, так и участка за недвижимостью при совершении сделки в отношении любого из них. Обязательное применение принципа единства судьбы предусмотрено практически во всех сделках с участком и недвижимостью на нем.

Выявлены трудности в реализации принципа на практике, когда титульные собственники недвижимого имущества и земельного участка не совпадают. Приводятся случаи неприменения принципа, закрепленные законодательно.

Установлено, что принцип применяется преимущественно при вхождении недвижимости в гражданский оборот. Предложено наравне с устоявшимся понятием принципа единства судьбы использовать новую формулировку принципа, более точно отражающую его истинное содержание: правило совместного участия в обороте земельного участка и недвижимого имущества на нем.

Ключевые слова: недвижимость, земельный участок, принцип единства судьбы, содержание принципа, совместный оборот, постройка, право на земельный участок, чужой земельный участок, право пользования, сделка

Для цитирования: Подрезов Т. А. Содержание принципа единства судьбы земельного участка и недвижимого имущества на нем // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 62–70.

The Content of the Principle of Unity Between the Fate of a Land Plot and Real Estate on It

Taras A. Podrezov

State University of Land Use, Moscow, Russian Federation

✉ podrezovta@yandex.ru

Scientific supervisor: I. I. Gordienko, Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Agrarian and Land Law, and Life Safety Department of the Real Estate Management and Law Faculty of the State University of Land Use

Abstract. The lack of uniformity in understanding the content of the principle of unity between a land plot and real estate on it creates problems for its implementation.

The purpose of the study is to reveal the content of the modern principle of unity between a land plot and real estate on it. To achieve this goal, historical prerequisites that influenced the content of the principle have been examined; the impact of the concept of "real estate" on the content of the principle has been disclosed; Russian legislation concerning relations to which the unity principle applies and does not apply has been analyzed.

The content of the modern principle of unity between the fate of a land plot and real estate on it is determined by how exactly the concept of real estate is interpreted in national legislation. Modern Russian law recognizes a variety of types of immovable property along with land plots, so the essence of the principle lies in the fact that both real estate follows the plot and the plot follows the real estate when making any transaction concerning either one. The mandatory application of the unity of fate principle is provided for almost all transactions involving a plot and real estate on it. Difficulties have been identified in implementing the principle in practice when the titular owners of real estate and the land plot do not coincide. Cases where the principle does not apply as established by law are cited.

It has been established that the principle is mainly applied when real estate enters civil circulation. It was proposed to use a new formulation of the principle alongside the well-established concept of the unity of fate principle, which more accurately reflects its true content: the rule of joint participation in the turnover of a land plot and real estate located on it.

Keywords: real estate, land plot, unity of destiny principle, content of the principle, joint turnover, construction, right to land, another person's land, right of use, transaction

For citation: Podrezov, T. A. The content of the principle of unity between the fate of a land plot and real estate on it. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):62-70. (In Russ.)

Принцип единства судьбы земельного участка и расположенного на нем недвижимого имущества (далее – принцип единства) можно назвать одним из ключевых принципов, регулирующих отношения в сфере недвижимости. Единообразное понимание рассматриваемого принципа является актуальным условием для сегодняшних участников гражданского оборота. Поэтому целью данного исследования является уяснение сути, правовой природы, истинного содержания данного принципа по современному российскому законодательству.

Принцип единства основан на древнеримском принципе «superficies solo cedit», означающем, что «возведенное на участке следует за участком» [1]. Исторический контекст формирования данного принципа оказал значительное влияние на его современное содержание. Римский принцип впоследствии был позаимствован законодательствами многих стран.

Важно понимать, что ключевую роль в интерпретации указанного принципа в разных юрисдикциях играет то, какое определение понятия недвижимости признается конкретным правопорядком. В цивилистике выделяют два основных подхода к понятию «недвижимость». Первый основан на традиционном римском принципе, когда недвижимость ограничивается исключительно земельным участком, а постройки на нем – это его неотъемлемые части, которые не могут передаваться отдельно от земли.

Как пишет профессор В. В. Чубаров, «...примером практически идеального воплощения этого принципа в жизнь в новых экономических условиях является законодательство Германии» [2, с. 61]. Так, согласно п. 1 § 94 Гражданского кодекса Германии (BGB) «вещи, входящие в состав земельного участка, являются его существенными составными частями, – строения на нем, продукты (плоды), отдельные ограниченные вещные права, и могут отчуждаться только как одна недвижимая вещь вместе с земельным участком»¹.

Аналогичные нормы действуют в Австрии (§ 293–295 ABGB²), где земельный участок также признается единственным объектом недвижимости, а любые сооружения на нем рассматриваются как его неотъемлемые части и подчиняются той же юридической судьбе.

При втором подходе категория «недвижимость» охватывает различные виды имущества, включая земельные участки, здания, строения, сооружения, что закреплено, например, в законодательных нормах Российской Федерации и Франции.

Согласно французскому законодательству постройка на земле рассматривается как самостоятельная единица недвижимости (ст. 518 Гражданского кодекса Франции (Кодекс Наполеона)³).

В российском праве понятие недвижимости определяется в ст. 130 ГК РФ, согласно которой к недвижимости относятся земельные участки, участки недр и другие вещи, прочно связанные с землей, т. е. неотделимые от нее без несоразмерного ущерба их хозяйственному назначению. Это, прежде всего, здания, строения, сооружения, объекты незавершенного строительства. Профессор Е. А. Суханов обозначает данную категорию недвижимости термином «недвижимость по природе» [3, с. 126], подчеркивая ключевую роль устойчивого соединения объекта с землей.

¹ Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем. В. Бергман. 3-е изд., перераб. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 89.

² Общее Австрийское гражданское уложение (Osterreich Allgemeines Burgerliches Gezetzbuch, ABGB). URL: <https://www.jusline.at/gesetz/abgb/paragraf/295> (дата обращения: 02.03.2025).

³ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon) / пер. с фр. В. Н. Захватаева. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 193.

В Российской Федерации недвижимым имуществом считаются также жилые и нежилые помещения и машино-места, входящие в состав зданий либо сооружений. При этом, если зарегистрировать указанные помещения и парковочные места в качестве недвижимости, право собственности на все здание или сооружение в целом прекращается. Подобные объекты недвижимости зачастую создаются путем раздела существующих объектов недвижимости – будь то здания, сооружения или отдельные помещения – или путем объединения соседних помещений или парковочных мест.

ГК РФ недвижимостью признает предприятие, а также единый недвижимый комплекс, который «...отличается от предприятия тем, что в его состав входят только вещи, объединенные хозяйственным назначением, но не права и обязанности» [3, с. 137]. ГК РФ допускает разделение единого недвижимого комплекса на отдельные здания и сооружения, которые становятся самостоятельными объектами недвижимости, а здания и сооружения, в свою очередь, могут быть разделены на помещения, также являющиеся самостоятельными недвижимыми вещами. Таким образом, в российском правовом поле исторически сформировалось более обширное толкование понятия недвижимости, что свидетельствует о заметном его отклонении от традиционного понимания недвижимой вещи.

В конце прошлого века в России была узаконена частная собственность на землю. Земельные участки стали предметами многих сделок. В Земельном кодексе Российской Федерации (ЗК РФ) появилось правило о том, что все, что прочно связано с земельным участком, следует его судьбе. Но есть исключения, определенные в федеральных законах (подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ).

В теории данное правило одновременного участия в гражданском обороте земли и недвижимого имущества на нем называют принципом единства судьбы. Его содержание можно встретить во многих нормах отечественного законодательства. В частности, в абз. 6, 7 п. 4 ст. 35 ЗК РФ, в ст. 273, 552, 652 ГК РФ, в ст. 64 и 65 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)⁴ (далее – Закон об ипотеке).

В данной работе в целях удобства изложения предлагается недвижимое имущество на земельном участке называть обобщенным термином «постройка».

Положение абз. 6 п. 4 ст. 35 ЗК РФ запрещает передавать земельный участок отдельно от постройки, которая на нем находится, если они принадлежат одному владельцу. Абзац 7 того же пункта закрепляет правило о том, что участник долевой собственности должен распоряжаться своей долей в здании или сооружении совместно с долей в праве на землю под этими объектами.

В соответствии со ст. 273 ГК РФ при переходе права собственности на здание или сооружение, принадлежавшее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю недвижимого имущества переходит право собственности на расположенный под ним земельный участок, необходимый для его эксплуатации, если иное не установлено законом.

⁴ Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 29. Ст. 3399.

В соответствии с п. 1 и п. 2 ст. 552 ГК РФ при продаже недвижимости покупатель становится также хозяином земли, на которой стоит этот объект, если продавец владеет и землей, и недвижимым имуществом на нем. Но есть и исключения, предусмотренные законом.

Принцип единства судьбы также применяется в арендных отношениях с недвижимостью (ст. 652 ГК РФ). Его суть такова, что арендодатель сдает недвижимость вместе с землей, на которой она находится. Арендаторы получают право пользоваться этой землей. Если договор не уточняет детали, арендаторы могут использовать землю, где находится недвижимость, пока длится аренда.

Положения ст. 64 и 65 Закона об ипотеке предусматривают, что при ипотеке земельного участка в залог поступает также недвижимое имущество на участке, в том числе и то, которое строится.

Таким образом, практически при любых сделках с землей (продажа, аренда, залог и т. д.) недвижимое имущество на ней автоматически участвует в таких сделках, и наоборот, при условии, если они находятся в собственности одного лица. Это значительно упрощает гражданский оборот.

Как пишет юрист Р. С. Бевзенко, «законодатель стремится к тому, чтобы права на эти два объекта “не разъезжались”, чтобы они, как лыжи у лыжника, были всегда рядом» [4, с. 99].

А как быть, если собственники земли и постройки разные? Разве в такой ситуации принцип уже не действует?

Трудности совместного оборота недвижимой вещи на чужой земле и земельного участка, строения на котором не находятся в собственности, обусловлены существованием различных правовых режимов в отношении земли и постройки.

Правовой режим земельных участков в России весьма разнообразен: существует режим права собственности, аренды, безвозмездного пользования, права ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитуты). Также не стоит забывать и про не переоформленные право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования.

В отношении здания (строения, сооружения) действуют, в частности, режимы права собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления, аренды, безвозмездного пользования.

Об этом писал еще профессор В. В. Чубаров в докторской диссертации: «Сам факт присутствия двух различных правовых режимов для двух неразрывно связанных между собой вещей, каковыми являются здания, сооружения и земельный участок, таит большую опасность для гражданского оборота» [2, с. 269]. «Количество вариантов соотношения прав на здание... с правами на земельный участок... по российскому праву насчитывает не менее 50» [2, с. 271].

Сделки с недвижимостью на чужой земле регулируются как ЗК РФ (например, п. 1 ст. 35), так и ГК РФ (в частности, ст. 271, 287.3 и п. 3 ст. 552). Их общий смысл заключается в том, что, когда меняется владелец недвижимости, построенной на чужом участке земли, новый собственник получает такие же права на землю под недвижимостью, что и прежний хозяин.

Примечательно, что нормы ГК РФ и ЗК РФ по-разному называют право на чужую землю. Так, п. 1 ст. 35 ЗК РФ устанавливает *право на использование участка*, тогда как ст. 271 ГК РФ именует его *правом пользования*.

Е. А. Суханов считает право пользования земельным участком, предусмотренное ст. 271 ГК РФ, «малопонятным титулом» [3, с. 130], поясняя, что оно не предусмотрено ЗК РФ, а также не входит в перечень ограниченных вещных прав.

Если посмотреть на норму п. 2 ст. 287.3 ГК РФ, то можно сделать вывод, что право пользования, предусмотренное ст. 271 ГК РФ, включает в себя объем прав, необходимых для обеспечения собственнику недвижимого имущества доступа к нему.

Вместе с тем когда речь идет именно о здании или сооружении, то в силу положений п. 1 ст. 287.3 ГК РФ пользование земельным участком под ними, находящимся в собственности другого лица, осуществляется на условиях, определенных либо законом, либо соглашением между собственниками участка и здания или сооружения. В противном случае собственник здания или сооружения вправе пользоваться участком на основании ст. 271 ГК РФ.

Если здание находится на государственном или муниципальном земельном участке, собственник здания вправе обратиться с требованием о передаче участка ему в собственность или во временное использование (п. 1 ст. 39.2 ЗК РФ, п. 5 ст. 287.3 ГК РФ).

Несмотря на то что здание стоит на чужом участке, его владелец вправе распоряжаться этим зданием с учетом требований п. 3 ст. 287.3 ГК РФ.

В случае сноса здания собственником утрачиваются соответствующие права пользования участком под ним. Однако если здание разрушено случайно, то права на землю под ним не будут утрачены в течение пяти лет. Такой срок на восстановление здания установил законодатель для его собственника в п. 4 ст. 287.3 ГК РФ.

В случае утраты права пользования земельным участком, который был предоставлен владельцу недвижимого имущества на нем, положения подп. 1 и 2 ст. 272 ГК РФ определяют алгоритм действий для собственников земельного участка и объекта недвижимости, которые должны заключить соглашение о праве пользования участком. Если отсутствует соглашение или стороны не договорились, то им необходимо обращаться в суд.

Что может решить суд? Суд вправе принять решение о сносе недвижимости после прекращения прав на землю. Но если снос невозможен или слишком дорог, суд принимает другое решение. Учитывая причины прекращения прав на землю и требования обеих сторон, суд может:

– либо признать за владельцем недвижимости право на приобретение в собственность участка, либо, наоборот, признать за владельцем участка право выкупа недвижимости не нем, или же

– установить новые правила пользования участком земли.

Это основные возможные решения суда в такой ситуации.

Таким образом, как мы увидели, законодатель предпринял попытку реализовать принцип единства судьбы в данном случае, предусмотрев возможность объединения прав на участок и расположенную на нем недвижимость в руках одного лица.

Иногда возникают сложности реализации рассматриваемого принципа, особенно если продавец владеет участком на особых правах: постоянное (бессрочное) пользование или пожизненное наследуемое владение, поскольку такие права могут принадлежать не всем субъектам гражданского права.

На данный момент закон вообще не разрешает предоставлять участки на праве пожизненного наследуемого владения. А предоставление государственного или муниципального земельного участка в постоянное (бессрочное) пользование осуществляется только тем субъектам, которые определены в ст. 39.9 ЗК РФ.

Требования ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»⁵ обязывают правообладателей таких прав переоформить их в собственность или аренду.

В этой связи появляются вопросы: кто и когда должен переоформить право на участок: отчуждатель или приобретатель, до сделки или после сделки?

В п. 13 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства»⁶ установлена возможность покупателя недвижимости оформить свое право на земельный участок путем заключения договора аренды или приобретения его в собственность, когда по закону участок не может быть предоставлен ему на том же праве, на котором он принадлежал продавцу⁷.

С учетом анализа приведенного законодательства можно допустить применение принципа единства судьбы и к случаям, когда собственники земли и постройки на ней разные. Но здесь, скорее всего, уместнее говорить о совместном обороте данных объектов и о следовании одного объекта за другим, а не об их единой судьбе, поскольку «единая судьба» предполагает все же наличие одинакового титула на объекты недвижимости.

Российское законодательство предусматривает исключения, когда принцип одновременной передачи земли и недвижимости на ней не действует (например, п. 4 ст. 35 ЗК РФ, ГК РФ (часть третья), ст. 65 Закона об ипотеке).

В силу п. 4 ст. 35 ЗК РФ принцип единства не действует в случаях сделок с частью объекта недвижимости, которую невозможно выделить отдельно вместе с частью земельного участка; сделок с недвижимостью, расположенной на землях, исключенных из оборота; сделок с объектами недвижимости, находящимися на земельных участках с установленными сервитутами (частными или публичными), а также сделок с объектами культурного наследия, принадлежащими Москве, Санкт-Петербургу или Севастополю.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4148.

⁶ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 5.

⁷ Аналогичная позиция содержится в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2015 г. № 309-КГ15-11056. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Возможность отступить от принципа единства судьбы предусмотрена ст. 65 Закона об ипотеке, когда в договоре об ипотеке участка земли может быть предусмотрено нераспространение ипотечного режима на возводимое на земельном участке недвижимое имущество.

Как указал Верховный Суд Российской Федерации, умолчание относительно данного обстоятельства в ипотечном договоре следует рассматривать как проявление воли сторон на передачу в ипотеку строящихся объектов недвижимости⁸.

Помимо этого, правило совместного оборота земельного участка и недвижимого имущества на нем не применяется также к случаям их наследования. Данная правовая позиция получила поддержку Верховного Суда Российской Федерации⁹.

В заключение хотелось бы обозначить главный вывод, к которому удалось прийти в процессе анализа правового регулирования рассматриваемого принципа единства. Пожалуй, главное – это то, что в основе содержания российского принципа единства судьбы лежит идея следования постройки за участком и наоборот при их участии в гражданском обороте. То есть практически каждая сделка, касающаяся одного из этих объектов (продажа, аренда, залог), одновременно влечет юридические последствия для другого. Причем, как мы убедились, данное правило применяется вне зависимости от того, находятся ли объекты собственности в руках одного владельца или разных лиц. Поэтому более точно называть данный принцип правилом совместного участия в обороте земельного участка и недвижимого имущества на нем, гарантирующим стабильность и предсказуемость сделок с таким имуществом.

Список источников

1. Покровский И. А. История римского права. М. : Статут, 2004. 538 с. (СПС «КонсультантПлюс».)
2. Чубаров В. В. Проблемы правового регулирования недвижимого имущества : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 367 с.
3. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб и доп. М. : Статут, 2024. 626 с.
4. Бевзенко Р. С. Введение в российское право недвижимости. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2022. 408 с.

References

1. Pokrovsky, I. A. *History of Roman Law*. Moscow: Statut; 2004. 538 p. (In Russ.) (LRS "ConsultantPlus".)
2. Chubarov, V. V. *Problems of legal regulation of real estate*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2006. 367 p. (In Russ.)

⁸ См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2016 г. № 305-ЭС15-15840.

⁹ См. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2018 г. № 87КГ17-14.

Подрезов Т. А. Принцип единства судьбы земельного участка и недвижимого имущества на нем

3. Sukhanov, E. A. *Property law: a scientific and educational essay*. 3rd ed., rev. and enl. Moscow: Statut; 2024. 626 p. (In Russ.)
4. Bevzenko, R. S. *Introduction to Russian Real Estate Law*. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Statut; 2022. 408 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. А. Подрезов – студент 2 курса магистратуры.

Information about the author

T. A. Podrezov – 2nd year master's student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 14.05.2025.

The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 14.05.2025.

Научная статья

УДК 347.626.2

EDN: GUIRAU

Заключение брачного договора для изменения режима совместной собственности на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью

Полина Алексеевна Трофимова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация
✉ trofimovapolina03@mail.ru

Научный руководитель: **Е. С. Пирогова**, к.ю.н., доцент кафедры информационного и интеллектуального права цифровых технологий и инновации Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с заключением брачного договора для изменения режима совместной собственности супружеских на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Рассматриваются основные проблемы правового регулирования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, а также выявляются риски и правовые коллизии, возникающие при заключении брачного договора в контексте корпоративных отношений. Теоретическая часть охватывает анализ семейного и корпоративного законодательства. В статье представлены также методы правового анализа, применяемые для выявления особенностей изменения режима собственности при помощи заключения брачного договора. В заключение сформулированы рекомендации для улучшения правового регулирования и повышения правовой защиты интересов как супружеских, так и совместно нажитого имущества. В статье представлены новые подходы к взаимодействию семейного и корпоративного права, которые могут способствовать более эффективному регулированию имущественных отношений в рамках раздела доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Ключевые слова: брачный договор, совместная собственность, доля в уставном капитале, общество с ограниченной ответственностью, корпоративное право, семейное право, правовое регулирование, риски

Для цитирования: Трофимова П. А. Заключение брачного договора для изменения режима совместной собственности на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 71–77.

Original article

Conclusion of a Prenuptial Agreement to Change the Regime of Joint Ownership of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company

Polina A. Trofimova

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
✉ trofimovapolina03@mail.ru*

Scientific supervisor: E. S. Pirogova, Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Information and Intellectual Law of Digital Technologies and Innovation Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The article is devoted to the study of issues related to the conclusion of a prenuptial agreement to change the regime of joint ownership of spouses for a share in the authorized capital of a limited liability company (hereinafter referred to as LLC). The paper examines the main problems of legal regulation of the division of shares in the authorized capital of an LLC, as well as identifies the risks and legal conflicts that arise when concluding a prenuptial agreement in the context of corporate relations. The theoretical part covers the analysis of family and corporate legislation. The article also presents the methods of legal analysis used to identify the features of changing the ownership regime by concluding a prenuptial agreement. In conclusion, recommendations are formulated to improve legal regulation and enhance the legal protection of the interests of both spouses and jointly acquired property. The article presents new approaches to the interaction of family and corporate law, which can contribute to more effective regulation of property relations within the framework of the division of shares in the authorized capital of LLC.

Keywords: prenuptial agreement, joint ownership, share in authorized capital, LLC, corporate law, family law, legal regulation, risks

For citation: Trofimova, P. A. Conclusion of a prenuptial agreement to change the regime of joint ownership of a share in the authorized capital of a limited liability company. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):71-77. (In Russ.)

Вопрос изменения режима совместной собственности супругов на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью через заключение брачного договора является актуальной темой в российском праве. Это обусловлено тем, что брачный договор позволяет супругам самостоятельно регулировать имущественные отношения, что важно, если один из супругов является участником общества с ограниченной ответственностью. Несмотря на возможности, предоставляемые этим инструментом, существуют проблемы правового регулирования, связанные с правами других участников общества и ограничениями, установленными корпоративным законодательством.

Актуальность исследования определена растущим числом брачных договоров и недостаточной правовой ясностью в отношении изменения режима совместной собственности на долю в обществе с ограниченной ответственностью. Судебная практика демонстрирует неоднозначность подходов к интерпретации положений брачных соглашений, регулирующих подобные правоотношения, что создает противоречия и правовую неопределенность для супружеских пар. Данное исследование посвящено изучению действующего законодательства и практики составления брачных договоров, а также выявления возможных рисков и проблем в этой области [1, с. 29; 2, с. 535].

Изменение режима совместной собственности супружеских пар на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью через заключение брачного договора представляет собой важный инструмент правового регулирования имущественных отношений. В основе такого регулирования лежат положения Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) и корпоративного законодательства, которые устанавливают правила для заключения брачных договоров и определяют правовой режим доли в Обществе с ограниченной ответственностью.

Цель исследования – выявление порядка раздела доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, которая является объектом совместной собственности супружеских пар. В соответствии со ст. 34 СК РФ доля в уставном капитале может быть частью совместно нажитого имущества, если иное не предусмотрено брачным договором или иными соглашениями. Важным аспектом является то, что доля в обществе с ограниченной ответственностью, в отличие от обычных объектов гражданских прав, имеет ограниченную оборотоспособность в силу корпоративных ограничений. Так, в учредительных документах общества могут быть предусмотрены барьеры на вход новых участников общества с ограниченной ответственностью [3, с. 88].

В процессе рассмотрения вопроса о разделе доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью при изменении режима совместной собственности супружеских пар был проведен анализ семейного и корпоративного законодательства, который выявил риски и правовые коллизии, возникающие при применении брачного договора в контексте корпоративных отношений. Данные положения также нашли подтверждение в судебной практике [4, с. 15].

В ходе исследования были выявлены ключевые аспекты правового регулирования изменения режима совместной собственности супружеских пар на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью через заключение брачного договора. По мнению юристов, данный вид договора позволяет супружеским парам изменить режим совместной собственности как на уже приобретенные объекты, так и на будущие. Несмотря на это, при заключении брачного договора существует ряд ограничений, на которые стоит обратить внимание [5, с. 58].

Одной из ключевых сложностей является несовпадение норм семейного и корпоративного права. Так, ст. 34 СК РФ гласит, что «имущество, нажитое супружескими парами во время брака, является их совместной собственностью».

В это же время в ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ сказано, что уставом общества с ограниченной ответственностью могут быть предусмотрены барьеры для входа в состав участников общества (например, наличие согласий или отказов от собственников). Следовательно, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, будучи объектом собственности, регулируется нормами не только семейного, но и корпоративного законодательства, определяющего права участников общества.

Например, если в брачном договоре предусмотрена передача доли одному из супругов или изменение ее режима, это может вступать в противоречие с условиями, прописанными в уставе общества, такими как необходимость согласования передачи доли с другими участниками [6, с. 91].

Второй важной проблемой является недостаточная правовая осведомленность сторон. На практике супруги часто не учитывают ограничения, установленные корпоративными нормами, что может привести к юридическим спорам, если один из супругов решит передать свою долю без согласования с другими участниками. Также важно отметить, что условия брачного договора должны быть тщательно прописаны с учетом этих корпоративных требований, чтобы избежать конфликта между супругами и участниками общества с ограниченной ответственностью [7, с. 13].

Кроме того, проведенное исследование показало, что при изменении режима собственности на долю в уставном капитале могут возникнуть сложности в управлении обществом, особенно если одна из сторон решит передать долю третьему лицу без учета интересов других участников [3, с. 88].

В судебной практике наблюдаются распространенные риски перед разделом совместно нажитого имущества, а именно сокрытие активов супругом – участником общества с ограниченной ответственностью. Данные действия направлены на полное или частичное исключение принадлежащих ему долей в компаниях из процесса раздела. Практикующие юристы советуют обратить внимание на следующие ситуации.

- Создание фиктивной истории приобретения доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. В подтверждение этого могут быть представлены доказательства (например, банковские выписки или расписки), свидетельствующие о получении денежных средств, использованных для приобретения доли, например, в порядке дарения. Таким образом, приобретенная доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью является личной собственностью одного из супругов.

- Снижение размера подлежащей выплате стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Для этого вносятся изменения в устав общества, ограничивающие права супруга на участие в управлении компанией. Одновременно проводится манипулирование бухгалтерской отчетностью с целью снижения стоимости активов и, соответ-

¹ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

ственno, размера компенсации супругу при разделе имущества. В данном случае сложность доступа к достоверной бухгалтерской информации затрудняет выявление подобных манипуляций.

- Размытие доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью путем привлечения третьих лиц. В уставный капитал вводится третье лицо (родственник, знакомый) без внесения эквивалентного вклада, что приводит к уменьшению доли супруга. При этом отсутствие требования обязательного нотариального согласия супруга на уменьшение доли в некоторых случаях позволяет обойти законодательные нормы, регулирующие раздел совместно нажитого имущества.

Помимо вышеперечисленных примеров в практике также нередко встречаются случаи с выходом из состава участников общества. Супруг – участник общества с ограниченной ответственностью подает заявление о выходе из состава участников, соглашаясь на минимальную компенсацию или полностью отказываясь от нее. Отсутствие единобразия в судебной практике относительно необходимости нотариального согласия супруга на выход из общества с ограниченной ответственностью, а также неоднозначная трактовка отказа от компенсации приводят к различным решениям судов. В некоторых случаях суды признают право супруга на взыскание половины стоимости доли, в других – отказывают в иске, мотивируя это отсутствием фактического получения супругом компенсации от общества с ограниченной ответственностью².

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о необходимости использования брачного договора как инструмента, с помощью которого супруги могут более эффективно распоряжаться своим имуществом [4, с. 17].

По мнению юристов, в тексте брачного договора следует включать следующие пункты. Во-первых, частой проблемой является недостаточно четкое определение доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в брачном договоре. Для того чтобы избежать возможных судебных споров, необходимо указать не только размер доли, но и ее идентификационные признаки. Отсутствие этих данных может привести к невозможности идентификации предмета договора и затруднить его исполнение.

Кроме того, в тексте договора важно определить, как будет решаться вопрос о распоряжении долей, например, при продаже или залоге, а также прописать необходимость заключения согласия супруга на действия с распоряжением доли в обществе с ограниченной ответственностью.

Также следует прописать, в чьей собственности (личной, долевой, совместной) остается совместно нажитое имущество.

² См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 5-КГ14-9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2014 г. № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2014. № 6.

Интересным моментом является выплата компенсации вместо выделения доли в имуществе. Однако данный пункт прописывают исключительно в соглашении о разделе имущества супругов, нажитого в период брака. Это обуславливается тем, что в брачном договоре регулируются положения, касающиеся имущественных отношений супругов [8, с. 202].

Важным принципом при заключении брачного договора является равенство супругов. Если по условиям договора все совместно нажитое имущество будет переходить в единоличную собственность одного из супругов, это можно будет оспорить в судебном порядке из-за кабальных условий [9, с. 184].

Изложенное позволяет признать заключение брачного договора полезным инструментом для урегулирования имущественных вопросов супругов, устанавливающим не только уже существующие активы, но и правила владения будущими. Данный договор удобен, так как показывает наличие имущества, указывая на то, что оно было приобретено в браке. Значит, супругу будет сложнее скрыть данное имущество или утверждать, что оно было приобретено на подаренные денежные средства, так как в этом случае ему придется оспаривать брачный договор в судебном порядке. Данный момент касается конкретного имущества, которое было указано в договоре с идентификационными признаками.

Следовательно, грамотно составленный брачный договор представляет собой важный механизм для защиты имущественных прав супругов и поддержания стабильных семейных отношений, особенно в ситуациях, когда доля в обществе с ограниченной ответственностью обладает значительной стоимостью или является основным активом семьи.

Список источников

1. Комарова О. С. Проблемы правового режима имущества супругов, используемого для осуществления предпринимательской деятельности // Развитие территорий. 2019. № 4 (18). С. 28–30.
2. Кузьмичев П. А. Брачный договор: актуальные проблемы и способы их решения // Научный аспект. 2023. Т. 5, № 7. С. 533–540.
3. Артемова А. Н. Правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: коллизия корпоративного и семейного права // Respublica Literaria. 2023. Т. 3, № 3. С. 87–95.
4. Алешина А. В. Правовое регулирование семейного бизнеса посредством брачного договора // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 3. С. 14–20.
5. Бойцова Е. А., Хайлов Д. А. Имущественные отношения супругов и наследственные проблемы как источник рисков для бизнеса // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 2 (221). С. 57–65.
6. Максуров А. А. Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ : моногр. М. : Юстицинформ, 2021. 176 с.
7. Терновая О. А. Актуальные проблемы наследования корпоративных прав участников обществ с ограниченной ответственностью // Нотариальный Вестник. 2023. № 5. С. 5–14.

P. A. Trofimova. Conclusion of a prenuptial agreement to change the regime of joint ownership

8. Чурумова М. О. Брачный договор как основной договор, определяющий доли супругов в имуществе // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 111-7. С. 203–205.
9. Редькина Ю. М. Содержание брачного договора, основания признания брачного договора недействительным // Вестник науки : электрон. журн. 2024. Т. 4, № 9 (78). С. 182–191.

References

1. Komarova, O. S. Problems of legal regime of property of spouses, used for carrying out entrepreneurial activity. *Razvitiye territorij = Development of Territories*. 2019;(4):28-30. (In Russ.)
2. Kuzmichev, P. A. Marriage contract: actual problems and ways to solve them. *Nauchnyj aspekt = Scientific Aspect*. 2023;5(7):533-540. (In Russ.)
3. Artemova, A. N. Legal nature of a share in the authorized capital of a limited liability company: a conflict of corporate and family law. *Respublica Literaria*. 2022;3(3):87-95. (In Russ.)
4. Aleshina, A. V. Legal regulation of family business through a prenuptial agreement. *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoy deyatel'nosti = Legal Regulation of Economic Activity*. 2022;(3):14-20. (In Russ.)
5. Boitsova, E. A., Khailov, D. A. The property relations of spouses and hereditary problems as a business risk source. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiijskoj Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*. 2020;(2):57-65. (In Russ.)
6. Maksurov, A. A. *Current issues of alienation of stocks and shares in the authorized capital of business companies*. Monograph. Moscow: Yustitsinform; 2021. 176 p. (In Russ.)
7. Ternovaya, O. A. Actual problems of the corporation law succession for the partners of the limited liability companies. *Notarial'nyj vestnik = Notary's Bulletin*. 2023;(5):5-14. (In Russ.)
8. Churumova, M. O. Marriage contract as the main contract determining the spouses' shares in property. *Tendenctii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*. 2024;(111-7):203-205. (In Russ.)
9. Redkina, Yu. M. Content of marriage contract, grounds for declaring marriage contract invalid. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. E-journal. 2024;4(9):182-191. (In Russ.)

Информация об авторе

П. А. Трофимова – студент 2 курса магистратуры.

Information about the author

P. A. Trofimova – 2st year master's student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принятая к публикации 08.07.2025.

The article was submitted 30.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 08.07.2025.

Уголовное право / Criminal Law

Научная статья

УДК 323.28

EDN: HFINEX

Юридическая деконструкция террористического акта на примере стрельбы в мечетях Крайстчерча

Станислав Алексеевич Ильичёв

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация

✉ ilyichovsa@gmail.com

Научный руководитель: **М. О. Ноженко**, старший преподаватель кафедры
уголовного права Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева

Аннотация. Статья посвящена юридическому анализу террористического акта в мечетях Крайстчерча (2019 г.) как проявления современного праворадикального терроризма. Целью исследования является деконструкция указанного события с точки зрения уголовного права, включая особенности квалификации, содержания мотивов поведения лица, а также роль информационно-телекоммуникационных технологий в совершении указанного преступления. Рассмотрены доктринальные подходы к определению терроризма и особенности квалификации деяний «одиноких акторов». Обозначены проблемы правового реагирования на акты терроризма и особенности противодействия таким деяниям.

Ключевые слова: террористический акт, Крайстчерч, уголовное право

Для цитирования: Ильичёв С. А. Юридическая деконструкция террористического акта на примере стрельбы в мечетях Крайстчерча // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 78–86.

Original article

Legal Deconstruction of a Terrorist Act on the Example of the Shooting at Mosques in Christchurch

Stanislav A. Ilyichyov

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,

Moscow, Russian Federation

✉ *ilyichovsa@gmail.com*

Scientific supervisor: M. O. Nozhenko, Senior Lecturer at the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. This article is devoted to the legal analysis of the terrorist attack at Christchurch mosques (2019) as a manifestation of contemporary far-right terrorism. The purpose of the study is to deconstruct the aforementioned event from the perspective of criminal law, including the specifics of legal qualification, the perpetrator's behavioral motives, as well as the role of information and telecommunications technologies in the commission of the said crime. Doctrinal approaches to the definition of terrorism and the peculiarities of qualifying acts committed by "lone actors" are examined. The problems of legal response to acts of terrorism and the specifics of counteracting such acts are identified.

Keywords: terrorist act, Christchurch, criminal law

For citation: Ilyichyov, S. A. Legal deconstruction of a terrorist act on the example of the shooting at mosques in Christchurch. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):78-86. (In Russ.)

Феномен терроризма, давно перешагнувший национальные границы и имеющий глобальный характер [1, с. 135], остается одной из наиболее острых угроз международной и национальной безопасности. Динамичная трансформация форм, методов и идеологических оснований терроризма ставит перед мировым сообществом и отдельными государствами все новые, более сложные вызовы, требующие адекватного и своевременного реагирования. Современный этап развития общества характеризуется не только сохранением активности традиционных террористических организаций, но и появлением лиц, использующих все более совершенные технологии для достижения своих преступных целей, что подчеркивает неослабевающую актуальность научных исследований в данной области [1, с. 136]. Особую тревогу в последние годы вызывает рост праворадикального терроризма, зачастую подпитываемого идеологиями превосходства и ненависти, распространяемыми через глобальные информационные сети.

Трагические события в Крайстчерче (Новая Зеландия) в марте 2019 г., когда в результате вооруженного нападения на две мечети погибли десятки людей, стали не просто очередным ужасающим проявлением насилия, но и своего рода маркером современных тенденций в террористической деятельности. Этот акт, совершенный «одиноким актором», открыто де-

кларировавшим свои праворадикальные взгляды, и транслировавшийся в прямом эфире в социальных сетях, высветил целый комплекс проблем: от особенностей квалификации подобных деяний до эффективности предупредительных мер в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Юридическая деконструкция данной ситуации представляется чрезвычайно значимой, поскольку позволяет не только глубже понять природу и специфику современного терроризма, но и выявить пробелы в национальном и международном праве, а также в правоприменительной практике противодействия ему. Как справедливо отмечают исследователи, анализ конкретных деяний является неотъемлемой частью совершенствования стратегий борьбы с террором [2, с. 69].

Определение сущности терроризма и юридическая квалификация деяний, подпадающих под это понятие, представляют собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем как в отечественной, так и в зарубежной юриспруденции. В российской правовой доктрине и законодательстве понятия «терроризм» и «террористический акт» получили достаточно развернутое нормативное закрепление в Федеральном законе «О противодействии терроризму»¹ и Уголовном кодексе Российской Федерации. Несмотря на это, в научной среде продолжаются дискуссии относительно правовой природы и сущности терроризма. Так, Д. А. Ковлагина отмечает, что терроризм представляет собой «идеологию насилия и практику воздействия», направленные на устрашение населения с целью влияния на политические решения, дестабилизации общественной деятельности и внушения страха как основного инструмента достижения целей [3, с. 137]. Ключевыми признаками терроризма, выделяемыми исследователями и законодателем, являются: применение или угроза применения насилия, публичный характер деяния, цель устрашения населения и/или оказания воздействия на органы власти или международные организации.

В. В. Устинов подчеркивает, что вопрос о мотивах террористических деяний является дискуссионным, поскольку такие акты могут быть совершены не только в политических, но и в религиозных или социальных целях, что делает их не менее общественно опасными [4, с. 9]. Споры вызывает также содержание понятия «иные действия, устрашающие население», что в каждом случае требует тщательного толкования.

На международном уровне, несмотря на многочисленные усилия, до сих пор не выработано единого, универсального определения терроризма. Тем не менее существует значительное количество международных конвенций² и резолюций ООН, направленных на борьбу с отдельными проявлениями терроризма (так называемый «секторальный» подход).

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

² См., например, Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Трагедия в Крайстчерче 15 марта 2019 г. стала одним из самых жестоких и медийно освещенных террористических актов последних лет, осуществленных сторонником праворадикальной идеологии. В пятницу, 15 марта 2019 г., Брентон Таррант, 28-летний гражданин Австралии, вооруженный полуавтоматическим оружием, совершил нападения на две мечети – Аль-Нур и Исламский центр Линвуд – в городе Крайстчерч, Новая Зеландия. В результате его действий погиб 51 человек, еще десятки получили ранения. Преступник вел прямую трансляцию нападения на мечеть Аль-Нур в социальной сети, что многократно усилило психологический эффект от теракта и способствовало вирусному распространению видеозаписи.

Правоохранительные органы Новой Зеландии оперативно отреагировали на произошедшее. Брентон Таррант был арестован и предстал перед судом. Ему были предъявлены обвинения в совершении террористического акта, 51 убийстве и 40 покушениях на убийство. В августе 2020 г. он был приговорен к пожизненному заключению без права на условно-досрочное освобождение – это первый подобный приговор в истории Новой Зеландии. Суд квалифицировал его действия как совершение террористического акта, признав наличие умысла на устрашение населения и воздействие на правительство с использованием насилия для продвижения определенной идеологии³.

С точки зрения международного права деяния Тарранта содержат все признаки террористического акта, определенные в большинстве международных конвенций и резолюций ООН, направленных на борьбу с терроризмом. Кроме того, цели совершения преступления – устрашение населения и воздействие на правительство для продвижения определенной идеологии – напрямую соотносятся с целями преступления, указанными в диспозиции ст. 205 УК РФ «Террористический акт». И сам характер действий Тарранта (массовое убийство людей, публичность, стремление к максимальному резонансу) соответствует объективной стороне террористического акта, как она трактуется и в российском уголовном праве: «...совершение... иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека... в целях дестабилизации деятельности органов власти... либо воздействия на принятие ими решений...». Таким образом, несмотря на различия в конкретных формулировках национальных законодательств, понимание террористического акта как общественно опасного деяния, направленного на подрыв основ безопасности государства и устрашение населения, является общим для большинства правовых систем, а также для международного права.

Исследуемое нами преступление представляет особый научный интерес в силу того, что, во-первых, Брентон Таррант являлся представителем нового поколения так называемых «террористов-одиночек». Во-вторых, беспрецедентная публичность, достигнутая путем прямой трансляции массового убийства в сети «Интернет», не только многократно усилила устраша-

³ Почему стала возможна атака в Новой Зеландии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8b6f319a79475347049cc> (дата обращения: 16.06.2025).

ющий эффект, но и обозначила новую тактику использования цифровых платформ террористами для распространения идеологии ненависти. Эти аспекты требуют изучения и рассмотрения, поскольку они прямо влияют как на юридическую оценку содеянного, так и на выработку адекватных мер предупреждения и профилактики таких деяний.

«Манифест» Брентона Тарранта является ключевым документом для понимания мотивов его преступления. В нем он открыто заявляет о своей приверженности идеям превосходства людей с определенным цветом кожи, теории «великого замещения», а также выражает ненависть к мусульманам и иммигрантам. Его действия были направлены не просто на убийство людей, а на символическую атаку против исламского сообщества, на провокацию насилия, дестабилизирующего западное общество. В. Е. Петрищев, характеризуя этнорелигиозный терроризм, приходит к выводу о том, что формирование движений экстремистского характера, распространение в массовом общественном сознании стереотипов допустимости противоправного поведения, применения насильственных методов при защите социальных, политических, государственных, общественных, групповых и личных интересов являются признаками расширения социального охвата террористической деятельности [5, с. 223–224].

Рассмотренный нами мотив тесно переплетается с более широкой идеологической установкой праворадикального экстремизма. Ученые указывают, что праворадикальные группировки совершают террористические акты против представителей иных рас и национальностей, руководствуясь идеологией исключительности белой расы и русской нации, с целью призыва к «Белой революции» [6, с. 222]. Действия Тарранта полностью укладываются в эту характеристику. Он намеревался не только лишить жизни, но и запугать целую группу населения, спровоцировать более масштабный конфликт на идеологической почве, что соотносится с целями террористического акта, определенными как в российском, так и в международном праве.

В Российской Федерации проблема противодействия терроризму, включая его проявления со стороны «одиноких акторов», также стоит чрезвычайно остро, что отражено в стратегиях национальной безопасности. На наш взгляд, эффективные меры предупреждения и воздействия на таких террористов должны носить комплексный характер и включать совершенствование деятельности, направленной на раннее выявление лиц, имеющих террористические намерения, включая мониторинг интернет-пространства и анализ поведения, активную работу по дерадикализации, особенно в молодежной среде, которая, как показывает практика, наиболее уязвима для экстремистских идеологий [7, с. 201], а также развитие международного сотрудничества по обмену информацией при выявлении и нейтрализации «террористов-одиночек», обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за совершение террористических актов.

Теракт в Крайстчерче продемонстрировал особенную роль сети «Интернет» в совершении террористических актов и распространении терроризма как идеологии.

Во-первых, сеть «Интернет» стала пространством для радикализации Тарранта. В своем «манифесте» он упоминал различные онлайн-форумы и платформы, откуда он брал экстремистские идеи. Этот аспект подчеркивается многими исследователями. Например, О. С. Игошин указывает на высокую эффективность использования сети «Интернет» для вербовки новых членов террористических организаций [8, с. 14].

Во-вторых, информационно-телекоммуникационные технологии использовались для подготовки и планирования атаки, а также для прямой трансляции теракта. Это было сделано с расчетом на максимальный психологический эффект, вирусное распространение контента, «прославление» деяния в определенных кругах. Как отмечают Б. Хоффман и другие эксперты, террористы всегда стремились к «театру жестокости» и современные технологии предоставляют им для этого беспрецедентные возможности [9, с. 248].

В Российской Федерации проблематика использования сети «Интернет» в террористических и экстремистских целях также находится в фокусе пристального внимания государственных органов и научного сообщества. Российское законодательство, в частности федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴ и «О противодействии экстремистской деятельности», предусматривают механизмы блокировки ресурсов, содержащих противоправный контент, включая призывы к терроризму и материалы, его оправдывающие⁵. З. Л. Шхагапсов справедливо указывает на необходимость постоянного совершенствования как правовых, так и технических средств противодействия информационной экспансии террористических идеологий [10, с. 181–182]. Однако, как показывает практика, одних лишь запретительных мер недостаточно для эффективного решения проблемы.

На наш взгляд, эффективное противодействие использованию сети «Интернет» в террористических целях требует реализации следующих мер.

1. Совершенствование технологий автоматического выявления и блокировки контента, который содержит изображения или видео террористических актов, что требует тесного сотрудничества между государственными органами, ИТ-компаниями, провайдерами интернет-услуг и владельцами социальных платформ, в том числе на международном уровне для оперативного реагирования на транснациональные угрозы.

2. Формирование у граждан, особенно у молодежи, навыков критического восприятия информации в интернете, способности распознавать манипулятивные техники и пропаганду террористических и экстремистских идеологий.

3. Создание и продвижение в сети «Интернет» качественного и позитивного контента, направленного на утверждение гуманистических ценно-

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 04.04.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁵ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

стей, межкультурного диалога, неприятия насилия и экстремизма, привлекательного и доступного для различных целевых аудиторий.

4. Создание и поддержка доступных онлайн- и офлайн-сервисов для лиц, подвергшихся радикализации или находящихся в группе риска, а также для их близких с целью оказания психологической помощи.

Таким образом, анализ террористического акта, совершенного в Крайстчерче, показывает, что современный праворадикальный терроризм, совершенный «одинокими акторами», представляет собой актуальную угрозу, характеризующуюся сильной идеологической мотивированностью, использованием цифровых технологий на всех этапах преступной деятельности – от радикализации определенных групп населения до медийного освещения самого акта насилия. Это требует комплексного подхода к противодействию таким актам, сочетающего как традиционные правоохранительные меры, так и новые способы, учитывающие распространенность информационно-телекоммуникационных технологий.

Трагедия в Крайстчерче и рост праворадикального экстремизма в мире диктуют необходимость совершенствования как национального законодательства, так и механизмов международного сотрудничества.

На национальном уровне это может включать следующие направления деятельности:

- гармонизацию законодательств различных государств;
- исследование и определение на уровне закона или правоприменительной практики признаков праворадикального экстремизма (например, путем включения в разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации указаний на теории «великого замещения», расового превосходства или иные формы ксенофобии);
- изучение действий «одиноких акторов», их мотивов и целей.

Кроме того, возникает необходимость в усилении ответственности за пропаганду терроризма в сети «Интернет», а также в криминализации новых форм оправдания и пропаганды идеологии насилия, совершенствовании механизмов выявления и профилактики радикализации групп населения (в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»). Особую роль играют меры, направленные на дальнейшее совершенствование государственного контроля в сфере оборота оружия.

С нашей точки зрения, на международном уровне крайне важно активизировать усилия по выработке универсального определения терроризма, которое включало бы и его праворадикальные проявления, а также предпринимать шаги по укреплению сотрудничества между правоохранительными органами и спецслужбами разных стран по обмену информацией о лицах и группах, причастных к праворадикальному экстремизму и терроризму. Необходимо также разработать международные стандарты и механизмы для борьбы с распространением террористического и экстремистского контента в интернете, проводить совместные научные исследования и обмен опытом при изучении феномена праворадикального терроризма, его причин, проявлений, а также мер противодействия таким проявлениям.

Список источников

1. Малаев А. Х. Терроризм как глобальная проблема современности // Журнал прикладных исследований. 2023. № 2. С. 135–138.
2. Кузубов А. А., Максименко А. Н. Обеспечение принципа правовой определенности в качестве противодействия международному терроризму // Правовой порядок и правовые ценности : электрон. изд. 2024. Т. 2, № 1. С. 64–73. URL: <https://www.lawandorder-donstu.ru/jour/issue/viewIssue/9/7>.
3. Ковлагина Д. А. Понятие и существенные признаки терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 137–138.
4. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М. : Юрллитинформ, 2002. 560 с.
5. Петрищев В. Е. Заметки о терроризме М. : УРСС, 2001. 281 с.
6. Самойлов С. Ф., Дорошенко О. М., Жуланов А. В. Место идеологической составляющей в структуре праворадикально настроенного экстремистского сознания // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 221–226.
7. Гутиева И. Г. Экстремизм в среде молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 201–203.
8. Игошин О. С. Интернет как площадка для вербовки пособников террористическими организациями // Отечественная юриспруденция. 2016. № 11 (13). С. 13–15.
9. Hoffman B. Inside terrorism. 3rd ed. New York : Columbia University Press, 2017. 480 p.
10. Шхагапсоев З. Л. Совершенствование методов противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 3. С. 177–184.

References

1. Malaev, A. Kh. Terrorism as a global problem of our time. *Zhurnal prikladnykh issledovanij = Journal of Applied Research*. 2023;(2):135-138. (In Russ.)
2. Kuzubov, A. A., Maksimenko, A. N. Ensuring the principle of legal certainty as a way to counteract the international terrorism. *Pravovoj poryadok i pravovye tsennosti = Legal Order and Legal Values*. E-journal. 2024;2(1):64-73. (In Russ.) URL: <https://www.lawandorder-donstu.ru/jour/issue/viewIssue/9/7>.
3. Kovlagina, D. A. The concept and the essential features of terrorism. *Probely v rossiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2015;(5):137-138. (In Russ.)
4. Ustinov, V. V. *International experience in combating terrorism: standards and practice*. Moscow: Yurlitinform; 2002. 560 p. (In Russ.)
5. Petrishchev, V. E. *Notes on terrorism*. Moscow: URSS; 2001. 281 p. (In Russ.)
6. Samoilov, S. F., Doroshenko, O. M., Zhulanov, A. V. The place of the ideological component in the structure of right-wing extremist consciousness. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(5):221-226. (In Russ.)
7. Gutieva, I. G. Extremism among youth. *Probely v rossiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2014;(5):201-203. (In Russ.)
8. Igoshin, O. S. Internet as a platform for recruitment of accomplices by terrorist organizations. *Otechestvennaya yurisprudentsiya = Domestic Jurisprudence*. 2016;(11):13-15. (In Russ.)
9. Hoffman, B. *Inside terrorism*. 3rd ed. New York: Columbia University Press; 2017. 480 p.

10. Shkhagapsoev, Z. L. Improving methods of countering extremism and terrorism in the Russian Federation. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2024;17(3):177-184. (In Russ.)

Информация об авторе

С. А. Ильичёв – студент 2 курса.

Information about the author

S. A. Ilyichyov – 2nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 07.07.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 07.07.2025.

Научная статья

УДК 343.3/.7

EDN: HHYVSV

Причинение страданий близким лицам как форма особой жестокости

Анна Сергеевна Кособокова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация
✉ ychebnayabel@mail.ru

Научный руководитель: **Д. А. Дорогин**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного права Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева

Аннотация. Особая жестокость толкуется в юридической литературе неоднозначно, однако причинение страданий близким лицам в процессе посягательства выделяется доктриной и судебной практикой как одна из типичных форм особой жестокости. Статья посвящена уточнению понятия «близкие лица» с помощью выделения и учета особенностей рассматриваемого проявления особой жестокости. В статье выдвигается предложение о включении в данный признак не только присутствия близких лиц при посягательстве, но и восприятия ими преступления во всех подробностях через специальные технологии и средства. Автором также рассматривается вопрос о возможности вменения, наряду с признаком особой жестокости в форме причинения страданий близким лицам, признака публичной демонстрации посягательства.

Ключевые слова: особая жестокость, близкие лица, страдания, публичная демонстрация, преступление

Для цитирования: Кособокова А. С. Причинение страданий близким лицам как форма особой жестокости // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 87–94.

Original article

Inflicting Suffering on Loved Ones as a Form of Special Cruelty

Anna S. Kosobokova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,

Moscow, Russian Federation

 ychebnayabel@mail.ru

Scientific supervisor: D. A Dorogin, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. Special cruelty is interpreted ambiguously in the legal literature, however, the infliction of suffering to loved ones in the process of encroachment is highlighted by doctrine and judicial practice as one of the typical forms of special cruelty. The article is devoted to clarifying the concept of loved ones by highlighting and taking into account the features of the considered manifestation of special cruelty. The article suggests that this feature should include not only the presence of loved ones during an assault, but also their perception of the crime in all its details through special technologies and means. The author also considers the possibility of attributing, along with a sign of special cruelty in the form of causing suffering to loved ones, a sign of a public demonstration of encroachment.

Keywords: special cruelty, close people, suffering, public demonstration, crime

For citation: Kosobokova, A. S. Inflicting suffering on loved ones as a form of special cruelty. *Femida.Science = Themis.Science. 2025;(2):87-94. (In Russ.)*

В российском уголовном праве отдельное место занимают проблемы толкования оценочных признаков состава преступления и квалификации деяний с учетом сформулированного в доктрине и судебной практике содержания таких понятий, к которым относится и особая жестокость. Особая жестокость встречается в качестве квалифицирующего признака состава преступления в небольшом количестве статей Уголовного кодекса Российской Федерации, но при этом она также является обстоятельством, отягчающим наказание (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ), что существенно расширяет возможности ее уголовно-правового учета. Однако в законодательстве полностью отсутствуют положения, как-либо разъясняющие данный признак. Такой пробел восполняется судебной практикой, хотя лишь частично.

Особая жестокость может иметь различные формы. Одним из ее проявлений Верховный Суд Российской Федерации в своих постановлениях¹

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (п. 8) (далее – Постановление № 1) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации

называет причинение страданий близким лицам в процессе совершения посягательства, что вызывает многочисленные вопросы.

Причинению страданий близким лицам в рамках особой жестокости на примере убийства посвящены работы С. К. Питерцева «Уголовно-правовое значение присутствия близких потерпевшего при убийстве» [1], Н. А. Лопашенко «Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика» [2], А. Н. Попова «Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом» [3] и др.

Прежде всего следует понять, кого именно стоит рассматривать в качестве близких лиц и чьи страдания нужно учитывать. На наш взгляд, кардинально отходить от общепринятого содержания данного понятия не стоит, для этого нет оснований, нет специфики состава, которую необходимо было бы дополнительно отразить. Так, к близким лицам могут относиться «...наряду с близкими родственниками <...> иные лица, состоящие с ним [потерпевшим] в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений» (п. 6 Постановления № 1).

При этом указанный термин в рамках рассматриваемого признака все же имеет особенности. Дело в том, что данный состав отличается местом (ролью) близких лиц в механизме совершения преступления. Как правило, в преступлении близкое лицо само является потерпевшим и выступает средством воздействия на другое лицо, всегда представляющее главенствующий интерес для виновного. В данном же случае, наоборот, через преступные действия, направленные на потерпевшего, происходит оказание противоправного влияния (в виде причинения психических страданий) на близких (третих) лиц, которые сами потерпевшими не выступают. Они либо оказываются конечной целью виновного, не совершающего непосредственно в отношении них уголовно наказуемых действий, либо затрагиваются в силу сложившейся ситуации, при этом их страдания виновным осознаются, но не входят в его цель.

Следовательно, страдания близких лиц «фактически находятся за рамками состава» [2, с. 376]. В связи с этим некоторые авторы предлагают отказаться от подобного проявления указанного признака [4, с. 63–64]. Однако учет таких страданий необходим ввиду существенного повышения степени общественной опасности деяния при их наличии, а также тесной взаимосвязи между такими страданиями и деянием виновного, которая на данный момент фактически не может быть учтена иным образом.

Страдания близких лиц могут квалифицироваться по признаку особой жестокости и в тех случаях, когда сам потерпевший их не испытывает (если виновный не применяет особо жестокий способ и не мучает жертву) или не осознает наличие страданий у третьих лиц (например, находясь в бессознательном состоянии). Стоит отметить, что сам способ, которым ви-

от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (п. 11) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.

Кособокова А. С. Причинение страданий близким лицам как форма особой жестокости

новный воздействует на потерпевшего, не обязательно должен быть особо жестоким, чтобы страдания близких от наблюдения за посягательством учитывались в рамках рассматриваемого признака.

Судить о «близости» лиц, т. е. значимости жизни и здоровья определенного человека, кажется логичным с позиции этого третьего лица, а не самого потерпевшего, как на это указывает Верховный Суд Российской Федерации (п. 8 Постановления № 1). В большинстве случаев не играет роли, с чьей точки зрения мы определяем наличие или степень «близости» лиц, так как предполагается, что глубокая эмоциональная привязанность в одинаковой степени свойственна субъектам, находящимся в близких отношениях². Однако в некоторых ситуациях, когда одно из лиц не способно физически испытывать тесную эмоциональную связь, рассматриваемый вопрос имеет определяющее значение.

Например, у младенцев до 3 месяцев социальные реакции на взрослых беспорядочны³, а значит, установления какой-либо эмоциональной связи с конкретным человеком, даже родственником, у них не происходит. Однако взрослый может привязаться к малышу, убийство которого определенно причинит ему страдания.

Такие же проблемы могут возникать в случаях, когда потерпевший постепенно потерял осознание «близости» в силу различных нарушений психики, когда его эмоциональная чувствительность существенно снизилась. Такое вероятно «...при деменциях позднего возраста, шизофрении, в рамках органического снижения личности, а также при глубоких депрессиях»⁴. «Те раздражители, события и люди, которые у здоровых лиц вызывают эмоциональную реакцию, здесь ее не вызывают»⁵.

Следовательно, так как страдания причиняются другим лицам, а не потерпевшему, значит, в рамках рассматриваемого проявления особой жестокости учитывать нужно степень привязанности этих третьих лиц, на глазах которых происходит посягательство. При этом для вменения признака особой жестокости обязательна осведомленность виновного о характере отношений между потерпевшим и третьим лицом.

Возможны также ситуации, когда лицом, не способным физически испытывать тесную эмоциональную связь, выступает не потерпевший, как это было описано выше, а третье лицо. То есть дополнительные страдания может испытывать сам потерпевший, например, опасаясь за жизнь

² Здесь и далее признак близких лиц рассматривается через призму заведомой для виновного значимости жизни и здоровья данного лица для потерпевшего, так как родство и свойство – объективные характеристики, хотя, по нашему мнению, и не определяющие безусловно наличие статуса близкого лица, в отличие от субъективного критерия в виде глубокой эмоциональной связи.

³ Веракса Н. Е. Детская психология : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2024. С. 186. URL: <https://urait.ru/bcode/536372/p.186> (дата обращения: 18.02.2025).

⁴ Дереча В. А. Психопатология : учеб. и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2025. С. 70. URL: <https://urait.ru/bcode/535166> (дата обращения: 19.02.2025).

⁵ Там же.

или дальнейшую судьбу после своего убийства находящихся рядом близких, которые его таковыми не считают. Несмотря на то что такие случаи не соответствуют ни одному проявлению особой жестокости, обозначенному Верховным Судом Российской Федерации в своих разъяснениях, они, при наличии необходимого субъективного отношения виновного, должны рассматриваться в рамках указанного признака.

Некоторые авторы выступают с предложениями о расширении категории лиц, чьи страдания необходимо учитывать. Ученые включают в нее любых лиц, которые присутствуют при совершении преступления [5, с. 19–20] либо ожидают такой же участи, как у потерпевшего (например, последующего своего убийства) [6, с. 30].

Рассмотрение именно близких лиц в контексте данного признака обусловлено их особой эмоциональной связью с потерпевшим, которая и возводит эти страдания в ранг особых. Об этом же свидетельствует указание Пленума Верховного Суда Российской Федерации на тот факт, что действия виновного должны причинять страдания в том числе лицам, для которых жизнь и здоровье потерпевшего дороги именно в силу личных взаимоотношений, а не только родственникам (п. 6, ч. 8 Постановления № 1). То есть суд не может руководствоваться исключительно формальным критерием родства или свойства. Например, нельзя квалифицировать по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ ситуации, когда близкое лицо заинтересовано в смерти потерпевшего либо относится к этому безразлично в силу отсутствия особой эмоциональной связи, которая обычно предполагается в случае родственников.

Отдельного упоминания заслуживает вопрос о квалификации в качестве особой жестокости страданий детей без учета их родства и иной связи с потерпевшим, предлагаемой некоторыми авторами [7, с. 184–185]. Однако, на наш взгляд, в таком случае происходит смешение в рамках одного признака разных оснований повышения общественной опасности деяния. Для дополнительной и целенаправленной защиты интересов именно несовершеннолетних, а точнее, их нормального (в том числе психического) развития стоит ввести, по примеру ст. 245 УК РФ, отдельный пункт «в присутствии малолетнего» (или несовершеннолетнего).

Важным является то, что страдания близких лиц вызываются именно самим фактом восприятия прижизненных мучений потерпевшего, его реакции (психической или физической) на противоправное посягательство. Некоторые исследователи выдвигают небезосновательное предположение, что в случае присутствия близкое лицо испытывает особые страдания именно из-за отсутствия возможности помочь потерпевшему и предотвратить преступное посягательство⁶ по объективным или субъективным причинам. По мнению С. К. Питерцева, специфика таких страданий обусловлена тем, что лица наряду с тяжкими переживаниями относительно самого факта смерти потерпевшего переживают еще и процесс ее причинения. То

⁶ Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах : учеб. пособие. СПб. : СПбЮИ, 1998. С. 18.

есть сначала угрозу лишения жизни, далее – все отдельные элементы этого механизма, а только потом сам факт утраты, что усугубляется еще и отсутствием возможности помочь потерпевшему [1, с. 116].

Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации⁷ не ставит наличие страданий и их степень в зависимость от такой возможности, т. е. он предписывает судам признавать страдания особыми и в случае, когда в процессе наблюдения посягательства близкое лицо способно предотвратить его негативные последствия, и когда оно этого сделать не может. В связи с этим мы отчасти согласны с позицией С. К. Питерцева, но, на наш взгляд, самого факта восприятия посягательства уже достаточно для признания особой жестокости. Такого же мнения придерживается и А. Н. Попов, который отмечает, что «особые страдания близких при убийстве потерпевшего заключаются в самом факте того, что они стали свидетелями смерти родного им человека. <...> Искать какой-либо дополнительный критерий “особенности” страданий близких потерпевшего в подобных случаях, по нашему мнению, было бы неправильно. <...> Поэтому особые страдания близких потерпевшего будут во всех случаях осознания ими факта посягательства на его жизнь, если отношения между потерпевшим и близкими его до этого момента не давали оснований для иных выводов» [3, с. 72].

Таким образом, на первый план должен выходить сам факт восприятия процесса посягательства на потерпевшего. При этом такое восприятие сегодня возможно и не только через непосредственное присутствие близких лиц в месте совершения преступления, как это указано в названных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Если раньше подобное наблюдение обеспечивалось в основном только личным присутствием близких лиц при непосредственном совершении преступления, то в нынешнее время использование различных технологий и средств позволяет организовать доведение до близких лиц всей ситуации в подробностях со сравнимой с присутствием на месте преступления степенью. Кроме того, выше упоминаемая неспособность помочь сохраняется и при отсутствии близкого лица в непосредственной территориальной близости к потерпевшему, но восприятии преступления в режиме реального времени, например, путем ведения онлайн-трансляции, видеозвонка и т. д.

Отметим, что разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации в данной части об убийстве не менялись с 1999 г., а об изнасиловании – с 2014 г. и, на наш взгляд, устарели. Необходимо учесть изложенное и изменить формулировку, указанную в этих постановлениях, так как существенным является не само присутствие близких лиц, а именно факт восприятия процесса посягательства во всех подробностях.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие основные выводы. Во-первых, вывод о «близости» лиц, т. е. о значимости жизни и здоровья определенного человека, необходимо делать со стороны третьего лица,

⁷ См. Постановление № 1 (п. 8), Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (п. 11).

которому причиняются страдания, а не самого потерпевшего. Во-вторых, центральной характеристикой рассматриваемого проявления особой жестокости является не присутствие близких лиц в момент совершения преступления, а сам факт восприятия близким лицом процесса посягательства. Это указывает на необходимость включения в рамки данного проявления ситуации, когда процесс посягательства доводится до близких лиц с помощью использования различных технологий и средств, позволяющих передавать все подробности преступления.

Список источников

1. Питерцев С. К. Уголовно-правовое значение присутствия близких потерпевшего при убийстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 3. С. 116–118.
2. Лопашенко Н. А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика. М. : Юрлитинформ, 2018. 656 с.
3. Попов А. Н. Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом. СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2002. 211 с.
4. Стрельников А. И. Ответственность за убийство, совершенное при обстоятельствах, отягчающих наказание. М. : Частное право, 2002. 143 с.
5. Меньшикова А. Г. Особая жестокость: медицинские и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 26 с.
6. Кривошеин П. К., Третьяков В. И. Преступления против жизни и здоровья человека. Волгоград : Волгоград. акад. МВД России, 2013. 256 с.
7. Сердюк Л. В. Семейно-бытовое насилие: криминологический и уголовно-правовой анализ. М. : Юрлитинформ, 2015. 317 с.

References

1. Pltertsev, S. K. The criminal and legal significance of the presence of the victim's relatives during the murder. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 1975;(3):116-118. (In Russ.)
2. Lopashenko, N. A. *Investigation of murders: law, doctrine, judicial practice*. Moscow: Yurlitinform; 2018. 656 p. (In Russ.)
3. Popov, A. N. *Murders committed with extreme cruelty and in a generally dangerous manner*. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2002. 211 p. (In Russ.)
4. Strelnikov, A. I. *Responsibility for murder committed under circumstances aggravating punishment*. Moscow: Chastnoe pravo; 2002. 143 p. (In Russ.)
5. Menshikova, A. G. *Special cruelty: medical and criminal-legal aspects*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2015. 26 p. (In Russ.)
6. Krivoshein, P. K., Tretyakov, V. I. *Crimes against human life and health*. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2013. 256 p. (In Russ.)
7. Serdyuk, L. V. *Family and domestic violence: criminological and criminal law analysis*. Moscow: Yurlitinform; 2015. 317 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Кособокова – студент 4 курса.

Information about the author

A. S. Kosobokova – 4th year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 26.03.2025; принятая к публикации 16.04.2025.

The article was submitted 14.03.2025; approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 16.04.2025.

Научная статья

УДК 343

EDN: HOSSTL

Правовые и организационные проблемы противодействия коррупционным преступлениям в Российской Федерации и пути их решения

Элиза Борисовна Михлина

Адвокатское бюро г. Москвы «Вернум», Москва, Российская Федерация
✉ *Mikhлина200@mail.ru*

Научный руководитель: **А. А. Арямов**, д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам противодействия коррупции в России, анализу правовых пробелов и организационных сложностей в этой сфере. Рассматриваются ключевые проблемы применения антикоррупционного законодательства, включая несовершенство нормативной базы, слабую координацию между контролирующими органами и недостаточную эффективность профилактических мер. Особое внимание уделено противоречиям в уголовно-правовом регулировании коррупционных составов, что создает возможности для ухода от ответственности. Автор исследует причины низкой результативности существующих механизмов борьбы со взяточничеством и злоупотреблениями должностными полномочиями.

На основе анализа судебной практики и зарубежного опыта предлагаются конкретные пути решения выявленных проблем: совершенствование законодательных формулировок, усиление межведомственного взаимодействия, внедрение прозрачных процедур контроля. Подчеркивается необходимость комплексного подхода, сочетающего правовые реформы с изменениями в системе государственного управления.

Ключевые слова: коррупционные преступления, коррупция, нормативно-правовое регулирование, экономические преступления, взятка

Для цитирования: Михлина Э. Б. Правовые и организационные проблемы противодействия коррупционным преступлениям в Российской Федерации и пути их решения // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 95–103.

Original article

Legal and Organizational Problems of Combating Corruption Crimes in the Russian Federation and Ways to Solve Them

Eliza B. Mikhлина

Moscow Law Office "Vernum", Moscow, Russian Federation

✉ Mikhлина200@mail.ru

Scientific supervisor: A. A. Aryamov, Doctor of Science (Law), Professor, Professor at the Criminal Law Department, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The article is devoted to current issues of combating corruption in Russia, the analysis of legal gaps and organizational difficulties in this area. The key problems of applying anti-corruption legislation are considered, including the imperfection of the regulatory framework, weak coordination between regulatory authorities and the insufficient effectiveness of preventive measures. Particular attention is paid to the contradictions in the criminal and legal regulation of corruption offences, which creates opportunities for evading responsibility. The author examines the reasons for the low efficiency of existing mechanisms for combating bribery and abuse of office. Based on the analysis of judicial practice and foreign experience, specific ways to solve the identified problems are proposed: improving legislative formulations, strengthening interdepartmental cooperation, introducing transparent control procedures. The need for an integrated approach combining legal reforms with changes in the public administration system is emphasized.

Keywords: corruption crimes, corruption, normative and legal regulation, economic crimes, bribery

For citation: Mikhлина, Е. В. Legal and organizational problems of combating corruption crimes in the Russian Federation and ways to solve them. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):95-103. (In Russ.)

Коррупционные преступления относятся к высоколатентным преступлениям, что существенно затрудняет их предупреждение и выявление.

В рамках профилактики коррупционных угроз следует особое внимание уделить работе с населением, так как ст. 6 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹ (далее – Закон о противодействии коррупции) непосредственно закрепляет, что одной из мер профилактики является формирование нетерпимости к коррупционному поведению в обществе. Формирование такой нетерпимости возможно только в том случае, если подавляющая часть населения обладает правовой и финансовой грамотностью². Такая мера может не просто способствовать

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

² Письмо Минобрнауки России от 3 августа 2015 г. № 08-1189 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями по воспитанию антикор

снижению коррупционной преступности, а отразиться в будущем на всей динамике совершения экономических преступлений, снижении сектора теневой экономики и т. д., так как сегодняшние школьники – это будущие должностные лица и государственные служащие.

В сфере противодействия преступности и ее предупреждения важное значение имеет программно-целевой подход. На региональном уровне должны разрабатываться программные документы, содержащие конкретный алгоритм действий и указаний, адресованный определенным органам и лицам. Республики Кавказа являются одними из самых проблемных регионов, ввиду чего хотелось бы привести пример профилактики коррупционной преступности на основе их нормативной правовой базы. Так, в отношении всего Северо-Кавказского федерального округа ранее действовало распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. № 1485-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года»³. Это общий программно-стратегический документ, который находит свое развитие на уровне входящих в него субъектов Российской Федерации. На наш взгляд, именно на региональном уровне должны приниматься стратегии и программы по противодействию коррупции, так как федеральные программы (даже План противодействия коррупции на 2021–2024 гг.⁴) не в силах учесть всю специфику субъектов Российской Федерации, их культурно-исторические и экономические особенности, имеющие непосредственное значение для коррупционных составляющих. Так, в Чеченской Республике действует распоряжение Правительства Чеченской Республики от 4 марта 2021 г. № 62-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики до 2035 года»⁵. Развитие стратегических документов путем принятия собственных программ и стратегий может способствовать:

- совершенствованию правовой базы правоохранительной деятельности;
- реформированию правоохранительных структур;
- совершенствованию осуществления правоохранительной деятельности;
- контролю за управлением;
- противодействию организованной преступности и коррупции;

рупционного мировоззрения у школьников и студентов»). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 40. Ст. 5107. Утратил силу в связи с принятием постановления Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 808 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 (ред. от 26.06.2023) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.

⁵ Доступ из СПС «Гарант».

- повышению эффективности деятельности властных структур в вопросах экономической преступности.

Хотелось бы отметить, что использование только одного направления мер предупреждения коррупционной преступности является недостаточным. Эффективным будет только комплексный подход, использующий в той или иной мере все способы.

Кроме того, обращаясь к тому же Северо-Кавказскому региону, хотелось бы отметить, что в Чеченской Республике (как и во многих других республиках и субъектах Федерации в целом) на низком уровне находятся системы контроля и аудита, поэтому нам кажется необходимым внедрять специальные принципы системности и согласованности в отношении ветвей власти Республики как по вертикали, так и по горизонтали. В качестве конкретного способа реализации данного направления можно обратить внимание на ужесточение деятельности служб контроля (государственного, внутреннего, независимого и др.) за деятельность хозяйствующих субъектов, усиление роли и значимости контрольно-счетных органов субъекта, интенсивности работы органов прокуратуры.

Работа с людьми является основой коррупционного противодействия, соответственно, необходимо проводить профилактическую работу с населением, в первую очередь на региональном и муниципальном уровнях. Чеченская Республика, например, как национально-территориальный субъект Российской Федерации, характеризуется достаточно ярко выраженными национальными признаками, богатыми традициями и обычаями, кроме того, в Чечне, как и во многих других республиках Российской Федерации, развиты кумовство, семейственность и т. д., ввиду чего здесь особое внимание должно быть уделено этому направлению.

Статья 6 Закона о противодействии коррупции содержит меры по профилактике коррупции. Помимо этого, Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции»⁶ посвящен мерам по противодействию этому явлению. Региональное законодательство также оперирует термином «меры» в отношении предупреждения и противодействия коррупционным преступлениям.

Р. А. Сабитов указывает, что в антикоррупционных нормативных актах под мерой понимаются способ и средство противодействия коррупции. Меры по противодействию коррупции должны соответствовать нескользким критериям:

- устанавливаются специальным антикоррупционным нормативным правовым актом;
- выступают в качестве средств воздействия на причины и условия коррупции, а также на субъектов коррупционных преступлений;
- их основанием признаны возможность совершения преступлений коррупционной направленности или их непосредственное совершение⁷.

⁶ Российская газета. 2008. 22 мая.

⁷ Сабитов Р. А. Противодействие коррупции и коррупционным правонарушениям в России : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 152.

Закон о противодействии коррупции не содержит системного изложения мер противодействия коррупции, что, на наш взгляд, является существенным недостатком данного нормативного правового акта. Само понятие «меры» в оглавлении Закона встречается два раза: в ст. 6 и ст. 13.3. Статья 6 указанного законодательного акта содержит перечень мер по профилактике коррупции.

Коррупция, составной частью которой является взяточничество, – сложное явление, противодействие которому должно регулироваться и прорабатываться не только на законодательном уровне, но и в программно-плановых документах.

В отношении лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, установлено требование о совершенствовании мер ответственности не только за коррупционные преступления, что является очевидным, но и за несоблюдение тех требований, которые разрабатываются и устанавливаются для противодействия коррупции.

Кроме того, нужно отметить следующее. Цифровизация общественных отношений и формирование цифровой экономики характерны для многих современных государств, Россия – не исключение. Цифровизация (равно как и глобализация) способствует прозрачности и упрощению процедур, централизации информации, улучшению коммуникативных средств и пр., хотя и несет определенные риски в виде взломов, информационных атак, совершенствования способов совершения экономических преступлений, развития коррупционных схем с использованием современных технологий. Несмотря на все возможные негативные проявления, цифровизация, на наш взгляд, может способствовать противодействию коррупционным угрозам и, как следствие, обеспечению финансовой безопасности и финансового суверенитета государства.

Таким образом, предупреждение коррупционной угрозы должно носить комплексный характер. Для эффективного предупреждения коррупционной преступности как явления, непосредственно связанного с должностными и властными полномочиями, считаем необходимыми разработку и внедрение на уровне субъектов Российской Федерации не только стратегий социально-экономического развития, но и специальных стратегий противодействия коррупции, которые должны не просто стать декларативными документами, а иметь под собой конкретный механизм их реализации.

В таких стратегиях субъектов Российской Федерации необходимо как прописать меры, направленные на противодействие коррупции, так и установить оценочные критерии, по которым впоследствии будет возможно оценить, насколько эффективно субъектом реализуется принятая стратегия. Кроме того, необходимо развивать системы внутреннего контроля, аудита, усиливать контрольные мероприятия не только для противодействия и устранения последствий коррупционной преступности, но и для ее профилактики. Также считаем одними из самых эффективных мер предупреждения коррупционных угроз работу с населением, повышение уровня правовой культуры общества и его финансовой грамотности.

Противодействие коррупции является сложной задачей, которая стоит как перед государством, так и перед гражданским обществом. В целях противодействия коррупции Указом Президента Российской Федерации⁸ был создан Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции (далее – Совет). Совет является совещательным антикоррупционным органом, в состав которого входят представители гражданского общества. Широкое представительство позволяет достаточно подробно и точно обсуждать многие вопросы в сфере противодействия коррупции.

Противодействие коррупционным преступлениям осуществляется на основе массива нормативных правовых актов и иных официальных документов, которые составляют основу антикоррупционного законодательства, сочетающего в себе различные отрасли права, такие как уголовное, административное, гражданское.

Основополагающим актом российского права в сфере противодействия коррупции является уже отмеченный ранее Федеральный закон «О противодействии коррупции». Закон был принят в 2008 г., однако коррупция – это динамичное явление, которое постоянно развивается и подстраивается под изменения социально-экономической сферы, адаптируясь к новым формам противодействия и обстоятельствам. Вследствие этого в указанный нормативный правовой акт с периода его вступления в силу было внесено более двадцати изменений и дополнений, некоторые из которых связаны в том числе с разработкой и принятием новых источников правового регулирования в сфере антикоррупционной деятельности. Кроме специального закона в данной сфере антикоррупционная деятельность регулируется некоторыми федеральными конституционными законами, федеральными законами, подзаконными актами в виде указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, актов министерств и ведомств и пр. Кроме того, нельзя игнорировать законодательство субъектов Федерации в данной сфере, которое, по нашему мнению, должно развиваться и в случае его не декларативного применения может стать эффективным способом для снижения уровня коррупционных проявлений.

Однако национального уровня регулирования недостаточно для эффективного противодействия коррупции, поэтому одной из основ являются источники международного права.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 25 февраля 2011 г. № 233 (ред. от 25.01.2024) «О некоторых вопросах организации деятельности президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции» (вместе с «Положением о порядке рассмотрения президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции вопросов, касающихся соблюдения требований к служебному (должностному) поведению лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, отдельные должности федеральной государственной службы и иные должности, и урегулирования конфликта интересов, а также некоторых обращений граждан и организаций») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 9. Ст. 1223.

Обращаясь к международно-правовому регулированию, необходимо отметить, что без международных актов законодательства достаточно проблематично в современных реалиях противодействовать коррупционным преступлениям, так как, во-первых, коррупция, как и иные экономические преступления, все более приобретает глобальный характер, а во-вторых, международный опыт представляет собой достаточно обширную базу регулирования в сфере противодействия коррупции. Поэтому считаем, что государства должны перенимать друг у друга такой опыт, имплементируя эффективные методы в свои национальные правовые системы.

Российская Федерация благодаря интеграции и взаимодействию с различными государствами является участницей многих международных организаций и конвенций, которые регулируют антикоррупционную деятельность⁹.

Опыт, накопленный зарубежными государствами по отдельности, а также, приобретенный в результате международного взаимодействия, переносится в сферу регулирования различных государств, так как без этих инструментов на сегодняшний день достаточно сложно представить себе эффективную нормативную базу противодействия коррупционным преступлениям. Государства могут не только перенимать друг у друга эффективные механизмы, но и учитывать законодательные ошибки друг друга, не повторяя их [1, с. 87].

Российская Федерация не ограничивается только национальным регулированием, принимает и ратифицирует различные конвенции, приводит национальное законодательство в соответствие с международным. Российские специалисты изучают международный опыт, ищут пути применения различных мер в российской практике. Соответственно, на данный момент Российской Федерации проходит этап имплементации международного опыта в национальную правовую систему.

Одной из главных проблем как отечественных, так и международных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции является их декларативный характер, провозглашение лишь необходимости противодействия коррупции без определения и закрепления механизма реализации конкретных мер.

Кроме декларативности и, следовательно, неэффективности в части практического применения можно отметить такую тенденцию, как повтор и дублирование норм, отсутствие баланса и гармонизации между ними, что ведет если не к коллизии и конкуренции норм, то к противоречивому правовому регулированию, в котором отсутствует единство. Ввиду этого считаем необходимым не просто развивать антикоррупционное законодательство, а

⁹ Конвенция ООН против коррупции (Российская Федерация подписала Конвенцию 09.12.2003) (распоряжение Президента Российской Федерации от 6 декабря 2003 г. № 581-рп), Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000), Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих организациях (утв. резолюцией 51/19 Генеральной Ассамблеи от 16.12.1996) и иные.

в первую очередь привести его в соответствие со всеми законодательными и иными актами, сбалансировать антикоррупционное законодательство, чтобы его нормы не вступали в противоречие друг с другом.

Более того, систематизацию антикоррупционного законодательства необходимо осуществлять с учетом текущей цифровизации общественных отношений, их трансформации и изменений.

Взяточничество – одно из самых распространенных коррупционных преступлений. Взяточничество является достаточно динамичным преступлением, так как субъекты подстраиваются под изменяющееся законодательство о взяточничестве, адаптируются под уголовно-правовые нормы, создавая новые формы взяточничества.

Так, должностные лица часто имеют неправомерное преимущество перед другими лицами в силу занимаемой ими должности. Такое преимущество зачастую отличается имущественным характером, что повышает опасность взяточничества для экономической безопасности государства и общества, поэтому заложенные законодателем санкции нельзя назвать жесткими. Более того, законодатель в примечании к ст. 291 УК РФ предусмотрел возможность освобождения от уголовной ответственности взяточодателя при соблюдении им определенных условий.

Взяточодатель как субъект, желающий для определенных целей дать взятку, стремится приобрести какие-либо преимущества и преференции, имеет корыстные мотивы или может пытаться скрыть какое-либо противоправное деяние и пр.

Таким образом, для эффективного противодействия взяточничеству необходимо:

- комплексно рассматривать всю категорию преступлений, связанных со взяточничеством, так как они находятся в неразрывной связи друг с другом;

- усовершенствовать диспозиции вновь введенных статей УК РФ, а также санкции, позволяющие практически безнаказанно давать небольшие взятки должностным лицам;

- увеличить срок лишения свободы до четырех лет для всей группы преступлений, связанных со взяточничеством, для того чтобы предоставить правоохранительным органам возможность в полной мере проводить оперативно-розыскные мероприятия с целью документирования и пресечения коррупционной деятельности.

Список источников

1. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В., Цирин А. М. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации : моногр. М. : Проспект, 2019. 224 с.

References

1. Khabrieva, T. Ya., Andrichenko, L. V., Tsirin, A. M. *Organizational and legal mechanisms for combating corruption in the subjects of the Russian Federation*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2019. 224 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Э. Б. Михлина – ведущий юрист.

Information about the author

E. B. Mikhлина – Leading Lawyer.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принятая к публикации 22.05.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 22.05.2025.

Проблемы (особенности) квалификации незаконного осуществления медицинской деятельности

Елизавета Андреевна Никулова

Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет
правосудия имени В. М. Лебедева, Иркутск, Российская Федерация
✉ nikulovaea2@gmail.com

Научный руководитель: **А. С. Рыбакова**, к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. Незаконное осуществление медицинской деятельности несет в себе повышенную опасность для общества, так как создает угрозу жизни и здоровью граждан, подрывает доверие к системе здравоохранения, нарушает права граждан на получение квалифицированной медицинской помощи. Законодательством Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности, регламентированная ст. 235 УК РФ. В ходе исследования был проведен анализ судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 235 УК РФ, за период 2020–2024 гг., что позволило обозначить особенности состава и выявить проблемные вопросы квалификации:

- бланкетность диспозиции ст. 235 УК РФ, которая не определяет признаков преступления в самом уголовном законе, а отсылает для этого к нормативным правовым актам в сфере медицинской деятельности;
- отсутствие дифференциации уголовной ответственности за незаконное осуществление медицинской деятельности исходя из наступивших последствий в виде вреда здоровью различной степени тяжести;
- отсутствие четких критериев ограничения преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ, от незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ); выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ); причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ); причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенного вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 118 УК РФ); создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ). В статье рассматривается вопрос о дифференциации уголовной ответственности за осуществление медицинской деятельности исходя из степени тяжести вреда, причиненного здоровью.

Ключевые слова: незаконная медицинская деятельность, лицензия, уголовная ответственность, квалификация, вред здоровью

Для цитирования: Никулова Е. А. Проблемы (особенности) квалификации незаконного осуществления медицинской деятельности // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 104–113.

Original article

Problems (Features) of Qualification of Illegal Medical Activity

Elizaveta A. Nikulova

East Siberian Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk, Russian Federation

✉ nikulovaea2@gmail.com

Scientific supervisor: **A. S. Rybakova**, Candidate of Science (Law), Senior Lecturer at the Criminal Law Department of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. Illegal medical activities pose an increased danger to society, as they endanger the life and health of citizens, undermine confidence in the healthcare system, and violate citizens' rights to receive qualified medical care. The legislation of the Russian Federation provides for criminal liability for illegal medical activity, regulated by Art. 235 of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of judicial practice in cases of crimes under Art. 235 of the Criminal Code of the Russian Federation for the period 2020–2024 made it possible to identify the features of the composition and identify problematic issues of qualification:

- the bluntness of the disposition of Art. 235 of the Criminal Code of the Russian Federation, which does not define the signs of a crime in the criminal law itself, but refers to regulatory legal acts in the field of medical activity;
- lack of differentiation of criminal liability for illegal medical activity based on the consequences in the form of harm to health of varying severity;
- lack of clear criteria for distinguishing Art. 235 of the Criminal Code from illegal entrepreneurship (Art. 171 of the Criminal Code); performing work or providing services that do not meet safety requirements (Art. 238 of the Criminal Code); causing death by negligence due to improper performance of professional duties by a person (Pt. 2 of Art. 109 of the Criminal Code); causing serious harm to health due to negligence committed as a result of improper performance of professional duties by a person (Pt. 2 of Art. 118 of the Criminal Code); creation of a non-profit organization that encroaches on the personality and rights of citizens (Art. 239 of the Criminal Code). The issue of differentiation of criminal liability for medical activities based on the degree of severity of harm to health is considered in the article.

Keywords: illegal medical activity, license, criminal liability, qualification, harm to health

For citation: Nikulova, E. A. Problems (features) of qualification of illegal medical activity. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):104-113. (In Russ.)

В современных условиях развития здравоохранения особую актуальность приобретает проблема уголовно-правовой охраны медицинской деятельности. Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выявить ряд существенных проблем в данной сфере.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом объективных факторов, определяющих остроту вопросов, связанных с нелегальной медицинской деятельностью, среди которых – развитие рыночных отношений

и цифровизация общества. Рост числа случаев нелегальной медицинской практики создает реальную угрозу жизни и здоровью граждан, подрывает доверие к официальной медицине и наносит существенный ущерб экономике государства.

Трансформация общественных отношений в сфере здравоохранения, появление новых форм оказания медицинских услуг, в том числе в сети «Интернет», также содействуют развитию нелегальной медицинской деятельности. При этом существующие механизмы правового регулирования и контроля не всегда оказываются достаточно эффективными для противодействия данным явлениям.

Социально-правовая значимость исследования обусловлена необходимостью обеспечения безопасности граждан при получении медицинской помощи, защиты их конституционных прав на охрану здоровья и медицинскую помощь. Особую актуальность приобретает вопрос совершенствования законодательства в сфере контроля за медицинской деятельностью и усиления мер ответственности за ее незаконное осуществление.

Объект исследования представляет собой общественные отношения, возникающие в результате причинения уголовно значимого вреда при осуществлении незаконной частной медицинской практики или частной фармацевтической деятельности [1].

По мнению некоторых авторов, незаконная медицинская деятельность является классическим примером многообъектного преступления, поскольку посягает на несколько общественных отношений одновременно [1, с. 114]. Многообъектное преступление характеризуется нанесением ущерба двум и более непосредственным объектам, где один из них является главным (основным), а другой – дополнительным. В случае незаконной медицинской деятельности можно выделить следующие объекты посягательства:

- основной объект – общественные отношения в сфере охраны здоровья населения и обеспечения безопасности медицинской деятельности. Это ключевой объект, так как незаконная медицинская практика напрямую угрожает жизни и здоровью граждан;

- дополнительный объект – общественные отношения в сфере установленного порядка оказания медицинской помощи и лицензирования медицинской деятельности. Данный объект является производным и дополняет основной, отражая нарушение установленного правового порядка в медицинской сфере.

Специфика данного многообъектного преступления заключается в том, что оба объекта находятся в тесной взаимосвязи: нарушение порядка оказания медицинских услуг (дополнительный объект) неизбежно влечет угрозу для здоровья граждан (основной объект). Важной особенностью является то, что определение основного и дополнительного объекта зависит не от важности охраняемого блага, а от их связи с видовым объектом преступления. В данном случае именно угроза здоровью населения выступает определяющим фактором, что делает его основным объектом посягательства.

Понятийный аппарат, используемый в диспозиции ч. 1 ст. 235 УК РФ, характеризуется высокой степенью отсылочности, что создает значитель-

ные трудности при уяснении признаков объективной стороны незаконного осуществления медицинской деятельности. Законодательные формулировки содержат многочисленные ссылки к подзаконным актам, что приводит к размытию границ уголовной ответственности. Так, понятие медицинской деятельности рассматривается в Законе об основах охраны здоровья¹; перечень работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, содержится в Приложении к Положению о лицензировании медицинской деятельности, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2012 г. № 291².

Незаконным признается осуществление медицинской деятельности без лицензии, в том числе при ее приостановлении, прекращении или аннулировании, либо при наличии лицензии, выданной на осуществление иных видов выполняемых работ или оказываемых услуг [2, с. 18].

Примечательно, что даже минимальное отступление от лицензионных требований влечет за собой наступление уголовной ответственности.

В качестве примера правоприменительной практики можно привести решение Центрального районного суда г. Читы, согласно которому гражданин Т. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 235 УК РФ за осуществление медицинской деятельности без соответствующей лицензии.

В ходе судебного разбирательства установлено, что подсудимый, не имея профессиональной лицензии на проведение массажных процедур, осуществил манипуляцию ребенку, страдающему детским церебральным параличом со спастическим тетрапарезом. В процессе выполнения массажных действий, а именно при проведении разминания и растирания нижних конечностей с целью снижения спастических рефлексов, подсудимый не проявил надлежащей осмотрительности, допустив чрезмерный изгиб правой конечности пациента, что привело к закрытому перелому бедра со смещением костных отломков в области между средней и верхней третью кости. Данное повреждение квалифицировано как тяжкий вред здоровью. При этом Т. не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть³.

Объективная сторона ст. 235 УК РФ предусматривает наступление последствий в виде причинения вреда здоровью (ч. 1 ст. 235 УК РФ) и смер-

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2012 г. № 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляющей медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 17. Ст. 1965.

³ Приговор Центрального районного суда г. Читы от 30 января 2019 г. по делу № 1-1256/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C0D0C2FRtRg5/?ysclid=m8ibv517df861056461>.

ти человека (ч. 2 ст. 235 УК РФ). При этом законодатель не устанавливает дифференциацию уголовной ответственности исходя из причиненной степени тяжести вреда здоровью, что по смыслу ст. 6 УК РФ нарушает принцип справедливости уголовного закона, так как единственным критерием для такой дифференциации является санкция [3, с. 265].

В рамках уголовно-правовой регламентации, установленной ст. 235 УК РФ, определяющим основанием для квалификации деяния является наличие последствий в виде причинения вреда здоровью человека.

В доктринальном и правоприменительном аспектах сохраняется неопределенность относительно квалификации по ч. 1 ст. 235 УК РФ, поскольку законодатель не конкретизировал данный критерий в диспозиции указанной нормы.

Дискуссионность данного вопроса обусловлена наличием двух основных подходов к его разрешению. Первая позиция предполагает возможность квалификации деяния при наличии любого вида вреда здоровью. Альтернативная точка зрения ограничивает основание уголовной ответственности случаями причинения исключительно тяжкого вреда здоровью.

Данный вывод обосновывается отсутствием в уголовном законодательстве общей нормы, регламентирующей ответственность за неосторожное причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью, за исключением ст. 124 УК РФ [4, с. 56].

Однако сложившаяся правоприменительная практика демонстрирует отступления от данного принципа.

Судебная практика свидетельствует о случаях квалификации деяния по ч. 1 ст. 235 УК РФ даже при установлении вреда здоровью средней тяжести и легкого вреда. В качестве примера может быть приведено судебное решение по делу, рассмотренному Октябрьским районным судом г. Грозного.

Обстоятельства дела свидетельствуют о следующем: физическое лицо, не обладающее высшим медицинским образованием и соответствующей лицензией на осуществление медицинской деятельности, провело косметическое вмешательство, включающее коррекцию молочных желез и ягодичной области. При этом для проведения процедуры был использован медицинский препарат, не предназначенный для данных целей.

Последствия деяния выражались в развитии у потерпевшей осложнений в виде олеогранулем, что было квалифицировано заключением судебно-медицинской экспертизы как вред здоровью средней тяжести. Тем не менее действия виновного лица были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 235 УК РФ⁴.

Проведенный анализ позволяет констатировать наличие противоречий между буквальным толкованием уголовного закона и сложившейся правоприменительной практикой в части квалификации деяния по ст. 235 УК РФ при причинении вреда здоровью различной степени тяжести.

⁴ Приговор Октябрьского районного суда г. Грозного Чеченской Республики от 22 февраля 2017 г. по делу № 1-17/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eNGZXj4plS5r/?ysclid=m8ictqh3c6797459482> (дата обращения: 06.05.2025).

Правовая неопределенность понятия «вред здоровью» в контексте ст. 235 УК РФ требует проведения всестороннего исследования данного правового явления в рамках современного юридического дискурса [5, с. 63].

Согласно ч. 2 ст. 235 УК РФ деяние, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, признается совершенным при отягчающих обстоятельствах, если оно повлекло по неосторожности смерть человека. Квалификация деяния по данной статье осуществляется при наличии следующих элементов состава преступления:

1) объективная сторона преступления выражается в форме деяния (действия или бездействия), состоящего в осуществлении медицинской или фармацевтической деятельности без лицензии;

2) наступление последствий в виде смерти человека как обязательный признак объективной стороны;

3) наличие причинной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями;

4) субъективная сторона характеризуется неосторожной формой вины по отношению к наступившим последствиям.

В рамках исследования приговоров судов за период 2020–2024 гг.⁵ по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 235 УК РФ, выявлено отсутствие единобразия при квалификации незаконного осуществления медицинской деятельности, повлекшего по неосторожности смерть человека.

Данные деяния квалифицируются как по указанной норме, так и по совокупности преступлений, если в действиях виновного лица усматриваются признаки иных составов преступлений, в частности, связанных с незаконным оборотом лекарственных средств.

Субъективная сторона исследуемого преступления характеризуется неосторожной формой вины. По мнению некоторых специалистов, незаконное осуществление медицинской деятельности является преступлением с двумя формами вины. Двойственность вины представляет собой специфическую характеристику субъективной стороны данного преступления. Сочетание прямого умысла в отношении самого факта незаконной деятельности с неосторожной формой вины относительно последствий создает определенные сложности в процессе установления причинно-следственной связи состава преступления [6, с. 30].

Субъект рассматриваемого состава преступления специальный, характеризуется следующими признаками: вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста, занимающееся медицинской деятельностью без лицензии [7, с. 127].

Субъектом преступления может быть лицо, как имеющее специальное медицинское или фармацевтическое образование (высшее или среднее), так и не имеющее такого. В качестве субъекта преступления могут выступать физическое лицо, без лицензии занимающееся медицинской или

⁵ Было изучено 150 уголовных дел о незаконном осуществлении медицинской деятельности или фармацевтической деятельности, рассмотренных судами Российской Федерации за период 2020–2024 гг.

фармацевтической деятельностью, лицо, обладающее статусом индивидуального предпринимателя, или руководитель медицинской или фармацевтической организации независимо от формы собственности.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации субъектами обязанности по соблюдению нормативных правовых актов в сфере здравоохранения выступают:

- 1) медицинские работники;
- 2) медицинские организации;
- 3) аптечные учреждения;
- 4) иные организации, осуществляющие медицинскую и фармацевтическую деятельность.

Норма ст. 235 УК РФ направлена не только на защиту прав пациентов, но и на поддержание надлежащего уровня медицинской помощи в государстве. Незаконная медицинская деятельность создает риски неэффективного лечения, ошибочных терапевтических решений и реализации несертифицированных лекарственных препаратов, что подрывает доверие населения к системе здравоохранения.

Законодатель акцентирует внимание на необходимости соблюдения принципов профессионализма и добросовестности всеми участниками процесса оказания медицинской помощи, что обеспечивает безопасность пациентов и повышает качество медицинских услуг [8, с. 155].

При квалификации деяния учитываются как смягчающие, так и отягчающие обстоятельства, включая добросовестность субъекта и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

В современной правоприменительной практике особую актуальность приобретает вопрос отграничения состава ст. 235 УК РФ от смежных составов, предусмотренных ст. 171, 238, ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 и ч. 2 ст. 239 УК РФ.

Статья 235 УК РФ является специальной нормой по отношению к общей норме, предусмотренной ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство). Основной объект преступного посягательства по ст. 235 УК РФ – здоровье населения. В качестве дополнительных объектов выступают общественные отношения, регулирующие законный порядок осуществления предпринимательской деятельности, а также здоровье личности.

Дифференциация составов преступлений по ст. 238 УК РФ, предусматривающей ответственность за оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, осуществляется по следующим критериям. При квалификации по данной статье необходимо установить не только факт выполнения работ или оказания услуг, но и их потенциальную опасность для жизни или здоровья пациента. Субъективная сторона характеризуется осознанием лицом характера своих действий и их несоответствия требованиям безопасности.

Разграничение с составом преступления, предусмотренным ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей), проводится по объекту преступного посягательства. Если по ст. 235 УК РФ объектом выступает здоровье населения, то по ст. 109 УК РФ – жизнь и здоровье конкретного человека.

Иллюстрацией сложности квалификации может служить уголовное дело в отношении А. Верди. Первоначально действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Однако в ходе расследования и проведения судебно-медицинских экспертиз не было установлено факта причинения тяжкого вреда здоровью потерпевших. В связи с отсутствием доказательств причинения тяжкого вреда здоровью действия были переквалифицированы на ст. 235 УК РФ, что повлекло за собой изменение квалификации на менее тяжкое преступление⁶.

Статья 118 УК РФ (ч. 2) регламентирует уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности. Ключевым разграничительным признаком выступает объект уголовно-правовой охраны: если в данном составе объектом выступает здоровье конкретного потерпевшего, то в иных составах объектом может выступать здоровье населения в целом [9, с. 33].

Статья 239 УК РФ (ч. 2) предусматривает ответственность за организацию деятельности по незаконному оказанию медицинских услуг. При квалификации данного состава преступления основополагающим элементом выступает сам факт организации деятельности, в отличие от единичного факта оказания медицинских услуг.

Таким образом, преступление, уголовная ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 235 УК РФ, обладает особой общественной опасностью, так как состав незаконного осуществления медицинской деятельности посягает на отношения в сфере обеспечения здоровья населения (основной объект) и на отношения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности в соответствии с законом. Состав рассматриваемого преступления характеризуется неосторожной формой вины по отношению к наступившим последствиям в виде причинения вреда здоровью человека или его смерти, а также специальным субъектом.

К основным проблемам квалификации деяния по ст. 235 УК РФ можно отнести следующие:

- содержащиеся в описании признаков объективной стороны понятия регламентированы разнообразными нормативными правовыми актами в сфере регулирования медицинской деятельности; диспозиция ст. 235 УК РФ является бланкетной, что создает значительные трудности в уяснении понятийного аппарата, используемого при регламентации ответственности за преступление, предусмотренное ст. 235 УК РФ;

- отсутствие дифференциации уголовной ответственности за незаконное осуществление медицинской деятельности исходя из тяжести причиненного здоровью вреда, что порождает нарушение принципа справедливости уголовного закона, так как в полной мере не учитывается общественная опасность наступивших последствий;

- отсутствие единобразия в вопросах уголовно-правовой оценки причинения вреда здоровью и смерти человека в ходе осуществления народ-

⁶ Она оперировала на кухне. СМИ о СК // Следственный комитет Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1465968> (дата обращения: 18.05.2025).

Никулова Е. А. Проблемы квалификации незаконного осуществления медицинской деятельности

ной медицины, так как данная деятельность не относится к медицинской деятельности и, следовательно, не подлежит лицензированию;

– установление уголовной ответственности за незаконное осуществление медицинской деятельности, повлекшее по неосторожности смерть человека, актуализирует вопрос отграничения ч. 2 ст. 235 УК РФ от смежных составов, предусмотренных ст. 171 УК РФ, ст. 238 УК РФ, ч. 2 ст. 109 УК РФ, ч. 2 ст. 118 УК РФ и ч. 2 ст. 239 УК РФ, что подтверждает отсутствие единообразия судебной практики.

В целях совершенствования уголовной ответственности за незаконное осуществление медицинской деятельности в соответствии со ст. 235 УК РФ предлагается рассмотреть вопрос о дифференциации уголовной ответственности исходя из степени тяжести причиненного здоровью вреда.

Представляется, что рассмотрение указанных вопросов позволит повысить эффективность правоприменительной практики в сфере незаконного оказания медицинских услуг и обеспечить единообразное применение уголовного законодательства.

Список источников

1. Сичкаренко А. Ю. Объект незаконного занятия частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (ст. 235 УК РФ) // Бизнес в законе. 2009. № 3. С. 112–115.
2. Иногамова-Хегай Л. В., Густова Э. В. Уголовная ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности: состав преступления и совершенствование законодательства // Общество и право. 2023. № 3 (85). С. 17–21.
3. Шалагин А. Е. О некоторых особенностях квалификации и предупреждения преступлений, предусмотренных ст.ст. 235 и 236 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 264–267.
4. Лихолетов А. А. Некоторые проблемы квалификации незаконного осуществления медицинской деятельности или фармацевтической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 55–61.
5. Сунгурова Е. Д. К вопросу о необходимости реформирования санкций ст. 235 УК РФ «Незаконное осуществление медицинской и фармацевтической деятельности» // Юридические исследования. 2021. № 7. С. 61–73.
6. Артамонов А. Р. Юридическая ответственность за незаконное занятие народной медициной // Новый юридический вестник. 2018. № 5 (7). С. 29–32.
7. Дайшутов М. М., Динека В. Н. Признаки субъекта преступления и его правовые критерии // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 126–131.
8. Борисов В. Б. Проблемы уголовной ответственности за посягательства против здоровья // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 155–156.
9. Кожухарик Д. Н., Савин П. Т. Юридический анализ состава преступления «Причинение смерти по неосторожности» // Право и практика. 2017. № 3. С. 32–35.

References

1. Sichkarenko, A. Yu. The object of illegal private medical practice or private pharmaceutical activity (Art. 235 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Biznes v zakone = Business in Law*. 2009;(3):112-115. (In Russ.)

2. Inogamova-Hegai, L. V., Gustova, E. V. Criminal liability for the illegal implementation of medical activities: corpus delicti and improvement of legislation. *Society and Law*. 2023;(3):17-21. (In Russ.)
3. Shalagin, A. E. Some particularities of classification and prevention of crimes laid down in Articles 235 and 236 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2012;(1):264-267. (In Russ.)
4. Likholetov, A. A. Some problems of qualification while providing illegal medical or pharmaceutical activities. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2020;(1):55-61. (In Russ.)
5. Sungurova, E. D. On the need to amend the sanction of the Article 235 of the Criminal Code of the Russian Federation "Unlawful practice of medical and pharmaceutical activity". *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*. 2021;(7):61-73. (In Russ.)
6. Artamonov, A. R. Legal responsibility for illegal practice of traditional medicine. *Novyj yuridicheskiy vestnik = New Legal Bulletin*. 2018;(5):29-32. (In Russ.)
7. Dayshutov, M. M., Dineka, V. N. Signs of the subject of the crime and its legal criteria. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(6):127-131. (In Russ.)
8. Borisov, V. B. Problems of criminal liability for attacks against health. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2021;(3):155-156. (In Russ.)
9. Kozhukharik, D. N., Savin, P. T. Legal analysis of the corpus delicti of "Causing death by negligence". *Law and Practice*. 2017;(3):32-35. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Никулова – студент 4 курса.

Information about the author

E. A. Nikulova – 4th year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 16.06.2025.

Научная статья

УДК 347.241

EDN: LRUGFL

Несоблюдение земельного и жилищного законодательства при организации содержания непродуктивных животных

Анна Алексеевна Титова¹, Павел Сергеевич Сороченков²

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

✉ ¹ grebeennikovayana@gmail.com

✉ ² pavel_sorochenkov@mail.ru

*Научный руководитель: **Н. А. Алексеева**, к.ю.н., заместитель заведующего кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Аннотация. Статья посвящена проблеме нецелевого использования земельных участков и жилых помещений. В данной работе рассмотрены вопросы, касающиеся недобросовестной организации зоогостиниц, передержек и приютов для животных, обусловленной несоблюдением земельного и жилищного законодательства, санитарно-эпидемиологических и гигиенических норм, градостроительного регламента и приводящей к негативным последствиям как для собственников смежных земельных участков и жилых помещений, так и для иных лиц. В рамках проведенного исследования были сделаны выводы о наличии пробелов в законодательстве, регулирующем предпринимательскую деятельность, связанную с организацией различных мест содержания непродуктивных животных. Предлагаются такие меры по решению исследуемой проблемы, как уточнение и дополнение действующего законодательства, введение специальных правовых норм, регулирующих правоотношения в указанной сфере.

Ключевые слова: земельные участки, нецелевое использование, жилые помещения, передержка, зоогостиницы, приюты для животных

Для цитирования: Титова А. А., Сороченков П. С. Несоблюдение земельного и жилищного законодательства при организации содержания непродуктивных животных // Фемида. Science. 2025. № 2 (17). С. 114–123.

Original article

Violation of Land and Housing Legislation When Organizing the Maintenance of Non-productive Animals

Anna A. Titova¹, Pavel S. Sorochenkova²

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

 ¹ grebeennikovayana@gmail.com
 ² pavel_sorochenkova@mail.ru

*Scientific supervisor: N. A. Alekseeva, Candidate of Science (Law), Deputy
Head of the Land and Environmental Law Department of the Russian
State University of Justice named after V. M. Lebedev*

Abstract. The misuse of land plots and residential premises raises new questions for researchers. The main problems include the unscrupulous behavior of animal shelter owners. The negative consequences include violations of the rights of land and residential property owners, harm to pet owners, and the spread of infections. These issues arise due to non-compliance with land and housing laws, as well as sanitary and epidemiological regulations. The authors of the scientific article have concluded that there are gaps in the legislation. In this regard, they propose measures to address the issue, such as clarifying and supplementing existing legislation and introducing special legal norms that regulate legal relations in the areas under consideration.

Keywords: land plots, inappropriate use, residential premises, pet fostering, pet hotels, animal shelters

For citation: Titova, A. A., Sorochenkova, P. S. Violation of land and housing legislation when organizing the maintenance of non-productive animals. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):114-123. (In Russ.)

Проблема нецелевого использования земель не теряет своей актуальности на протяжении многих лет, становясь препятствием на пути к достижению устойчивого и эффективного развития территорий и приводя к причинению вреда как земельному фонду, так и окружающей среде [1, с. 45].

В соответствии с действующими нормами законодательства использование земельных участков должно происходить в соответствии с их категорией и установленным видом разрешенного использования. Для земли, которая по своей сути является природным ресурсом, определяется правовой режим в соответствии с делением земель на категории в зависимости от их целевого назначения, что, в свою очередь, способствует повышению эффективности и целесообразности использования. В этом заключается один из основных принципов земельного права [2, с. 134].

В рассматриваемой сфере применению подлежат не только Земельный кодекс Российской Федерации и Градостроительный кодекс Российской

Федерации. На сегодняшний день приказом Росреестра¹ определены основные виды разрешенного использования земельных участков. Классификатор насчитывает тринадцать основных видов использования, в число которых входит сельскохозяйственное, общественное использование, использование в качестве жилой застройки и другие виды [3, с. 191].

Что касается спорных ситуаций, возникающих в связи с использованием земель с нарушениями требований норм земельного законодательства, то наиболее ярким примером является осуществление несанкционированной предпринимательской деятельности на участках, не предназначенных для этого. Развитие малого и среднего бизнеса способствует укреплению экономики, однако осуществление таких видов деятельности не должно причинять вред окружающей среде или противоречить правам и интересам других лиц [4, с. 103].

Подробнее данную тему можно раскрыть, проанализировав нормы, связанные с бизнесом по содержанию домашних животных. Существует три основных вида средств размещения: приюты, передержки и зоогостиницы². Отсутствие разграничения специфики этих видов средств размещения животных, на наш взгляд, может свидетельствовать о необходимости совершенствования законодательного регулирования в отраслях жилищного и земельного права.

Данные средства размещения можно создавать на земельных участках, вид разрешенного использования которых предусмотрен п. 3.0 Классификатора – размещение объектов капитального строительства в целях обеспечения удовлетворения бытовых, социальных и духовных потребностей человека. Внимание следует обратить на код 3.10.2, отдельно выделяющий размещение объектов капитального строительства, предназначенных для организации гостиниц для животных.

Нередки случаи, когда передержка животных осуществляется на землях, вид разрешенного использования которых предполагает возделывание земли в целях отдыха. Такая деятельность не предполагает целенаправленного использования наделов в коммерческих целях [5, с. 102]. Однако некоторые участники садовых некоммерческих товариществ вместо садоводства и огородничества для собственных нужд осуществляют на предоставленных участках предпринимательскую деятельность по временному содержанию непродуктивных животных, уклоняясь при этом от регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей или от образования юридических лиц³. Указанные действия приводят к различным

¹ Приказ Росреестра от 10 ноября 2020 г. № П/0412 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² ГОСТ Р 57014–2016. Услуги для непродуктивных животных. Услуги по временному содержанию непродуктивных животных. Общие требования : офиц. изд. М. : Стандартинформ, 2020.

³ Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

негативным последствиям. В частности, данная деятельность может нарушать права остальных участников СНТ, а также лиц, которые передают животных на передержку, поскольку обеспечить полное соответствие условий содержания установленным санитарным и ветеринарным стандартам не представляется возможным. Повышается риск распространения зоотий различного генеза среди животных, находящихся на передержке или в зоогостинице, из-за отсутствия оборудованных карантинных зон, содержания большого количества животных с нарушением минимально установленной нормы метража вольеров, близкого расположения к объектам жилой застройки, свидетельствующего об отсутствии санитарно-защитных зон для обеспечения безопасности населения. Следует отметить, что данные действия не остаются без внимания со стороны правоохранительных органов: ст. 8.8 КоАП РФ устанавливается ответственность за использование земельных участков не по целевому назначению, а также за невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования.

Кроме того, законодательством в сфере ветеринарии предусматривается, что каждое безнадзорное животное, поступившее в приют, должно быть учтено посредством присвоения уникального идентификатора и осмотрено ветеринарным врачом. Указанные мероприятия не могут в полной мере быть произведены неспециализированными местами содержания [6, с. 45].

Судебная практика показывает, что размещение на территории участка в СНТ пунктов временного пребывания животных, организованных без цели извлечения прибыли, также является недопустимым. Определением судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 декабря 2021 г. по делу № 8Г-33755/2021⁴ были удовлетворены требования владельцев земельных участков в садовом некоммерческом товариществе о запрете содержания животных на территории смежного участка в пределах СНТ. Ответчиком был организован неспециализированный центр содержания для бездомных животных, однако, учитывая, что такое размещение не предусмотрено уставом товарищества, что, в свою очередь, свидетельствует о нецелевом использовании земельного участка, которое нарушает права собственников других участков, препятствует осуществлению деятельности, направленной на отдых и ведение садоводства для собственных нужд, такая деятельность была признана незаконной. Кроме того, не были соблюдены требования регионального законодательства к организации приютов.

Согласно распоряжению Министерства сельского хозяйства и продовольствия Московской области⁵, территория приюта для животных должна

⁴ Первый кассационный суд общей юрисдикции : [сайт]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=37386430&case_uid=18153bf1-b7b2-4b9b-ba9d-aeaa222f8e69&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 05.09.2025).

⁵ Распоряжение Министерства сельского хозяйства и продовольствия Московской области от 27 декабря 2019 г. № 20ПВ-437 «Об утверждении Порядка по организа-

быть обнесена забором высотой не менее 2 метров с основанием, предотвращающим возможность подкопа животного; въезд на территорию приюта осуществляется через дезинфекционный барьер; сам приют должен быть разделен на специальные зоны. На наш взгляд, организовать подобное на неспециализированных территориях не представляется возможным.

Законодательное нововведение от 31 июля 2025 г. предусматривает возвращение участкам, являющимся частью садово-огороднического товарищества, их прямого целевого назначения. Принятым Федеральным законом вводится запрет на использование дачных участков в коммерческих целях, в частности, на участках не должны находиться такие объекты, как магазины, складские сооружения, питомники и иные объекты⁶. Кроме того, постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2025 г. № 826⁷ предусматривает возможность изъятия участка при выявлении признаков его неиспользования. Данные изменения вступили в силу с 1 сентября 2025 г.

Следует отметить, что важно соблюдать не только устав садового некоммерческого товарищества, но, в первую очередь, нормы земельного законодательства, градостроительные регламенты, санитарно-эпидемиологические и ветеринарные нормы, правила землепользования и застройки. Последние, являясь муниципальным правовым актом, определяют территориальные зоны муниципального образования, устанавливая для каждой из них градостроительный регламент, который, в свою очередь, определяет виды разрешенного использования земельных участков и объектов недвижимости, где могут размещаться животные [7, с. 57].

При привлечении к ответственности лица, организовывающего передержки, приюты и зоогостиницы с несоблюдением установленных требований, необходимо доказать события правонарушения, причастность конкретного лица, принадлежность земельного участка к определенной категории земель [8, с. 155].

Однако проблематика вопроса содержания питомников и передержек на территориях, которые для этого не предназначены, не заканчивается на земельных участках. Некоторые собственники жилых помещений в много-

ции деятельности приютов для животных и установлению норм содержания животных в них на территории Московской области» // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Московской области : [сайт]. URL: <https://msh.mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/normativopravovyye-akty/10-01-2020-12-07-06-rasporyazhenie-ministerstva-selskogo-khozyaystva-i> (дата обращения: 01.09.2025).

⁶ Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 4707.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2025 г. № 826 «Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 23. Ст. 3061.

квартирных домах используют принадлежащие им на праве собственности или по договорам найма квартиры для организации содержания непродуктивных животных за плату. Эта услуга пользуется большим спросом у владельцев, уезжающих в командировки или отпуска и не имеющих возможности взять в поездку собаку или кошку. Данный метод временного ухода может считаться весьма эффективным и безопасным. Однако на практике организация таких мест содержания порождает возникновение спорных ситуаций, в связи с чем целесообразным представляется проведение анализа и в данной области.

Часто на временное содержание берут не одно животное, а сразу несколько – в отдельных случаях в квартирах одновременно могли находиться более тридцати особей. Обеспечить в пределах квартиры надлежащий уход за таким количеством «постояльцев» без нарушения установленных норм не представляется возможным. При этом на сегодняшний день максимальное количество животных, которые одновременно могут находиться в квартире, законодателем не установлено. Предполагается, что предельное количество определяется исходя из возможности обеспечивать животным условия, соответствующие ветеринарным и санитарно-эпидемиологическим нормам, при этом соблюдая требования жилищного законодательства [9, с. 91].

В соответствии со ст. 17, 30, 39 ЖК РФ собственник несет бремя содержания как принадлежащей ему квартиры, так и общего домового имущества, что обеспечивает сохранность не только отдельных помещений, но и самого многоквартирного дома. Жилое помещение можно использовать для осуществления профессиональной или индивидуальной предпринимательской деятельности, однако такое использование не должно нарушать права и законные интересы других граждан, приводить к порче общего имущества или к несоблюдению требований, которым должно отвечать жилое помещение. В частности, не должны быть нарушены требования пожарной безопасности, санитарно-гигиенические и экологические правила.

Региональное законодательство предусматривает отдельные санкции за несоблюдение правил обращения с животными. Так, Кодекс города Москвы об административных правонарушениях⁸ содержит положения об административной ответственности за нарушение установленных правил содержания, в том числе за уклонение от регистрации и вакцинации собак и кошек, нарушение правил содержания домашних животных в местах общего пользования коммунальных квартир и многоквартирных домов (ст. 5.1, 5.5, 5.6). Аналогичные нормы содержатся и в некоторых кодексах других субъектов Российской Федерации [10, с. 133]. В то же время КоАП РФ предусматривает административную ответственность за несоблюдение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ст. 6.3).

⁸ Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2007. № 69.

Среди проблем, с которыми сталкиваются соседи лиц, организовавших передержку, можно выделить постоянный шум, неприятный запах в местах общего пользования, риск причинения вреда здоровью вследствие нападения животного на человека, рост числа вредителей, приводящий к возможному распространению насекомых не только в квартире владельца животных, но и за ее пределами [11, с. 105].

Как правило, для привлечения недобросовестных собственников к ответственности жильцы обращаются к участковым, в управляющую компанию, прокуратуру и Роспотребнадзор. Однако необходимо обратить внимание на сложность доказывания действительного нарушения прав жильцов многоквартирного дома.

При этом вышеперечисленные способы влияния на неправомерное поведение жильцов возможно использовать в качестве доказательств в судебных спорах.

Определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 февраля 2021 г. по делу № 8Г-18701/2020 были удовлетворены исковые требования о выселении собственника из квартиры в многоквартирном доме без предоставления иного жилого помещения и снятии с регистрационного учета по спорному адресу. Ответчик уклонялся от исполнения вынесенного районным судом решения об обязанности устраниить нарушения правил содержания домашних животных, при этом многочисленные жалобы соседей и привлечение недобросовестного собственника к административной ответственности не обеспечили должного результата, а на момент проверки в жилом помещении было зафиксировано 36 животных, находящихся в антисанитарных условиях. Указанные обстоятельства в совокупности стали весомым основанием для применения радикальной меры – выселения собственника из квартиры и передачи животных в официальные приюты⁹.

Таким образом, нецелевое использование земель, равно как и нарушения прав собственников жилых помещений, включают в себя различные аспекты многогранной проблемы.

Для эффективного регулирования необходим комплексный подход: отдельные положения следует уточнить и дополнить, поскольку предпринимательская деятельность, связанная с временным содержанием животных, начала развиваться сравнительно недавно. Возможными решениями могут быть усиление механизмов реагирования на сообщения собственников о превышении допустимого уровня шума, нарушении санитарно-эпидемиологических норм, а также введение дополнительной административной ответственности за нарушения на федеральном уровне.

Лица, занимающиеся содержанием животных за плату, при отсутствии единых правил, регламентирующих максимальное количество особей от-

⁹ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 февраля 2021 г. по делу № 8Г-18701/2020 // Седьмой кассационный суд общей юрисдикции : [сайт]. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvid=1&name_op=case&case_id=1828893&case_uid=e2bb5ea1-ca7f-460e-9caa-831b70a7c1d0&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 05.09.2025).

дельных видов непродуктивных животных, которые одновременно могут размещаться в одном помещении или на одном земельном участке, могут непреднамеренно нарушить права и интересы других лиц. В связи с этим целесообразным представляется дополнение действующего законодательства специальными нормами, регулирующими этот вид деятельности.

Все это будет способствовать использованию земель в соответствии с их целевым назначением, соблюдению прав лиц, являющихся собственниками или нанимателями жилых помещений. Важно, что при разрешении спорных ситуаций необходимо учитывать приоритет общественных интересов и соблюдать баланс между потребностями общества в сохранении благоприятной окружающей среды и обеспечении экологической безопасности, с одной стороны, и решением социально-экономических задач – с другой¹⁰.

Список источников

1. Сороколетова М. А., Вашева А. А., Григорьева А. И. Ответственность за нецелевое использование земель в Российской Федерации // Вестник экономики и права. 2025. № 102. С. 44–50.
2. Щепанский И. С. Правовые проблемы использования земельных участков в соответствии с их целевым назначением // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 133–141.
3. Кузнецова Н. В. К вопросу о возможных мерах юридической ответственности собственников земельных участков // Аграрное и земельное право. 2024. № 6 (234). С. 190–192.
4. Кабанова Ю. С. Проблема защиты прав соседей при осуществлении предпринимательской деятельности на дачных участках // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2024. № 24. С. 103–104.
5. Комиссарова Е. А. Виды разрешенного землепользования для садовых некоммерческих товариществ: проблемные вопросы // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 102-3. С. 101–104.
6. Бутова А. А., Васильев М. Н. Организация ветеринарных мероприятий при поступлении безнадзорного животного в приют // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины имени Н. Э. Баумана. 2020. № 3. С. 44–49.
7. Анисимов А. П. Животноводство на садовых и иных земельных участках граждан: правовые проблемы и пути их решения // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. № 2. С. 51–61.
8. Вербицкая М. А., Светличная Т. Б. Нецелевое использование земельных участков: некоторые проблемы административной ответственности // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 150–156.
9. Еремеева Д. И. Законодательные требования к содержанию животных в жилых помещениях и проблемы их реализации // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4 (44). С. 90–94.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

Титова А. А., Сороченков П. С. Несоблюдение законодательства о содержании животных

10. Какуров А. А., Середкин Д. А., Власова Е. Л. Административная ответственность в области обращения с животными // Мировая наука : сетевое изд. 2021. № 4 (49). С. 131–137. URL: https://www.science-j.com/_files/ugd/b06fdc_3fa57312ae1748d7ab5bb85ac1bd6b0d.pdf?index=true.
11. Якоб В. Р. Ответственность за нарушение правил содержания домашних животных в многоквартирном доме // Современные студенческие исследования : сб. ст. III междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 27 янв. 2025 г.). Пенза : Наука и Просвещение, 2025. С. 104–106.

References

1. Sorokoletova, M. A., Vasheva, A. A., Grigorieva, A. I. Liability for misuse of land in the Russian Federation. *Bulletin of Economics and Law*. 2025;(102):44-50. (In Russ.)
2. Shchepansky, I. S. Legal issues of land use according to their designated purpose. *Journal of Russian Law*. 2019;(5):133-141. (In Russ.)
3. Kuznetsova, N. V. On the issue of possible measures of legal liability of land owners. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*. 2024;(6):190-192. (In Russ.)
4. Kabanova, Yu. S. The problem of protecting the rights of neighbors when conducting business in suburban areas. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Current Problems of Combating Crimes and Other Offenses*. 2024;(24):103-104. (In Russ.)
5. Komissarova, E. A. Types of permitted land use for horticultural non-profit partnerships: problematic issues. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*. 2023;(102-3):101-104. (In Russ.)
6. Butova, A. A., Vasiliev, M. N. The organization of veterinary measures when an unsupervised animal enters a shelter. *Uchenye zapiski Kazanskoy gosudarstvennoy akademii veterinarnoy meditsiny imeni N. E. Baumana = Scientific Notes of the Kazan State Academy of Veterinary Medicine Named after N. E. Bauman*. 2020;(3):44-49. (In Russ.)
7. Anisimov, A. P. Animal husbandry on horticultural and other type of land plots of citizens: legal problems and solutions. *Pravovoj poryadok i pravovye tsennosti = Legal Order and Legal Values*. 2025;(2):51-61. (In Russ.)
8. Verbitskaya, M. A., Svetlichnaya, T. B. Misuse of land: some challenges of administrative responsibility. *Humanities and Law Research*. 2018;(2):150-156. (In Russ.)
9. Eremeeva, D. I. Legal requirements for keeping animals in residential premises and problems of their implementation. *SKIF. Voprosy studencheskoy nauki = SKIF. Student Science Issues*. 2020;(4):90-94. (In Russ.)
10. Kakourov, A. A., Seredkin, D. A., Vlasova, E. L. Administrative responsibility in the field of animal management. *Mirovaya nauka = World Science*. E-edition. 2021;(4):131-137. (In Russ.) URL: https://www.science-j.com/_files/ugd/b06fdc_3fa57312ae1748d7ab5bb85ac1bd6b0d.pdf?index=true.
11. Yakob, V. R. Responsibility for violating the rules of keeping pets in apartment building. In: *Modern student research*. Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference (Penza, 27 January 2025). Penza: Nauka i Prosveshchenie; 2025. Pp. 104–106. (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Титова – студент 4 курса;
П. С. Сороченков – студент 4 курса.

Information about the authors

A. A. Titova – 4th year student;
P. S. Sorochenkov – 4th year student.

Вклад авторов:

Титова А. А. – обзор литературы по исследуемой проблеме; теоретическая разработка темы исследования; написание основного текста статьи и результатов исследования.

Сороченков П. С. – обзор литературы и судебной практики по исследуемой проблеме; сбор и систематизация данных; написание аннотации и дополнение текста.

Contribution of the authors:

Titova A. A. – literature review on the problem under study; theoretical development of the research topic; writing the main text of the article and the research results.

Sorochenkov P. S. – review of literature and judicial practice on the problem under study; collection and systematization of data; writing an abstract and supplementing the text.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 12.09.2025.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 12.09.2025.

Гражданское и административное судопроизводство / Civil and Administrative Proceedings

Научная статья

УДК 34.037

EDN: MFLZLI

Особенности доказывания по делам особого производства

Андрей Евгеньевич Звездин

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация
✉ andrejzvezdin0507@gmail.com

Научный руководитель: **М. А. Фокина**, д.ю.н., профессор, профессор
кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского
государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. В статье проводится анализ особенностей доказательственной деятельности по делам особого производства. Теоретическую основу представленного исследования составили научные труды российских ученых, в частности А. В. Аргунова, Е. А. Наховой, Т. В. Шакилько, М. А. Фокиной, А. Ю. Францифорова, А. В. Юдина. Отмечается, что специфика доказательственной деятельности обусловлена природой дел особого производства. Делается вывод о том, что ее главная особенность связана с активной ролью суда, не только учитывающего мнение каждого участника процесса, но и собирающего доказательства, выполняющего в ряде случаев компенсационную функцию. Подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования порядка раскрытия доказательств в делах особого производства.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, дела особого производства, доказывание, ГПК РФ, установление фактов, имеющих юридическое значение

Для цитирования: Звездин А. Е. Особенности доказывания по делам особого производства // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 124–131.

Features of Evidence in Special Proceedings

Andrey E. Zvezdin

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,

Moscow, Russian Federation

✉ andrejzvezdin0507@gmail.com

Scientific supervisor: M. A. Fokina, Doctor of Science (Law), Professor, Professor at the Civil and Administrative Proceedings Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. This article analyzes the peculiarities of evidentiary activity in cases of special proceedings. The theoretical basis of the presented research was formed by scientific works of Russian scientists, in particular, A. V. Argunov, E. A. Nakhova, T. V. Shakitko, M. A. Fokina, A. Yu. Frantsiforov, A. V. Yudin. It is noted that the specificity of evidentiary activity is conditioned by the nature of cases of special proceedings. It is concluded that its main feature is connected with the active role of the court, not only taking into account the opinion of each participant of the process, but also collecting evidence, performing in some cases a compensatory function. The necessity of further improvement of the order of disclosure of evidence in cases of special proceedings is emphasized.

Keywords: civil proceedings, special proceedings cases, proving, Code of Civil Procedure of the Russian Federation, establishment of facts having legal significance

For citation: Zvezdin, A. E. Features of evidence in special proceedings. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):124-131. (In Russ.)

Как известно, дела особого производства рассматриваются по общим правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) с учетом ряда особенностей, установленных данным кодифицированным правовым актом.

Осуществляемая при этом доказательственная деятельность имеет специфический характер, обусловленный правовой природой дел особого производства. В них нет спора о праве, но может быть спор о факте или состоянии [1, с. 153], сторонами процесса выступают заявитель и иные заинтересованные лица. Рассмотрение дел особого производства нацелено на защиту «...прав путем установления юридически значимых фактов или уточнение правового статуса гражданина, имущества» [2, с. 55].

Рассматривая особенности доказывания по делам особого производства, прежде всего следует обратить внимание на своеобразие предмета доказывания, неоднозначно понимаемое в гражданско-процессуальной науке.

Е. А. Нахова отмечает, что «...в него включаются обстоятельства наличия охраняемого законом интереса как самостоятельного предмета защиты» [3, с. 97]. По ее мнению, наличие у суда широкого круга полномочий процессуального характера позволяет ему правильно определять предмет доказывания.

Фактически с ней не согласна Т. В. Шакилько, обосновывающая необходимость внесения радикальных изменений в действующее законодательство в целях устранения сложившейся правовой неопределенности состава предмета доказывания. Известный специалист предлагает включить в ГПК РФ статью, посвященную общему предмету доказывания, а также детализировать локальные предметы доказывания, в частности, придать процессуально-правовое значение фактам розыска гражданина и результатам розыска [4, с. 102–103].

А. И. Жукова считает, что сложности при рассмотрении дел в порядке особого производства обусловлены тем, что большая часть правовых предписаний, регламентирующих доказательственную деятельность по ним, со средоточены в отраслях материального права, содержащих пробелы в правовом регулировании [5, с. 145]. Специфика доказывания, по ее мнению, выражается в признании по отдельным категориям дел презумпций (предположений) о наличии или отсутствии тех или иных фактов [5, с. 149].

Правовая природа дел особого производства обуславливает и иные особенности доказательственной деятельности по ним, главной из которых, по мнению многих ученых, в частности М. А. Фокиной, выступает активная роль суда¹. При этом одни ученые пишут об обязанности суда собирать доказательства только по некоторым категориям дел особого производства², другие рассматривают активность суда в качестве общего правила, действующего при рассмотрении всех дел особого производства [6, с. 195].

В части дел особого производства непосредственно ГПК РФ предусматривается необходимость совершения определенных действий судом по сбору доказательств. В качестве примеров можно привести:

- ст. 272 ГПК РФ, согласно которой при рассмотрении дела об усыновлении суд при необходимости может затребовать и иные документы, т. е. те, которые не предусмотрены действующими правовыми актами (например, заявитель помимо общего перечня документов должен изложить в подаваемом заявлении причину усыновления только одного ребенка, имеющего брата или сестру [7, с. 31]);
- ст. 292 ГПК РФ, в соответствии с которой суд сам определяет круг лиц, способных привести сведения о принадлежности имущества.

Более того, на суд возлагается обязанность по выяснению и вовлечению в процесс всех заинтересованных лиц, предоставлению им дополнительной гарантии права быть выслушанными на суде [7, с. 31].

Активная роль суда при осуществлении доказательственной деятельности выражается также в том, что орган судебной власти оценивает факты на соответствие критериям дел особого производства. При установлении спора о праве суд согласно ч. 3 ст. 263 ГПК РФ выносит определение об

¹ Афанасьев С. Ф., Баулин О. В., Лукьянова И. Н. и др. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 633–636.

² Курс советского гражданского процессуального права : в 2 т. Т. 2. / отв. ред. А. А. Мельников. М. : Наука, 1981. С. 193.

оставлении заявления без рассмотрения, разъясняя сторонам их правовую возможность разрешения юридического спора в порядке искового производства.

На суд возлагается обязанность установления определенных фактов, в частности конкретных жизненных обстоятельств, с которыми норма права связывает возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав субъектов права (ст. 264 ГПК РФ). Суд проверяет представление заявителем доказательств, подтверждающих невозможность восстановления утраченных документов (ст. 267 ГПК РФ).

Следующей отличительной особенностью доказательственной деятельности по делам особого производства является возложение судом обязанности по представлению необходимых доказательств на определенных лиц, вовлечение их в формирование доказательственной базы. Например, при подготовке дела об усыновлении к судебному разбирательству орган судебной власти обязывает органы опеки и попечительства «...представить в суд заключение об обоснованности и о соответствии усыновления интересам усыновляемого ребенка» (п. 1 ст. 272 ГПК РФ).

Еще одной особенностью доказательственной деятельности по делам особого производства является распределение бремени доказывания. Основную ношу несет заявитель, при этом он вправе использовать любые средства доказывания, в частности, при установлении факта участия в боевых действиях опираться на свидетельские показания³.

А. Ю. Францифиров обращает внимание на то, что в особом производстве прямо не указан ряд полномочий участвующих в деле лиц – действующие правовые акты «молчат» по поводу правовых возможностей заявителя отказаться от своих требований, изменить их предмет и основания, что является, по его мнению, пробелом в законодательстве, требующим устранения [8, с. 21].

Важнейшей составляющей доказательственной деятельности суда, как отмечает А. В. Юдин, является его обязанность исследовать возможную дальнейшую судьбу установленного факта – как заявитель планирует его использовать, какие у него могут возникнуть права [9, с. 29].

Важнейшим направлением доказательственной деятельности суда выступает анализ действий заявителя на предмет злоупотребления им своими как материальными, так и процессуальными правами.

В литературе обращается внимание на такое свойство доказательственной деятельности суда по делам особого производства, как компенсационность. Его выделение обусловлено тем, что только суд в ряде случаев имеет возможность установить или подтвердить определенный юридический факт, поскольку ранее заявитель обращался в компетентные органы, которые оказались объективно бессильны в решении его проблемы. При этом

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 2795-О «По жалобе граждан Давыдова Василия Николаевича, Прохорова Александра Петровича и Чулкова Александра Федоровича на нарушение их конституционных прав статьей 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

суд не занимается проверкой законности решений государственных органов: его деятельность выражается «...в использовании своих доказательственных возможностей для установления наличия оснований совершения юридически значимых действий соответствующим органом»⁴.

При этом, по мнению А. В. Юдина, суд неизбежно вторгается в «...правовую сферу лиц, участвующих в деле» [9, с. 48], поскольку на него возлагается обязанность исследовать доказательства, свидетельствующие об объективно ограниченных возможностях соответствующих государственных органов.

Дела особого производства являются по своей сути односторонними – они возбуждаются по обращению заявителя, интересы которого, как правило, не противоречат интересам заинтересованных лиц. Поэтому доказательственная деятельность суда носит характер сотрудничества со всеми участниками. Суд выступает как активный субъект, собирающий доказательства, учитывающий мнение каждого лица.

Верховный Суд Российской Федерации:

- отмечает необходимость учета всех обстоятельств дела при анализе полноты представленных документов, в частности, если усыновителем выступает иностранный гражданин, состоящий в браке с гражданкой России, постоянно проживающий на территории нашей страны, требование о предоставлении документов об условиях проживания в иностранном государстве является неправомерным;
- подчеркивает, что предусмотренный ГПК РФ перечень оснований для приостановления производства по делу является исчерпывающим, расширительному толкованию не подлежит⁵.

В судебной практике также обращается внимание на то, что условием для исправления или изменения записи в акте гражданского состояния является только неправильность такой записи⁶; суды могут принимать заявления об установлении фактов и рассматривать их в порядке особого производства, если установление факта не связывается с последующим разрешением спора о праве, подведомственного суду⁷.

М. А. Фокина обращает особое внимание на необходимость совершествования процессуального порядка раскрытия доказательств. Она отме-

⁴ Афанасьев С. Ф., Баулин О. В., Лукьянова И. Н. и др. Указ. соч. С. 639.

⁵ Обзор практики рассмотрения в 2023 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 10.

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 8 октября 2024 г. по делу № 33-43357/2024 (УИД 77RS0002-02-2023-009183-69), решение Шахтинского городского суда Ростовской области от 2 октября 2024 г. № 2-4514/2024 (УИД 61RS0023-01-2024-006111-05).

⁷ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 октября 2024 г. № 88-31693/2024 (УИД 23RS0059-01-2021-006761-56).

чает многогранность проявления состязательных начал [10, с. 94], наиболее яркое проявление принципа состязательности в сфере доказывания.

Надежная доказательственная база – гарантия вынесения законного и справедливого судебного решения. Согласно ст. 67 ГПК РФ суд оценивает представленные доказательства по своему внутреннему убеждению, формируемому на основе их всестороннего, полного, объективного и непосредственного изучения; никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы; суд оценивает относимость, допустимость и достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности; результаты оценки доказательств суд обязан отразить в мотивированном решении, указав, какие доказательства приняты во внимание, какие нет и почему.

Доказывание по делам особого производства имеет ряд особенностей. В правовой доктрине обращается внимание на своеобразие предмета доказывания, активную роль суда, выражающуюся, в частности, в осуществлении им определенных процессуальных действий по собиранию доказательств, возложению обязанностей по представлению необходимых доказательств на определенных субъектов, осуществлению контроля за соблюдением распределения бремени доказывания, исследовании возможной дальнейшей судьбы установленного факта. При этом доказательственная деятельность суда по делам особого производства носит «компенсационный» характер – только суд способен установить или подтвердить наличие того или иного юридического факта на основе принципа сотрудничества со всеми участниками процесса.

Список источников

1. Пашин С. Е. Специфика рассмотрения и разрешения дел судом в порядке особого производства // Актуальные проблемы Российской правовой политики : сб. докл. XVIII науч.-практ. конф. преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых (Таганрог, 14–15 апр. 2017 г.) / отв. ред. С. Ю. Аваков, Н. Ф. Купчинов. Таганрог : Таганрог. ин-т управления и экономики, 2017. С. 150–153.
2. Рудько И. Ю. Особенности предмета судебной защиты в особом производстве // Особое производство в цивилистическом процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23 июня 2022 г.) / сост., ред. Л. В. Войтович. СПб. : Астерион, 2022. С. 52–56.
3. Нахова Е. А. К вопросу о механизме определения предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 89–99.
4. Шакитко Т. В. Состав предмета доказывания по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 97–104.
5. Жукова А. И. Особенности доказывания и презумпции в делах особого производства // Особое производство в цивилистическом процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23 июня 2022 г.) / сост., ред. Л. В. Войтович. СПб. : Астерион, 2022. С. 145–150.
6. Аргунов А. В. Особое производство в гражданском процессуальном праве России и Франции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 222 с.

7. Соловьев В. Ю. Процессуальные особенности гражданского производства по делам об усыновлении // Мировой судья. 2022. № 6. С. 28–33.
8. Францифоров А. Ю. Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты) : автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 28 с.
9. Юдин А. В. Особое производство в арбитражном процессе. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2003. 212 с.
10. Фокина М. А. Развитие принципа состязательности в гражданском и арбитражном процессах, административном судопроизводстве // Принципы гражданского процессуального права: проблемы правового закрепления, толкования и правоприменения : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9–10 окт. 2020 г. / сост., ред. З. Ш. Матчанова. СПб. : Астерион, 2020. С. 81–96.

References

1. Pashin, S. E. Specifics of the consideration and resolution of cases by the court in the order of special proceedings. In: S. Yu. Avakov, N. F. Kupchinov, eds. *Actual problems of Russian legal policy*. Collection of documents of the XVIII Scientific and Practical Conference of Teachers, Students, Postgraduates and Young Scientists (Taganrog, 14–15 April, 2017). Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics; 2017. Pp. 150–153. (In Russ.)
2. Rudko, I. Yu. Features of the subject of judicial protection in special proceedings. In: L. V. Voitovich, comp., ed. *Special production in the civil process: problems of doctrine, legislation and practice*. Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, 23 June, 2022). St. Petersburg: Asterion; 2022. Pp. 52–56. (In Russ.)
3. Nakhova, E. A. On the mechanism for determining the subject of evidence in civil proceedings. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*. 2020;(3):89–99. (In Russ.)
4. Shakitko, T. V. The elements of the subject of proof in cases of recognition of an individual as missing. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2023;(7):97–104. (In Russ.)
5. Zhukova, A. I. Features of evidence and presumption in cases of special proceedings. In: L. V. Voitovich, comp., ed. *Special production in the civil process: problems of doctrine, legislation and practice*. Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, 23 June, 2022). St. Petersburg: Asterion; 2022. Pp. 145–150. (In Russ.)
6. Argunov, A. V. *Special proceedings in the civil procedural law of Russia and France*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2011. 222 p. (In Russ.)
7. Solovyev, V. Yu. Procedural peculiarities of civil proceedings in adoption cases. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace*. 2022;(6):28–33. (In Russ.)
8. Frantsiforov, A. Yu. *The essence of special production (theoretical and practical aspects)*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 2009. 28 p. (In Russ.)
9. Yudin, A. V. *Special proceedings in the arbitration process*. Samara: Samara University Press; 2003. 212 p. (In Russ.)
10. Fokina, M. A. The development of the principle of justice in civil and arbitration proceedings, administrative proceedings. In: Z. Sh. Matchanova, comp., ed. *Principles of civil procedural law: problems of legal support, interpretation and enforcement*. Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, 9–10 October 2020). St. Petersburg: Asterion; 2020. Pp. 81–96. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Е. Звездин – студент 4 курса.

Information about the author

A. E. Zvezdin – 4th year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принятa к публикации 05.06.2025.

The article was submitted 30.04.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Мировое соглашение через призму процессуальной экономии

Елизавета Сергеевна Катлан

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация
✉ k.elizaveta2015@yandex.ru

Научный руководитель: **Н. В. Алексеева**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
гражданского и административного судопроизводства Российского
государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. Примирение сторон спора не перестает быть актуальным предметом исследования в работах теоретиков и практиков. Использование примирительных процедур в гражданском и арбитражном судопроизводстве позитивно оценивается в юридической литературе и практике, отвечает цели и задачам правосудной деятельности, отраженным в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве. В литературе высказываются различные точки зрения относительно существования принципа процессуальной экономии и значимости ее как таковой. В статье обосновывается, что инициирование сторонами урегулирования спора мирным путем направлено на достижение процессуальной экономии.

В работе исследованы нормы гражданского и арбитражного процессуального законодательства, акты их толкования, а также научная литература и судебная практика. Объектом исследования являются принцип процессуальной экономии и мировое соглашение, правовая регламентация которого, по мнению автора, способствует реализации данного принципа и повышению эффективности правосудия в целом. Обосновывается допустимость выхода суда за пределы исковых требований при утверждении условий мирового соглашения с целью устранения конфликтности правоотношений сторон и предотвращения обращения в суд с новыми исковыми требованиями, связанными с теми, что уже были на рассмотрении суда.

Ключевые слова: принцип процессуальной экономии, мировое соглашение, условия мирового соглашения, предмет иска

Для цитирования: Катлан Е. С. Мировое соглашение через призму процессуальной экономии // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 132–139.

Original article

A Settlement Agreement Through the Lens of Procedural Economy

Elizaveta S. Katlan

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,

Moscow, Russian Federation

✉ k.elizaveta2015@yandex.ru

Scientific supervisor: N. V. Alekseeva, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil and Administrative Proceedings Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The reconciliation of the parties to a dispute continues to be a relevant subject of research in the works of theorists and practitioners, and the use of conciliation procedures in civil and arbitration proceedings is positively evaluated in legal literature and practice, as it meets the goals and objectives of judicial activity reflected in civil and arbitration procedural legislation. There are various opinions in the literature regarding the existence of the principle of procedural economy and its significance. The article argues that the parties' initiative to resolve the dispute peacefully is aimed at achieving procedural economy.

The work was based on a study of civil and arbitration procedural legislation, acts of its interpretation, scientific literature, and judicial practice. The object of the article is the principle of procedural economy and the settlement agreement, the legal regulation of which, according to the author, contributes to the implementation of this principle and the improvement of the efficiency of justice in general. The author substantiates the permissibility of the court going beyond the claims in the settlement agreement in order to eliminate the conflict between the parties and prevent the court from considering new claims related to the ones already under consideration.

Keywords: the principle of procedural economy, settlement agreement, terms of the settlement agreement, the subject of the claim

For citation: Katlan, E. S. A settlement agreement through the lens of procedural economy. *Femida.Science = Themis.Science.* 2025;(2):132-139. (In Russ.)

Примирение сторон спора в гражданском и арбитражном процессах всегда рассматривалось и в доктрине, и в правоприменительной практике как задача правосудной деятельности, достижение которой способствует не только устранению спорности правоотношения, ставшего предметом судебного разбирательства, но и сохранению спокойных семейных и дружеских, деловых и партнерских отношений между стороной истца и стороной ответчика, формированию обычая и этики делового оборота. Справедливо отмечено А. Е. Солохиным, что «развитие результатов примирения в процессе позволяет, с одной стороны, оптимизировать правосудие и судебную нагрузку, с другой – не только сохранить существующий круг процессуальных гарантий, но и предоставить спорящим сторонам больше возможностей для защиты своих прав» [1, с. 325].

Значимости примирительных процедур в течение многих лет уделяется внимание в научной литературе и в ходе различных научно-практических мероприятий. Так, отмечается, что «укреплению» примирительных процедур кроме общих и специальных норм о примирении будет способствовать законодательно предусмотренная система стимулов к примирению спорящих субъектов, таких как частичный возврат государственной пошлины при заключении мирового соглашения, а также включение в мировое соглашение связанных с заявленными требованиями положений [2, с. 327].

Самостоятельное урегулирование правового конфликта видится авторам наиболее предпочтительным способом разрешения разногласий между участниками гражданского оборота: «Для экономии процессуального времени, во избежание долгих тяжб стороны могут заключить мировое соглашение, которое позволяет им достичь компромисса даже после начала судебного производства» [3, с. 63]. А. И. Зинченко, посвятивший институту мирового соглашения докторскую диссертацию на соискание научной степени кандидата юридических наук, указывает, что «мировое соглашение является достаточно значимым процессуальным институтом, имеющим свою специфику, и представляет собой определенную социальную ценность, а потому изучение его в целях установления допускаемых судами ошибок и совершенствования законодательства, регулирующего этот институт, представляет как теоретический, так и практический интерес» [4, с. 2].

Мировое соглашение как правовой институт давно интересует ученых. Как отмечает О. С. Черникова, «о мировом соглашении писали ведущие дореволюционные российские ученые в области гражданского судоустройства и гражданского судопроизводства. В дореволюционной процессуальной доктрине была распространена теория, согласно которой мировое соглашение считалось наиболее предпочтительным средством урегулирования гражданских споров. Это убеждение основывалось на принципе состязательности, поскольку стороны спора, заключая мировое соглашение, исходили из известных только им фактических обстоятельств дела, в то время как суд при вынесении решения был связан представленными тяжущимися объяснениями и доказательствами» [3, с. 64].

Среди принципов цивилистического процесса выделяется принцип процессуальной экономии. Понимание процессуальной экономии как принципа цивилистического процесса до настоящего времени является дискуссионным. В научной литературе обоснована точка зрения, в соответствии с которой процессуальная экономия не может рассматриваться как принцип гражданского процессуального права, поскольку недостаточно оснований для выделения данного принципа, как считают Т. В. Сахнова¹ и Д. А. Фурсов².

¹ Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М. : Волтерс Кluвер, 2008. С. 9.

² Фурсов Д. А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса : учеб. пособие. М. : Статут, 2009. С. 22.

На существование в гражданском процессуальном праве принципа процессуальной экономии указывают Г. Л. Осокина³, А. А. Ференс-Сороцкий [5, с. 32]. Процессуальная экономия рассматривается как способ, с помощью которого суд, участники гражданского процесса обеспечивают своевременное и правильное рассмотрение и разрешение дел с наименьшими затратами, как физическими, так и материальными. Реализация возможна только при эффективном и рациональном использовании процессуальных средств и гарантий [6, с. 47].

В цивилистическом процессуальном законодательстве отсутствует прямое закрепление процессуальной экономии как принципа, однако следует обратить внимание на задачи судопроизводства.

Гражданский процессуальный кодекс в ст. 2 обозначает «...правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел» в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов спорных правоотношений как самостоятельную задачу правосудия по гражданским делам. Арбитражный процессуальный кодекс также в качестве одной из задач судопроизводства в арбитражных судах закрепил «справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом» (п. 3 ст. 2). Исходя из формулировки задач гражданского и арбитражного судопроизводства в кодифицированных источниках, можно сделать вывод, что цивилистическое процессуальное законодательство при постановке задач правосудной деятельности указывает на необходимость своевременности судебной защиты, что, в свою очередь, связано и с процессуальной экономией, и экономией временных и финансовых ресурсов.

Следует отметить, что в актах Конституционного Суда Российской Федерации указывалось на процессуальную экономию. Так, говоря о сужении возможностей надзорного обжалования судебных постановлений мировых судей и дискреционных полномочиях федерального законодателя по определению способов и процедур судебной защиты, установлению порядка проверки законности и обоснованности судебных постановлений, Конституционный Суд Российской Федерации указывает на принципы «процессуальной экономии и стабильности судебных решений»⁴.

Верховный Суд Российской Федерации указывает на процессуальную экономию как на принцип. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении

³ Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть : учеб. 3-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 119.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ “Нижнекамскнефтехим” и “Хакасэнерго”, а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.

дел в арбитражном суде апелляционной инстанции⁵ (п. 10) и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции»⁶ (п. 9) Верховный Суд Российской Федерации ссылается на принцип процессуальной экономии при обосновании полномочий судов апелляционной и кассационной инстанций по принятию к производству жалобы лица, которая после возбуждения производства по жалобе другого лица направлена прямо в арбитражный суд соответственно апелляционной или кассационной инстанции.

В пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»⁷ процессуальная экономия также обозначена как один из принципов, обеспечивающих реализацию задач судопроизводства, которые арбитражным судам надлежит учитывать при рассмотрении дела.

Прекращая производство по делу в связи с заключением сторонами мирового соглашения, суд стремится к наиболее своевременной и эффективной защите прав и охраняемых законом интересов как истца, так и ответчика, не заставляя их прибегать к реализации длительного процесса прохождения гражданского дела. Вынесение судом определения об окончании производства по делу в связи с заключением мирового соглашения ведет к процессуальной экономии, так как в данном случае отпадает необходимость рассмотрения дела по существу [7, с. 379].

Представляется, что понимание процессуальной экономии как принципа цивилистического процесса определило развитие отдельных процессуальных институтов, в том числе института мирового соглашения. Так, цивилистическое процессуальное законодательство допускает заключение мирового соглашения, устанавливающего взаимные права и обязанности сторон, даже если таковые не были предметом рассмотрения в ходе рассмотрения дела по существу.

«Допускается включение в мировое соглашение положений, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства», что установлено ч. 3 ст. 153.9 ГПК РФ. Аналогичное положение, наделяющее стороны правом включить в мировое соглашение условия, связанные с заявленными требованиями, но не являющиеся предметом судебного разбирательства, закреплено в ч. 2.1 ст. 140 АПК РФ.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, разъясняя требования законодателя к условиям мирового соглашения, в п. 13 Постановления Пленума от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе»⁸ ссылается на принцип свободы договора, закрепленный в

⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9.

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9.

⁷ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 3.

⁸ Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.

ст. 421 ГК РФ, который предоставляет сторонам право включать в соглашение любые не противоречащие закону или иным правовым актам условия.

До введения указанного правового регулирования позиция и практиков, и теоретиков относительно возможности заключения мирового соглашения по вопросам, которые не ставились сторонами спора в просительной части искового заявления (первоначального и встречного), была однозначной. Предмет мирового соглашения должен соответствовать предмету судебного разбирательства, т. е. содержание мирового соглашения «не должно выходить за рамки предмета судебного разбирательства». Отмечалась необходимость проверки условий мирового соглашения на соответствие предмету разбирательства в арбитражном суде, а утверждение мирового соглашения, в которое включены условия, не касающиеся предмета спора, рассматривалось как неправомерное процессуальное действие суда [8, с. 119].

Указанные нормы дают суду возможность не только защитить оспоренное право и обеспечить восстановление нарушенного права, но и предотвратить дальнейшие обращения за судебной защитой, устранив противоречия в правоотношениях сторон, которые могут преобразоваться в правовой конфликт и в дальнейшем – в судебный спор. Очевидно, что такое правовое регулирование института мирового соглашения полностью соответствует принципу процессуальной экономии. Однако в настоящее время ни научная литература, ни судебная практика не дают однозначного ответа на вопрос, какие именно требования могут быть включены в мировое соглашение помимо прямо указанных сторонами спора в первоначальном и встречном исковых заявлениях, нет указания на какие-либо критерии и пределы предмета спора, что, безусловно, затрудняет восприятие судом предложенных сторонами правового конфликта условий примирения как правомерных и не противоречащих нормам гражданского и арбитражного процессуального законодательства.

Арбитражный суд первой инстанции отказал в утверждении мирового соглашения, представленного сторонами в судебном заседании. Отказывая в удовлетворении заявления об утверждении мирового соглашения, суд пришел к выводу о том, что сторонами в условия мирового соглашения помимо условия о расторжении договора купли-продажи квартиры, о чем и был заявлен иск, необоснованно включено требование о возврате денежных средств ответчиком (продавцом), тогда как при подаче искового заявления истцом (покупателем) требование о взыскании суммы денежных средств с ответчика не заявлялось. При этом само мировое соглашение суд расценил как отказ в иске, поскольку не усмотрел в соглашении условий о каких-либо обязательствах сторон, их размере и сроках исполнения⁹.

Следует обратить внимание и на случаи отказа судом в утверждении мирового соглашения, когда стороны в условия мирового соглашения включили условия, которые соответствуют требованиям, являющимся предмет-

⁹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 6 октября 2023 г. по делу № А83-17133/2022. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс».

том иного судебного разбирательства, хотя они и связаны с рассматриваемыми судом¹⁰.

Представляется, что отсутствие прямого закрепления принципа процессуальной экономии в цивилистических процессуальных нормах предопределяет различное понимание допустимой степени активности суда при определении применимого способа защиты нарушенных или оспаренных прав и возможности выхода суда за пределы исковых требований при утверждении мирового соглашения, условия которого затрагивают права и обязанности, не поименованные в первоначальном и встречном исковых заявлениях. Комплексное развитие института мирового соглашения, позволяющего учесть интересы и волю обеих сторон, обеспечить дальнейшее существование и продуктивное сотрудничество в арбитражном и гражданском судопроизводствах, направленное на расширение сферы его применения и возможностей данного института по устраниению правового конфликта физических и юридических лиц, будет способствовать устраниению конфликтности общества в целом и обеспечению стабильности гражданского оборота.

Список источников

1. Солохин А. Е. Результаты примирения сторон в гражданском, арбитражном и административном процессах: новеллы, проблемы и перспективы развития // Возникновение гражданских и семейных прав и их защита: традиционные и новые подходы : сб. науч. тр. / отв. ред. С. С. Занковский. М. : Планета, 2021. С. 325–330.
2. Фильченко Д. Г. Тенденции развития примирительных процедур в цивилистическом процессе // Перспективы реформирования гражданского процессуального права : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 21 февр. 2015 г.) / под ред. О. В. Исаенковой. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2015. С. 325–328.
3. Черникова О. С. Мировое соглашение как способ разрешения спора в арбитражном судопроизводстве // Гражданин и право. 2008. № 11. С. 63–69.
4. Зинченко А. И. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1981. 18 с.
5. Ференс-Сороцкий А. А. Процессуальный формализм или процессуальная экономия? // Правоведение. 1991. № 4. С. 31–35.
6. Шакирьянов Р. В. Действие принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 46–67.
7. Широкопояс Ю. А. Сущность определений суда об окончании производства по делу без принятия судебного решения // Концепция развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека : сб. науч. ст. / отв. ред. Г. Д. Улетова. Краснодар ; СПб. : Юрид. центр Пресс, 2007. С. 378–382.
8. Чукавина Т. В. Мировое соглашение в арбитражном процессе // Арбитражные суды: теория и практика правоприменения : сб. ст. к 75-летию государственного ар-

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 августа 2017 г. по делу № А21-9874/2016.

битраже – Арбитражного суда Свердловской области / отв. ред., сост. И. В. Решетникова, М. Л. Скуратовский. Екатеринбург : Ин-т част. права, 2006. С. 117–123.

References

1. Solokhin, A. E. The results of reconciliation of the parties in civil, arbitration and administrative proceedings: novelties, problems and development prospects. In: S. S. Zankovsky, ed. *The emergence of civil and family rights and their protection: traditional and new approaches*. Collection of scientific papers. Moscow: Planeta; 2021. Pp. 325–330. (In Russ.)
2. Filchenko, D. G. Trends in the development of conciliation procedures in the civil process. In: O. V. Isaenkova, ed. *Prospects for the reform of civil procedural law*. Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (Saratov, 21 February 2015). Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy; 2015. Pp. 325–328. (In Russ.)
3. Chernikova, O. S. A settlement agreement as a way to resolve a dispute in arbitration proceedings. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*. 2008;(11):63-69. (In Russ.)
4. Zinchenko, A. I. *The settlement agreement in civil proceedings*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 1981. 18 p. (In Russ.)
5. Ferens-Sorotsky, A. A. Procedural formalism or procedural economy? *Pravovedenie = Jurisprudence*. 1991;(4):31-35. (In Russ.)
6. Shakiryanov, R. V. The action of a principle of procedural economy in civil cases proceeding. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*. 2012;(4):46-67. (In Russ.)
7. Shirokopoyas, Yu. A. The essence of court rulings on the termination of proceedings without a court decision. In: G. D. Uletova, ed. *The concept of development of judicial system and system of voluntary and compulsory execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, courts of the general jurisdiction, arbitration, the arbitration courts and the European Court of Human Rights*. Collection of scientific articles. Krasnodar; St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2007. Pp. 378–382. (In Russ.)
8. Chukavina, T. V. Settlement agreement in the arbitration process. In: I. V. Reshetnikova, M. L. Skuratovsky, ed., comp. *Arbitration courts: theory and practice of law enforcement*. Collection of articles on the 75th anniversary of the state arbitration – Arbitration Court of the Sverdlovsk region. Yekaterinburg: Institute of Private Law; 2006. Pp. 117–123. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. С. Катлан – аспирант.

Information about the author

E. S. Katlan – postgraduate student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 07.07.2025.

The article was submitted 30.06.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 07.07.2025.

**Уголовный процесс и криминалистика /
Criminal Procedure and Criminology**

Научная статья

УДК 343.9, 343.13

EDN: QECYXH

**Об особенностях предварительного расследования
тяжких и особо тяжких преступлений прошлых лет
в отношении умерших лиц**

Елизавета Константиновна Камельская

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация

✉ elizabethkamelskaya@yandex.ru

Научный руководитель: **Ф. М. Кобзарев**, д.ю.н., профессор кафедры
уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российской
государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, которые возникают у следственных органов при расследовании уголовных дел о преступлениях прошлых лет в отношении умершего подозреваемого или обвиняемого. Анализируются причины, по которым производство по ним приостанавливается на длительное время, а также исследуется правовой пробел в отношении процессуального статуса вовлекаемого в уголовное судопроизводство близкого лица, близкого родственника или родственника. Предлагаются пути решения этих проблем.

Ключевые слова: преступления прошлых лет, тяжкие и особо тяжкие преступления, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, следователь, уголовное дело, суд

Для цитирования: Камельская Е. К. Об особенностях предварительного расследования тяжких и особо тяжких преступлений прошлых лет в отношении умерших лиц // Фемида. Science. 2025. № 2 (17). С. 140–149.

Original article

On the Specifics of the Preliminary Investigation of Grave and Especially Grave Offences of the Past Years Against Deceased Persons

Elizaveta K. Kamelskaya

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

✉ elizabethkamelskaya@yandex.ru

Scientific supervisor: F. M. Kobzarev, Doctor of Science (Law), Professor at the Radutnaya Criminal Procedural Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. This article addresses and specifies the problematic issues faced by the investigative bodies in the investigation of criminal cases on offences of past years in relation to a deceased suspect or accused person. The reasons on the basis of which criminal cases. The reasons on the basis of which criminal cases acquire the status of past offences are examined, as well as the legal gap with regard to the procedural status of a close person involved in criminal proceedings. A close person, close relative or relative-in-law involved in criminal proceedings. Resolutions to these problems are suggested.

Keywords: past crimes, grave and especially grave crimes, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, investigator, criminal case, court

For citation: Kamelskaya, E. K. On the specifics of the preliminary investigation of grave and especially grave offences of the past years against deceased persons. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):140-149. (In Russ.)

Расследование преступлений прошлых лет является одной из приоритетных задач, стоящих перед сотрудниками следственных органов Следственного комитета Российской Федерации для реализации задач уголовного законодательства и восстановления нарушенных прав человека и гражданина¹. Следует отметить, что, по данным этого ведомства, в 2024 г. расследовано более 4100 уголовных дел прошлых лет, что на 5% больше по сравнению со статистикой 2023 г.² Председателем Следственного комитета России А. И. Бастрыкиным также отмечено, что в 2023 г. среди раскрытий преступлений прошлых лет 61% составили тяжкие и особо тяжкие преступления, в их числе 913 дел относятся к убийствам прошлых лет [1, с. 11].

¹ Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам расследования преступлений прошлых лет // Следственный комитет Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1938250/>.

² Бастрыкин рассказал о числе раскрытий преступлений прошлых лет в 2024 году // РИА новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20241018/sk-1978644266.html>.

В настоящее время законодателем не закреплено словосочетание «преступления прошлых лет», однако в доктрине уголовно-процессуального права, а также в профессиональной деятельности правоприменителей употребление данного понятия является общепринятым. Исходя из положений ведомственного правового акта Следственного комитета России³ к преступлениям прошлых лет относят нераскрытое преступление, производство которого органами предварительного следствия приостановлено до начала текущего отчетного года по основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Представленная дефиниция основывается на положениях уголовно-процессуального законодательства, определяющего первопричины приостановления уголовного дела, а равно невозможности привлечения лица к уголовной ответственности ввиду неустановления лица, совершившего общественно опасное деяние (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ); если подозреваемый или обвиняемый скрылся либо сведения о его достоверном местонахождении неизвестны (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). По указанным основаниям предварительное следствие по уголовным делам приостанавливается только после выполнения всех возможных следственных и иных процессуальных действий, отвечающих требованиям всесторонности, полноты и объективности⁴, которые допустимы в период отсутствия подозреваемого или обвиняемого лица, в том числе по его изобличению и местообнаружению, а также по истечении двухмесячного срока предварительного следствия (ч. 1 ст. 162 УПК РФ).

В свою очередь, на законодательном уровне определено еще одно положение, на основании которого осуществляется приостановление предварительного следствия, – местонахождение лица известно, однако реальная возможность его участия в деле отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), а равно участие является невозможным ввиду объективных факторов, к числу которых относится смерть подозреваемого или обвиняемого. Председатель Следственного комитета России подчеркнул недопустимость необоснованного прекращения дел в отношении умерших лиц на стадии предварительного расследования преступлений прошлых лет⁵.

В то же время сложность расследования указанной категории дел обусловлена отсутствием единой методики, позволяющей правоприменителям последовательно доказать причастность умершего лица ввиду объективной невозможности проведения следственных и иных процессуальных действий для закрепления ранее собранных доказательств, что нередко находит свое отражение в судебно-следственной практике.

Так, в январе 2025 г. завершено расследование уголовного дела по обвинению ранее судимого участника преступного сообщества в соверше-

³ См. приказ Следственного комитета России от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» (п. 1.1). Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

⁴ Пункт 1.1 приказа Следственного комитета России «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет».

⁵ Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам расследования преступлений прошлых лет. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1938250/>.

нии преступления, предусмотренного п. «а», «н» ст. 102 УК РСФСР (убийство, совершенное из корыстных побуждений по предварительному сговору группой лиц). Соучастник данного убийства был убит в 2008 г., а лидер преступной группировки, выступавший заказчиком этого убийства, скончался в 2003 г.⁶ В июле 2024 г. суд признал собранную доказательную базу достаточной для вынесения обвинительного приговора подсудимому в совершении преступления, предусмотренного п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство сопряженное с разбоем), и назначил наказание по совокупности преступлений в виде 24 лет 9 месяцев лишения свободы в колонии строгого режима. В отношении второго фигуранта уголовное преследование прекращено в связи с его смертью⁷.

По другому делу о совершении аналогичных деяний следственным органам удалось установить лицо, причастное к убийству местной жительницы в 1999 г., привлечение же к уголовной ответственности второго фигуранта дела не представлялось возможным в связи с его смертью⁸.

Исследуя вопрос о формах производства дела в случае смерти лица, О. В. Анучина отмечает, что особенностями данного правового регулирования являются: 1) отсутствие лица, подлежащего привлечению к ответственности; 2) необходимость вовлечения заинтересованных лиц в уголовное производство для защиты чести и достоинства умершего, а также разрешения, в связи с этим ряда процессуальных вопросов [2, с. 3-4]. Правомерно возникает вопрос об определении алгоритма действий следователя, начиная с получения информации о смерти подозреваемого или обвиняемого лица от органов дознания до направления дела прокурору с обвинительным заключением, согласованным с руководителем следственного органа.

На основании п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ даже после приостановления предварительного следствия следователь принимает меры по установлению места нахождения подозреваемого или обвиняемого лица и осуществляет необходимые меры по его розыску. Розыск лица осуществляется посредством направления следователем письменного поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) органу дознания (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) как во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением (ч. 2 ст. 210 УПК РФ). По общему правилу, установленному в ч. 1 ст. 152 УПК РФ, срок исполнения поруче-

⁶ В Северодвинске один из участников преступной группировки предстанет перед судом по обвинению в убийстве из корыстных побуждений, совершенном в 1994 году // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу : [сайт]. URL: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1944621/>.

⁷ В Новгородской области вынесен приговор мужчине за убийство, совершенное 21 год назад // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Новгородской области : [сайт]. URL: <https://vnovgorod.sledcom.ru/news/item/1900444/>.

⁸ В Туле вынесен приговор по уголовному делу об убийстве, совершенном в 1999 году // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Тульской области : [сайт]. URL: <https://tula.sledcom.ru/news/item/1887068/>.

ния следователя органом дознания составляет 10 суток. Вместе с тем стоит учитывать, что от объема установленных и достоверных сведений о лице, совершившем общественно опасное деяние, зависит продолжительность исполнения поручения. Как указывает Ж. П. Петухова, в случае обнаружения или установления смерти разыскиваемого лица проверка розыскных версий и исполнение поручения прекращаются [3, с. 213]. При этом автор не раскрывает дальнейшие действия органа дознания при установлении факта смерти лица. Представляется, что в ответ на поручение следователя должностным лицом, исполнившим ряд оперативно-розыскных мероприятий, направляется соответствующий документ, в котором указываются результаты розыскных действий по установлению местонахождения обвиняемого или подозреваемого, и прилагаются документы, подтверждающие факт его смерти. Информация о смерти лица подтверждается справкой или свидетельством о смерти, выданными при надлежащем запросе в отделы записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС), или выпиской из домовой книги, полученной из многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ). В случае, когда производство предварительного следствия приостановлено, полученная информация от органов дознания является правовым основанием для вынесения следователем постановления о возобновлении предварительного следствия и принятии дела к производству в соответствии с ч. 2 ст. 156 УПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 211 УПК РФ, копия которого направляется прокурору, а защитник обвиняемого или подозреваемого, потерпевший, его представитель уведомляются в порядке ч. 3 ст. 211 УПК РФ.

Далее следователем должно быть принято решение о направлении поручения в орган дознания на проведение ОРМ с целью установления близкого лица, близкого родственника или родственника (п. 3, 4, 37 ст. 5 УПК РФ) фигуранта уголовного дела и последующего вручения повестки в соответствии со ст. 188 УПК РФ для прибытия в орган, осуществляющий предварительное расследование преступлений прошлых лет, в соответствии с общим порядком вызова на допрос [4, с. 34]. В повестке следует указать такому лицу необходимость иметь при себе документы, подтверждающие наличие родства с умершим подозреваемым или обвиняемым, например свидетельство о заключении брака, свидетельство о рождении (графы со сведениями о матери, отце или ребенке), свидетельство об усыновлении или удочерении и др. В случае отсутствия у вызываемого лица указанных документов следователю необходимо направить запрос на основании ст. 38 УПК РФ и ч. 2, 3 ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»⁹ в орган ЗАГС или МФЦ для истребования необходимых документов. При этом не исключаются случаи отсутствия или неустановления близких лиц умершего подозреваемого или обвиняемого, что должно подтверждаться ответом органа дознания о производстве ОРМ.

Уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует самостоятельный статус близких лиц, близких родственников, родственников

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

умершего подозреваемого или обвиняемого в деле, а также их представителей. Статус представителей обусловлен положениями ст. 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁰. Как указывают О. И. Цоколова и В. М. Карпенко, в таких случаях вовлекаемые в уголовное судопроизводство лица в судебной практике приобретали следующие статусы: представитель подсудимого, близкий родственник умершего подсудимого, либо их процессуальное положение не определялось [5, с. 14]. Таким образом, не вызывает сомнений положение о необходимости вовлечения в уголовное судопроизводство близкого лица, близкого родственника, родственника умершего подозреваемого или обвиняемого или их представителей для последующего определения их статуса, хотя в настоящее время возникают трудности в отношении их процессуального статуса только из-за того, что он не закреплен в действующих нормах УПК РФ.

Как отмечает К. А. Трифонова, при указанных обстоятельствах близких лиц разумнее всего допрашивать в качестве свидетелей [6, с. 200]. По нашему мнению, данная позиция является вполне допустимой, так как согласно ч. 1 ст. 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Обладает ли лицо информацией, прямо относящейся к обстоятельствам дела, решает следователь исключительно после проведения с данным лицом необходимых следственных действий, в частности допроса в качестве свидетеля. Следует заметить, что даже при отсутствии каких-либо сведений, касающихся событий или иных обстоятельств преступления, представленную близким лицом, близким родственником, родственником или их представителем информацию о фигуранте расследуемого дела можно отнести к данным, характеризующим личность (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), а значит, использовать как доказательство, на которое ссылается сторона защиты при разрешении дела по существу. В случае отнесения близких лиц, близких родственников, родственников умершего или представителей к числу свидетелей фактически определяется их правовой статус в уголовно-процессуальном законодательстве. Исчерпывающий перечень прав и обязанностей свидетелей установлен в ст. 56 УПК РФ, однако следует учитывать, что близкие лица, близкие родственники и родственники, а также их представители, заинтересованные в исходе уголовного дела, не только не наделены полномочиями получать уведомление об окончании предварительного следствия в соответствии со ст. 215 УПК РФ, но и лишены права на ознакомление с материалами уголовного дела наряду с защитником, как это предусмотрено для законного представителя несовершеннолетних лиц.

¹⁰ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко» (далее – Постановление № 16-П) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. 2). Ст. 4698.

Исходя из изложенного, по нашему мнению, существенным пробелом является отсутствие процессуального статуса близких лиц, близких родственников, родственников, а также их представителей, привлекаемых к уголовному делу для защиты чести и достоинства умершего, доброй памяти о нем, а также собственных чести и достоинства из-за неопределенности в правовом статусе умершего. Относить указанных лиц к числу свидетелей нецелесообразно, поскольку близкие лица, близкие родственники, родственники обладают более широким перечнем прав, чем указано в ст. 56 УПК РФ.

Наряду с этим следует отметить, что в 2012 г. был разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности)» в целях реализации Постановления № 16-П. В пояснительной записке к данному проекту указывалось, что вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства лиц необходимо относить к представителям обвиняемого, которые определяются как «...привлеченные в установленном законом порядке к производству по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, его близкие родственники либо их законные представители, родственники либо их законные представители, близкие лица либо их законные представители»¹¹, а также конкретизировался статус указанных лиц в уголовном судопроизводстве. Однако в 2018 г. представленный законопроект на стадии рассмотрения в первом чтении был отклонен в связи с тем, что «вводимые нормы дублируют уже существующие, а введение новой главы – об особом порядке уголовного судопроизводства в отношении умершего обвиняемого, подозреваемого – видится излишним»¹². Указывалось, что данную проблему возможно решить внесением нескольких точечных поправок в Уголовно-процессуальный кодекс¹³, однако даже точечные поправки в действующий уголовно-процессуальный закон так и не были внесены.

Если орган предварительного расследования установит наличие реабилитирующих оснований, уголовное дело подлежит прекращению по этому основанию. При его отсутствии предварительное следствие завершается в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства.

В рассматриваемой ситуации процессуальные действия следователя могут быть следующими: прекращение уголовного дела по преступлениям прошлых лет по причине смерти подозреваемого или обвиняемого в соответствии с положениями п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, когда лица, указанные в

¹¹ Законопроект № 180771-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности)» // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/180771-6#bh_note.

¹² Там же.

¹³ Там же.

п. 3, 4, 37 ст. 5 УПК РФ, согласны с этим и не настаивают на продолжении расследования и рассмотрения судом дела по существу, либо продолжение производства по делу, если близкие родственники, родственники или близкие лица умершего настаивают на этом с целью возможности реабилитации лица.

Об избранной позиции указанные лица заявляют в ходатайстве на имя следователя, производящего предварительное расследование по делу по преступлениям прошлых лет, который рассматривает его в соответствии с положениями ст. 122, 159 (219) УПК РФ, а в дальнейшем отражает суть положения в обвинительном заключении. Кроме того, в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, указываются лица, заинтересованные в реабилитации умершего подозреваемого или обвиняемого. При этом «...указанным лицам должны быть обеспечены права, которыми должен был бы обладать подозреваемый, обвиняемый (подсудимый)... ибо непредоставление возможности отстаивать в уголовном процессе свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами означало бы умаление чести и достоинства личности самим государством» (Постановление № 16-П).

В судебном заседании уголовное дело по преступлениям прошлых лет в отношении умершего рассматривается в обычном порядке. По итогам судебного разбирательства судья либо выносит оправдательный приговор (например, при установлении отсутствия события преступления, отсутствия в деянии состава преступления и т. д.), либо, признав умершего виновным в совершении преступления прошлых лет, выносит обвинительный приговор.

Таким образом, даже при наличии факта смерти подозреваемого или обвиняемого при расследовании и разрешении преступлений прошлых лет соблюдение установленного процессуального порядка, закрепленного в УПК РФ и основанного на положениях Конституции Российской Федерации, обеспечивает законные права и интересы лиц, участвующих в разрешении такого дела, что гарантирует принятие справедливого судебного решения.

В качестве одного из условий порядка судебного разбирательства определено, что стороны обвинения и защиты в судебном заседании пользуются равными правами (ст. 244 УПК РФ), однако в положении, регламентирующем участие подсудимого в судебном разбирательстве, присутствует оговорка: за исключением случаев, предусмотренных ч. 4, 5 ст. 247 УПК РФ. То есть указанные положения не предусматривают возможности проведения судебного разбирательства в отсутствие подсудимого при исключительных обстоятельствах – установлении факта смерти последнего, что, по нашему мнению, является существенным нарушением прав, закрепленных в ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Поэтому представляется, что способом устранения и преодоления указанного пробела может послужить внесение в ст. 247 УПК РФ нового п. 5.1, изложенного в следующей редакции: «Судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого при наличии достоверных сведений, подтверждающих факт его смерти, если близкие лица, близкие род-

Камельская Е. К. О расследовании преступлений прошлых лет в отношении умерших лиц-сторонники, а также родственники подсудимого настаивают на разрешении уголовного дела в судебном порядке».

В заключение следует отметить, что любое тяжкое и особо тяжкое преступления прошлых лет, совершенные против жизни и здоровья, благодаря деятельности следственных органов, а также использованию новейших технологий позволяют собрать неопровергнутую доказательную базу даже при установлении факта смерти фигуранта по делу преступления прошлых лет. В свою очередь, порядок производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого или обвиняемого лица имеет определенную специфику, которая связана с отсутствием единого правового статуса лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Список источников

1. Бастрыкин А. И. О практике применения в Следственном комитете Российской Федерации полиграфа при осуществлении психологического сопровождения расследования преступлений и служебной деятельности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 1. С. 9–12.
2. Ануцина О. В. Форма производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого или обвиняемого // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 3. С. 1–11.
3. Петухова Ж. П. Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых, скрывшихся от следствия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2. С. 207–214.
4. Бондарева И. О. Порядок вызова и место производства допроса потерпевших и свидетелей // Просвещение и познание. 2022. № 5 (12). С. 33–40.
5. Цоколова О. И., Карпенко В. М. Особенности производства расследования по уголовным делам в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) // Научный портал МВД России. 2015. № 1 (29). С. 11–16.
6. Трифонова К. А. Досудебное производство по уголовному делу в отношении умершего подозреваемого или обвиняемого // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 195–203.

References

1. Bastrykin, A. I. On the practice of using a polygraphs in the Investigative Committee of the Russian Federation in providing psychological support for the investigation of crimes and official activities. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ikh resheniya = Investigation of Crimes: Problems and Solution*. 2024;(1):9-12. (In Russ.)
2. Anuchina, O. V. Form of criminal proceedings in case of death of a suspect or accused. *Politsejskaya i sledstvennaya deyatel'nost' = Police and Investigative Activity*. 2021;(3):1-11. (In Russ.)
3. Petukhova, Zh. P. Activities of the investigator on searching suspects and the accused, absconded during the investigation. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021;(2):207-214. (In Russ.)
4. Bondareva, I. O. Procedure for summoning and place of interrogation of victims and witnesses. *Prosveshchenie i poznanie = Enlightenment and Cognition*. 2022;(5):33-40. (In Russ.)

E. K. Kamelskaya. On the investigation of offences of the past years against deceased persons

5. Tsokolova, O. I., Karpenko, V. M. Specifics of investigation of criminal cases in respect of the deceased suspect (accused). *Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*. 2015;(1):11-16. (In Russ.)
6. Trifonova, K. A. Pre-trial proceedings in a criminal case against a deceased suspected or accused person. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2021;(3):195-203. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. К. Камельская – студент 4 курса.

Information about the author

E. K. Kamelskaya – 4th year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2025; одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 16.05.2025; approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 10.06.2025.

Экономика / Economy

Научная статья

УДК 338.342.44

EDN: QYMBJN

Предупреждение киберпреступлений в условиях цифровой трансформации

Марина Сергеевна Шавишиева

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация

✉ mshavishcheva05@mail.ru

Научный руководитель: **Е. Е. Макарова**, к.э.н., доцент, доцент кафедры
экономики Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы для применения технологий, которые обезвреживают киберпреступления. В условиях растущей угрозы кибератак, быстро набирающей темп цифровизации общества исследование направлено на установление и анализ эффективных инструментов, которые используются для обнаружения и предотвращения киберпреступлений. Цель статьи – изучить и исследовать методы защиты данных, проанализировать поведение компьютерной системы под воздействием информационных угроз на примере государственной корпорации «Ростех» и ПАО «Газпром». Результаты исследования могут быть полезны для специалистов в области информационной безопасности.

Ключевые слова: киберугрозы, кибератаки, информационная безопасность, атака, анализ, технологии, организация, киберпреступление

Для цитирования: Шавишиева М. С. Предупреждение киберпреступлений в условиях цифровой трансформации // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 150–156.

Cybercrime Prevention in the Context of Digital Transformation

Marina S. Shavisheva

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
✉ mshavisheva05@mail.ru*

*Scientific supervisor: E. E. Makarova, Candidate of Science (Economic),
Associate Professor, Associate Professor at the Economics Department
of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev*

Abstract. The article discusses modern approaches to the application of technologies that neutralize cybercrime. In the context of the growing threat of cyber-attacks and the rapidly accelerating pace of digitalization of society, the study aims to review and analyze effective tools that are used to detect and prevent cybercrimes. The purpose of the article is to study and investigate data protection methods, to analyze the behavior of a computer system under the influence of information threats using the example of the Rostec State Corporation and Gazprom PJSC. The results of the study may be useful for information security specialists.

Keywords: cyber threats, cyber-attacks, information security, attack, analysis, technology, organization, cybercrime

For citation: Shavisheva, M. S. Cybercrime prevention in the context of digital transformation. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):150-156. (In Russ.)

В настоящее время в условиях растущей цифровизации общества наблюдается ежегодное увеличение числа киберпреступлений (рис. 1), что требует симметричного ответа в виде разработки и внедрения новых подходов к их предотвращению. В 2024 г. количество киберпреступлений достигло своего пика – 765,4 тыс. Это на 13% больше, чем за этот же период 2023 г.¹

Внедрение современных информационных технологий в производственный процесс предусматривает возможность максимально повысить эффективность и качество как самой производственной деятельности, так и выпускаемой продукции (услуг) [1]. Системы информационной безопасности должны включать подходы инновационного обнаружения новых сложных систем, которые способствуют развитию продвинутых технологий и решению новых угроз и задач [2].

Для минимизации числа киберпреступлений необходимо исследование цифровых технологий и правильное их применение организациями и пред-

¹ Число киберпреступлений в России // Tadviser. Государство, бизнес, технологии : [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России (дата обращения: 19.02.2025).

Шавишиева М. С. Предупреждение киберпреступлений в условиях цифровой трансформации

приятиями. Ввиду значимости исследуемой категории необходимо провести изучение критерии и индикаторов обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации, что будет способствовать своевременному выявлению проблем в этой сфере [4].

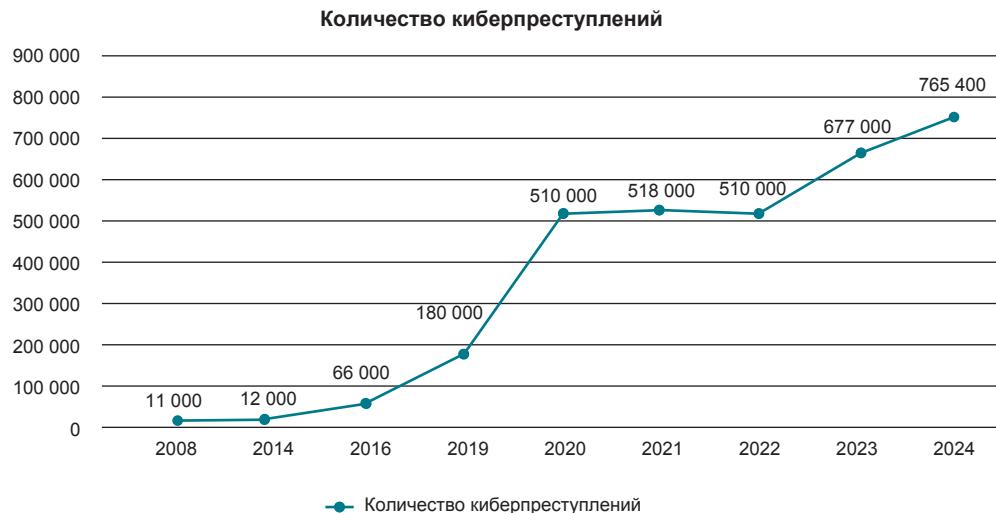

Рис. 1. График роста числа киберпреступлений с 2008 по 2024 г.²

Цель применения цифровых технологий для обезвреживания киберпреступлений – защита физических и юридических лиц, а также государства от мошенников, утечки конфиденциальных данных, финансовых потерь, использования пиратского контента и т. п. В задачи входят также разработка правовых и технических мер противодействия таким правонарушениям и создание специальных подразделений для их расследования.

Рассмотрим пример применения информационных технологий для защиты данных и предотвращения кибератак на примере Государственной корпорации «Ростех» (далее – «Ростех»)³.

«Ростех» – это российская государственная корпорация, созданная в конце 2007 г. для помощи и содействия в разработке и производстве высокотехнологичной промышленной продукции, которая предназначена для гражданского и военного назначения⁴.

² Составлен автором по данным анализа: Число киберпреступлений в России (см. сноска 1); [3].

³ Ростех представил на ЦИПР систему противодействия кибератакам // Ростехнадзор : [сайт]. URL: <https://www.gosnadzor.ru/news/67/8505/> (дата обращения: 17.02.2025).

⁴ Россия: географические факторы и природные богатства ЦФО : метод. пособие для вузов / авт.-сост. В. М. Марасанова. Ярославль : ИПК «Индиго», 2023. 80 с. URL: https://www.uniyar.ac.ru/upload/medialibrary/f20/1_Rossia_geograficheskie_faktory.pdf.

Компания «РТ-информационная безопасность», которая входит в корпорацию «Ростех», представила на форуме «Цифровая индустрия промышленной России» (ЦИПР) отечественную систему RT Protect EDR для обнаружения кибератак и противодействия им. Кроме того, в настоящее время активно ведет работу центр SOC (отдел компании, который занимается постоянным отслеживанием состояния ИТ-инфраструктуры и защитой от киберугроз). В нем используются современные практики и технологии, которые представлены на рис. 2.

Рис. 2. Технологии SOC Ростех⁵

Рассматривая технологии SOC Ростех, необходимо выделить следующие.

1. ELK-стек – это технологический стек на базе опенсорс-проектов Elasticsearch, Logstash и Kibana. Он позволяет быстро и безопасно извлекать данные в нужном формате из любых источников и работать с этой информацией, осуществляя поиск, анализ или визуализацию в режиме реального времени.

- Elasticsearch – хранилище для быстрого и эффективного поиска, а также анализа больших объемов данных. Оно сочетает в себе различные функции базы данных, поисковой и аналитической системы.

- Logstash – приложение для сбора информации из всех возможных источников, преобразования ее в удобный для работы формат. Logstash позволяет фильтровать, массировать и структурировать интересующие данные.

- Kibana – небольшое дополнение для Elasticsearch, которое отвечает за визуализацию данных, аналитику и представление итоговой информации в удобном для восприятия виде. Kibana позволяет быстро анализировать итоги поиска, выискивать закономерности и представлять, где именно в проекте находятся недоработанные и слабые места.

2. Интегрированное IRP-решение. Интегрированное IRP-решение в RT Protect SOC Государственной корпорации «Ростех» позволяет уменьшить время реагирования на инцидент до 5 минут.

3. Собственный Threat Intelligence-портал аналитики позволяет загружать файлы для анализа и интегрирован с VirusTotal – это онлайн-плат-

⁵ Составлено автором по данным анализа: РТ-Информационная безопасность. URL: <https://rt-ib.ru/docs.html> (дата обращения: 17.02.2025).

форма, предназначенная для проверки файлов и веб-ресурсов на вирусы и другое вредоносное программное обеспечение. Портал предоставляет актуальную подробную информацию об угрозах по CVE, IP-адресам, хэшам, доменам, URL, правилам, техникам и тактикам, данным WHOIS и другим параметрам.

Рассмотрим также использование современных практик и технологий для обезвреживания киберпреступлений ПАО «Газпром» (рис. 3), российской энергетической компании, более 50% акций которой контролирует государство. Основные направления ее работы – геологоразведка, добыча, транспортировка, хранение, переработка и реализация газа, газового конденсата и нефти. Она занимается в том числе производством и сбытом электроэнергии.

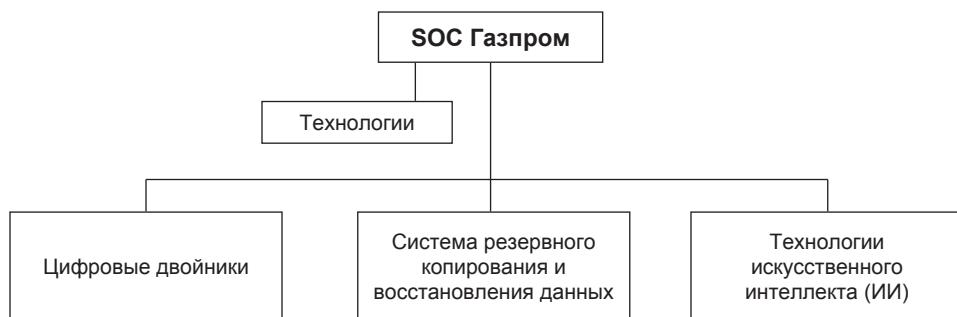

Рис. 3. Технологии SOC Газпром⁶

1. Цифровые двойники – это виртуальные копии объектов, которые имеют физические характеристики и сопровождаются процессами внутри объекта. Главным процессом цифровых двойников является обеспечение кибербезопасности объекта и прогноз работы оригинала в различных условиях. Также цифровые двойники при обнаружении атаки помогают реальному объекту незамедлительно начать расследование.

2. Система резервного копирования и восстановления данных осуществляется на базе «Кибер Бэкап»⁷. Российская база «Кибер Бэкап» специализируется на восстановлении и копировании данных от различных вирусов. Ее используют как ПАО «Газпром», так и большинство его дочерних компаний, например ООО «Газпром трансгаз Сургут».

3. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) способствуют:

- обнаружению угроз, установлению возможных угроз;
- прогнозированию и предотвращению будущих атак на основе анализа произошедших вторжений;

⁶ Составлено автором по данным анализа: Информационная безопасность ОАО «Газпром»: проблемы гиганта // Информационная безопасность : [сайт]. URL: https://lib.itsec.ru/articles2/focus/informacionaya_bezopasnost_oao (дата обращения: 16.02.2025).

⁷ Как «Кибер Бэкап» защищает данные бизнеса // ixbt.com : [сайт]. URL: <https://www.ixbt.com/infopages/cyber-backup.html> (дата обращения: 19.02.2025).

- анализированию информации о пользователе и блокированию подозрительных действий.

Цифровая трансформация требует высококвалифицированных специалистов, способных работать с новыми технологиями, такими как искусственный интеллект, интернет вещей (IoT), робототехника и аналитика больших данных [5].

В результате анализа систем информационной безопасности, используемых в деятельности Госкорпорации «Ростех» и ПАО «Газпром», было выявлено, что у каждой крупной организации есть возможности и свои пути предотвращения кибератак. Данные технологии эффективно применяются на практике, при этом у них есть существенные отличия, эффективные для каждой организации в отдельности.

Несмотря на это, при обнаружении киберугрозы разные организации предпринимают шаблонные меры:

1) минимизация ущерба с помощью изоляции. Чтобы избежать заражения сети при обнаружении кибератаки, необходимо быстро ее изолировать;

2) своевременный анализ и Incident Response. Сотрудники должны своевременно проводить анализ угроз, устанавливать их источник и реагировать на инциденты;

3) принятие мер по устранению уязвимостей. Необходимо предпринимать меры по предотвращению повторного возникновения атак и угроз с помощью выявления уязвимостей в сетях;

4) быстрое восстановление систем и работоспособности данных в случае их повреждения;

5) полный анализ инцидента с выявлением причин угроз для составления шаблонного метода недопущения подобных инцидентов в будущем.

В соответствии с данным шаблоном описываются подробные инструкции и процедуры Play-book, которые необходимо предпринять при обнаружении информационных угроз.

Быстрое развитие технологий требует постоянного обновления знаний и навыков специалистов, а также адаптации существующих систем защиты к новым угрозам. Кроме того, необходимо учитывать аспекты правового регулирования и этические вопросы, связанные с использованием цифровых технологий.

В заключение можно признать, что меры предотвращения кибератак достаточно эффективны. У каждой организации они свои, и каждая компания применяет свои технологии. Однако у всех очень похожий алгоритм действий при появлении угрозы извне.

Список источников

1. Милкина Ю. А., Макарова Е. Е. Внедрение современных информационных технологий в строительную отрасль // Организатор производства. 2021. Т. 29, № 3. С. 101–110.
2. Сыщикова Е. Н., Макарова Е. Е., Муратова М. Н. Обоснование необходимости внедрения непрерывного процесса обеспечения информационной безопасности на предприятиях // Наука Красноярья: экономический журнал. 2024. Т. 13, № 1. С. 7–21.

Шавишиева М. С. Предупреждение киберпреступлений в условиях цифровой трансформации

3. Шавишиева М. С. Анализ поведения компьютерной системы под воздействием информационных угроз // Инновационное развитие экономики России: вызовы и решения : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 17 апреля 2024 г.) / сост. Н. А. Ершова, О. В. Юткина. М. : РГУП, 2024. С. 68–73.
4. Александрова М. В., Проскурина З. Б., Юткина О. В. Влияние политики государства на финансовую безопасность страны в условиях цифровизации // Управленческий учет. 2024. № 9. С. 450–455.
5. Сыщикова Е. Н., Макарова Е. Е. Конвергентные проблемы управления инновационно-промышленным развитием экономических систем на современном этапе // Организатор производства. 2024. Т. 32, № 3. С. 53–65.

References

1. Milkina, Yu. A., Makarova, E. E. Introduction of modern information technologies in the construction industry. *Organizer of Production*. 2021;29(3):101-110. (In Russ.)
2. Syshchikova, E. N., Makarova, E. E., Muratova, M. N. Substantiation of the need to implement a continuous information security process at enterprises. *Krasnoyarsk Science: Economic Journal*. 2024;13(1):7-21. (In Russ.)
3. Shavisheva, M. S. Analysis of the behavior of a computer system under the influence of information threats. In: N. A. Ershova, O. V. Yutkina, comp. *Innovative development of the Russian economy: challenges and solutions*. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, 17 April 2024). Moscow: Russian State University of Justice; 2024. Pp. 68–73. (In Russ.)
4. Alexandrova, M. V., Proskurina, Z. B., Yutkina, O. V. The influence of state policy on the financial security of the country in the conditions of digitalization. *Upravlencheskij uchet = Management Accounting*. 2024;(9):450-455. (In Russ.)
5. Syshchikova, E. N., Makarova, E. E. Convergent problems of management of innovation-industrial development of economic systems at the present stage. *Organizer of Production*. 2024;32(3):53-65. (In Russ.)

Информация об авторе

М. С. Шавишиева – студент 3 курса.

Information about the author

M. S. Shavisheva – 3rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 05.05.2025.

Научная статья

УДК 340.113.1

EDN: WSVJLV

Феномен слова «взятка»: лингвистический и юридический аспекты

Анастасия Евгеньевна Лихачева

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация

✉ asya.004.16@gmail.com

Научный руководитель: **Л. И. Новикова**, д.пед.н., доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. В статье рассматриваются понятие взятки и сопряженные с ним правовые термины: коррупция, взяточничество. Автор проанализировал, как представлены данные понятия в словарях и научной лингвистической литературе: рассмотрел этимологию слова, синонимический ряд, однокоренные слова и словоупотребление. Рассмотрены также понятия права, имеющие отношение к проблеме взяточничества. Их анализ выявил сложность и неоднозначность правовой трактовки данной группы юридических терминов. Автор представил результаты ассоциативного эксперимента, который был проведен в студенческих группах и среди учеников 8 и 10 классов. Теоретическую основу данного исследования составляют работы ученых, словари и справочники, объясняющие понятие «взятка», нормативные правовые акты, связанные с регулированием коррупции, взяточничества.

В ходе лингвистического анализа понятия «взятка» и изучения его взаимосвязи с юридическим термином «коррупция» исследуется активное семантическое поле данного понятия. «Взятка» – юридический термин, от которого происходит понятие «взяточничество», неразрывно связанное с другим – «коррупция»; при этом последние два часто отождествляются. По результатам исследования сделан вывод о том, что рассмотрение понятия «взятка» с двух позиций показывает целостное представление не только о данной лексеме, но и о таких явлениях, как «взяточничество» и «коррупция».

Ключевые слова: взятка, взяточничество, коррупция, этимология, сочетаемость, синонимический ряд, словоупотребление, ассоциативный эксперимент, противодействие коррупции

Для цитирования: Лихачева А. Е. Феномен слова «взятка»: лингвистический и юридический аспекты // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 157–165.

Original article

The Phenomenon of the Word “Bribe”: Linguistic and Legal Aspects

Anastasiya E. Likhacheva

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,

Moscow, Russian Federation

✉ asya.004.16@gmail.com

Scientific supervisor: L. I. Novikova, Doctor of Sciences (Pedagogical),
Associate Professor, Head of the Russian Language and Culture of Speech
Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. The article examines the concept of a bribe and related legal terms: corruption, bribery. The author analyzed how these concepts are presented in dictionaries and scientific linguistic literature: he examined the etymology of the word, the synonymous series, cognate words and word usage. The concepts of law related to the problem of bribery were also considered. The author showed the results of an associative experiment, which was conducted in student groups and among students in grades 8th and 10th. The theoretical basis of this study is the works of scientists, dictionaries and reference books explaining the concept of “bribe”, regulatory legal acts related to the regulation of corruption and bribery.

Starting with a linguistic analysis of the concept of “bribe” and ending with a study of its relationship with the legal term “corruption”, the active semantic field of this concept is investigated. “Bribe” is a legal term from which the concept of “bribery” is derived, which is inextricably linked with another – “corruption”; the latter two are often identified. Based on the results of the study, it was concluded that examining the concept of “bribe” from two positions shows a holistic view not only of this lexeme, but also of such phenomena as “bribery” and “corruption”.

Keywords: bribe, bribery, corruption, etymology, compatibility, synonymous series, word usage, associative experiment, anti-corruption

For citation: Likhacheva, A. E. The phenomenon of the word “bribe”: linguistic and legal aspects. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):157-165. (In Russ.)

Вследствие остроты проблемы взяточничества и коррупции принят ряд нормативных правовых актов, которые направлены на противодействие им. Ведется совершенствование антикоррупционного законодательства в целях минимизации и устранения данных неправовых явлений. Наиболее значимым является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹. Помимо этого, издаются законы субъектов Российской Федерации, закрепляющие основные положения антикоррупционной деятельности (например, Закон г. Москвы от 17 декабря 2014 г. № 64 «О мерах по противодействию коррупции в городе Москве»²).

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

² Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2014. № 72. 30 дек.

Коррупция, взяточничество понимаются нами как должностные преступления, основанные на незаконном личном обогащении. Взятки представляют серьезную опасность для правового развития общества, поскольку продажность должностных лиц противопоставляется принципу верховенства закона и моральным ценностям. Однако не все понимают эту угрозу социуму, не осознают, что взятка – это не своеобразный «двигатель», способный избавить от проблем, не безобидный подарок, а прежде всего преступление, которое влечет ответственность двух сторон.

Теоретические основы, методы. В обзор включены толковые словари XVIII, XIX, XX вв., словари синонимов, а также статьи, посвященные рассмотрению данной лексемы с лингвистической и правовой сторон. Понятие взятки изучалось учеными разных направлений: филологами (С. Г. Воркачев, Е. И. Галышина, А. М. Плотников), юристами (А. Ф. Ноздрачев, М. Б. Смоленский), экономистами (Н. П. Купрещенко).

Основными методами исследования являлись анализ лингвистической, юридической и художественной литературы; сравнение, сопоставление лингвистических, юридических фактов и терминов; методы обобщения и синтеза; ассоциативный эксперимент; привлечение литературных произведений и произведений живописи. Практическая сторона исследования связана с тем, что понятие «взятка» не является отвлеченным, абстрактным, а представляет собой часто встречающийся механизм неправового решения споров, проблем. Полагаем, что проведение подобных исследований, а также знакомство с его результатами будут способствовать формированию антикоррупционного мировоззрения и поведения студентов.

Результаты исследования. Слово «взятка» – это отлагольное существительное, происходит от глагола «взять». Словарь русского языка XVIII в. определил «взятку» («взяток») как «получение денег с кого-либо», а также как «незаконные поборы с просителей»³. В. И. Даля в словарной статье, посвященной слову «взятка», дает лишь однокоренные слова (взяточник, взять) и отсылает читателей к другой статье, к лексеме «взять», в которой появляются целый «букет» синонимов и толкование слова «взятка»: «срыв, поборы, приношения, дары, гостины, приносы, пикшешь, бакшиш, хабара, мога-рычи, плата или подарок должностному лицу, во избежание стеснений, или подкуп его на незаконное дело»⁴. Это же понятие в словаре С. И. Ожегова характеризуется как «деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата караемых законом действий»⁵.

Понятие «взятка» известно примерно с XV в., а до этого использовались слова «мздоимство» и «лихоимство»⁶. В словаре синонимов З. Е. Алексан-

³ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3 (Век – Воздувать) / сост. А. А. Алексеев и др. Л. : Наука, 1987.

⁴ Даляр В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М. : Рус. яз., 1989.

⁵ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд. М. : Сов. энцикл., 1973.

⁶ См.: Судебник 1497 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина : [сайт]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13625>.

дровой приведен следующий ряд близких по значению слов с определенными пометами: «подмазка (прост.); мзда, бакшиш (уст. разг.); хабар, хабара, хапанцы (уст. прост.)», а также дан устаревший фразеологизм «барашек в бумажке»⁷. Аналогичные синонимы приведены в словаре Н. Абрамова, к ним добавлено слово «барыш»⁸. Некоторые из названных синонимов употребляются в ином значении, например, в словаре Д. Н. Ушакова у лексемы «бакшиш» указываются такие значения, как подарок, подачка на чай; а у слова «хабар» – прибыль, выигрыш, зарплата⁹. Сейчас взятка не только представляется отрицательным явлением, которое существует уже долгое время, но и определяется, как указывает К. В. Старикова, в качестве доброжелательного жеста за выполнение или невыполнение той или иной услуги. Поэтому появляются такие синонимы, как подарок, благодарность, «бонус» и «мотивация» [1, с. 88].

В Философском словаре дается определение взятки не через отрицательную, а через нейтральную характеристику¹⁰. Философское понимание взятки как бы смягчает ее негативный характер. Очевидно, такое толкование сделано не столько для оправдания взятки, сколько для сохранения общего нейтрального стиля изложения.

Рассматриваемое слово закреплено в некоторых словарях с пометами «бизн.» и «торг.» и понимается как «сумма денег, неофициально уплачиваемая фирмой-исполнителем сотруднику фирмы-заказчика за размещение заказа (уплачивается втайне от руководства фирмы-заказчика)»¹¹ или «вз награждение менеджеру или государственному чиновнику (заказчику) от производителя (подрядчика) за проведение тендера или размещение крупного заказа»¹².

Если обратиться к употреблению слова «взятка», то интерес представляет сочетаемость данного слова с другими. Е. И. Галяшина выделяет ряд речевых характеристик, связанных с совершением взятки: требование, по-нуждение, принуждение, подстрекательство, уговор и т. д. [2, с. 133]. Часто рассматриваемая лексема употребляется в сочетании с глаголами «дать», «брать», «намекать», «просить», «обещать», «подсовывать», «сунуть» и многими другими.

Слово «взятка» вошло в речь людей, поэтому появились однокоренные слова с основой «взятк-». Так, лица, производящие действия, начали на-

⁷ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. 4-е изд. М. : Рус. яз., 1975.

⁸ Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М. : Рус. словари, 1999 // Грамота : [сайт]. / URL: <http://gramota.ru/slovare/dic/?word=%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BA%D0%B0&all=x>.

⁹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка // Slovar.cc : [сайт]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html>.

¹⁰ Философский словарь // Gufo.me : [сайт]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict/%D0%92%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BA%D0%B0.

¹¹ Там же.

¹² Финансовый словарь // Академик : [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/>.

зываться «взяткодатель» и «взяткополучатель», а лицо, которое связано с деятельностью, где распространено рассматриваемое явление, – «взяточник». Встречаются и окказиональные наименования: «взяткобратель», «взяткохват» [3, с. 52]. Представление о государственных структурах, где чаще всего дают и берут взятки, породило словосочетания «взяткоемкая должность», «взяткоемкость структур», «система, построенная на взятках». Распространено в употреблении существительное «взяточничество», которое характеризуется как «противозаконное получение денег, ценных вещей (взяток) в обмен на получение привилегий, оказывание незаконных услуг, предпочтений, “проталкивание” дел взяткодателя» [3, с. 52].

Исследователи отмечают, что взяточничество как тяжелое преступление и, увы, распространенное явление ассоциируется у носителей языка с такими словами, как «лесть», «интриги», «угрозы», «бюрократизм», «коррупция», «произвол», «давление», «вымогательство» и др. [3, с. 54].

Нами был проведен ассоциативный эксперимент с участием студентов вузов и учащихся школ. Респондентами выступили студенты РГУП им. В. М. Лебедева факультета подготовки специалистов для судебной системы очной формы обучения 2 курса 8 группы; студенты медицинского факультета Первого МГМУ им. И. М. Сеченова; ученики 8 и 10 классов МБОУ СОШ № 10 имени Героя Российской Федерации А. Б. Ушакова. Не задавая вопрос напрямую, выясняли отношение респондентов к взяточничеству и взяткам через ассоциации: «С какими существительными, глаголами, прилагательными ассоциируется слово “взятка”?» Ассоциации респондентов показали, что у одних взятка ассоциируется со словами с негативными коннотациями («подлость», «лицемерие», «обман», «вранье», «грех», «корысть»), у других восприятие слова положительное или нейтральное («благодарность», «помощь», «спасибо», «подарок», «деньги», «зарплата»). Были ответы, основанные на ассоциациях с однокоренными словами слова «взятка» и с часто употребляемыми словами, не выявляющие отношения студентов к данному явлению: «дать», «получить», «взять», «занести», «денежная», «крупная». Среди единичных случаев отметим ассоциацию «ГАИ», «полиция», «чиновник», ассоциацию с русским классиком Н. В. Гоголем, который в своих произведениях поднимал тему коррупции чиновников; вспомнили такие фразеологизмы, как «дали на лапу – подставь другую», «взятки гладки», а также привели цитату Александра Фюрстенберга: «Дали взятку – и восторжествовала законность».

Всего в эксперименте приняло участие 26 человек, которые указали на множество разных ассоциаций со словом «взятка»; в табл. 1 указано процентное соотношение ответов респондентов.

Таблица 1

Результаты ассоциативного эксперимента

Негативные ассоциации по отношению к слову «взятка»	40%
Положительные или нейтральные ассоциации по отношению к слову «взятка»	15%
Ответы, основанные на ассоциациях с однокоренными словами слова «взятка», не выявляющие отношения студентов к данному явлению	30%
Иные ассоциации	15%

Из проведенного эксперимента можно сделать вывод, что представление о взятках характеризуется с точки зрения морально-нравственных установок, демонстрирует сложившееся негативное или позитивно-нейтральное отношение к взяткам либо указывает на сферу распространения взяточничества. Кроме этого, стоит отметить, что произведения Н. В. Гоголя оставили отпечаток в памяти и сознании студентов, учеников и ассоциируются с рассматриваемым явлением. Также интересен тот факт, что студенты юридического и медицинского факультетов показали разное отношение к данному явлению: студенты-юристы в большей степени отмечали нейтральную сторону взяточничества, в то время как другие раскрыли его с помощью часто употребляемых слов и словосочетаний. Учащиеся 8 и 10 классов, наоборот, говорили больше в негативном ключе о коррупции и взяточничестве, приводили примеры цитат и фразеологизмов. Таким образом, эксперимент демонстрирует, как окружающая среда (школа, разная специализация университетов) влияет на восприятие того или иного явления.

Анализ слова «взятка», его значений, синонимического ряда, особенностей словоупотребления показывает, что слово «цветет» в языке пышным цветом. Семантическое поле лексемы очень активно, слова и выражения часто используются. Если оценивать отношение людей к явлению, обозначаемому словом «взятка», то ученые отмечают, что «отношение это чаще негативное», однако взятка нередко воспринимается как «нечто необходимое, вынужденное, а поэтому отчасти одобряемое» [3, с. 54]. Подтверждают эти выводы и результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента.

Однако слово «взятка» рассматривается и как юридическое понятие, которое тесно связано с понятием «взяточничество». В современном мире возникает проблема понимания данного термина, поскольку на бытовом уровне слова «взяточничество» и «коррупция» подменяют друг друга. В юридической науке по этому вопросу нет единого мнения.

Само понятие «коррупция» восходит к тем временам, когда начинают зарождаться первые системы управления, складываются государства. Коррупция с древнеримского («соггитро») переводится как «подкуп», «порча». Изначально в римском праве коррупция была неподобающим поведением, только позже это стало преступлением. В российское законодательство термин был введен в начале XX в., однако до сих пор ведутся споры, связанные с его пониманием и толкованием.

По сей день это понятие, как считают исследователи, охватывает и этические отклонения, и правонарушения (преступления) [4, с. 12].

Ученые толкуют коррупцию как:

- «социальную болезнь общества» [5, с. 44];
- «исключительно взяточничество» [4, с. 12];
- «совокупность составов правонарушений, предусмотренных в законодательстве Российской Федерации и отличающихся таким квалифицирующим признаком, как использование должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [6, с. 34];

- «сложное социальное явление, имеющее различные формы проявления, которые не всегда очевидны» [7, с. 3];
- «подкуп, получение или дача взятки, иные коррупционные преступления» [7, с. 4];
- «любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением как для себя, так и для аффилированных лиц (например, своих родственников) выгоды материального характера (имущества, услуг или льгот), а также иной нематериальной выгоды...» [7, с. 4];
- «использование своих возможностей (в том числе законных) должностным лицом вопреки публичному (общественному и государственному) интересу» [8, с. 14].

В настоящее время определение коррупции закреплено в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»:

«а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте “а” настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».

Таким образом, разграничение данных понятий позволяет увидеть сходство и различие между понятиями, устранив противоречия в понимании терминов, которые осознаются нами как общее (коррупция) и частное проявление общего (взяточничество).

Подводя итоги, отметим, что в статье понятие «взятка» было рассмотрено с двух позиций: с точки зрения лингвистики и права. Языковой анализ показал, что рассматриваемое явление было распространено с древности, а возникновение новых синонимов – признак того, что взяточничество не изжито и проявляется себя в современных условиях по-новому. Анализ лексемы с правовых позиций ясно продемонстрировал, что «взятка» – юридический термин, от которого происходит понятие «взяточничество», не разрывно связанное с другим – «коррупция», относительно понимания и разграничения которых нет единого мнения. Ассоциативный эксперимент дал возможность увидеть, что отношение к слову «взятка» и связанному с ним явлению неоднозначное, с преобладанием негативной оценки. В целом анализ слова и экспериментальная работа позволили установить сложность данного понятия и необходимость учитывать полученные результаты в процессе организации работы по противодействию коррупции.

Список источников

1. Старикова К. В. Слово взятка: семантический и прагматический аспекты // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: эволюция интерпретаций :

Лихачева А. Е. Феномен слова «взятка»: лингвистический и юридический аспекты

- тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. 40-летию образования и науч. деятельности каф. современ. рус. яз. и приклад. лингвистики Урал. федер. ун-та (Екатеринбург, 23–24 окт. 2014 г.) / отв. ред. Т. М. Воронина. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. С. 87–89.
2. Галышина Е. И. Семантика «взятки» в русской языковой ментальности // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 2. С. 131–151.
3. Плотников А. М., Старикова К. В. Динамика лексико-семантического поля «взятка» в русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3-2. С. 51–56.
4. Купрещенко Н. П. Коррупция и ее негативные последствия в системе современных экономических отношений России // Вестник экономической безопасности. 2008. № 3. С. 12–17.
5. Смоленский М. Б. Исторический аспект возникновения коррупции и борьбы с ней // European Journal of Law and Political Sciences. 2018. No. 1. P. 44–47.
6. Ноздрачев А. Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах // Адвокат. 2007. № 10. С. 34–49.
7. Кудашкин А. В., Козлов Т. Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6. С. 3–8.
8. Конституционное право и проблемы коррупции: видение молодых ученых : коллектив. моногр. / отв. ред. С. Н. Шевердяев. М. : Юстицинформ, 2016. 452 с.

References

1. Starikova, K. V. The word “bribe”: semantic and pragmatic aspects. In: T. M. Voronina, ed. *Theoretical semantics and ideographic lexicography: the evolution of interpretations*. Abstracts of reports and messages of the International Scientific Conference dedicated to the 40th anniversary of the formation and scientific activity of the Department of Modern Russian Language and Applied Linguistics of the Ural Federal University (Yekaterinburg, 23–24 October 2014). Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj; 2014. Pp. 87–89. (In Russ.)
2. Galyashina, E. I. Semantics of “bribery” in the Russian language mentality. *Chelovek: obraz i sushchnost'*. *Gumanitarnye aspekty = Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2019;(2):131-151. (In Russ.)
3. Plotnikov, A. M., Starikova, K. V. Dynamics of the semantic field of the word “bribe” in the Russian language. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 2016;(3-2):51-56. (In Russ.)
4. Kupreshchenko, N. P. Corruption and its negative consequences in the system of modern economic relations of Russia. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*. 2008;(3):12-17. (In Russ.)
5. Smolenskiy, M. B. The historical aspect of corruption and struggle against it. *European Journal of Law and Political Sciences*. 2018;(1):44-47. (In Russ.)
6. Nozdrachev, A. F. Corruption as a legal problem in questions and answers. *Advokat = Advocate*. 2007;(10):34-49. (In Russ.)
7. Kudashkin, A. V., Kozlov, T. L. Once again on the legal concept of corruption. *Sovremennoe pravo = Modern Law*. 2010;(6):3-8. (In Russ.)
8. Sheverdyaev, S. N., ed. *Constitutional law and the problem of corruption: the vision of young scientists*. Collective monograph. M. : Yustitsinform; 2016. 452 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Е. Лихачева – студент 3 курса.

Information about the author

A. E. Likhacheva – 3rd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 06.06.2025; принята к публикации 18.06.2025.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 06.06.2025; accepted for publication 18.06.2025.

Новояз как общественно-политическое и правовое явление

Мария Константиновна Меремьянинова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация
✉ omphalos@inbox.ru

Научный руководитель: Е. А. Бурдина, к.филол.н., доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. В исследовании проведен анализ специфических черт новояза, уделено внимание этому явлению как языку власти не только в публицистическом стиле, но и в официально-деловом. Для этого рассмотрены законодательные акты разных эпох, в текстах которых выявлены черты новояза. При сравнительно-сопоставительном анализе текстов законов автор делает акцент на диахроническом и синхроническом аспектах формирования новояза, а также на том, каким образом новояз влияет на сознание граждан.

Ключевые слова: новояз, лингвистика, право, власть

Для цитирования: Меремьянинова М. К. Новояз как общественно-политическое и правовое явление // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 166–173.

Original article

Newspeak as a Socio-Political and Legal Phenomenon

Maria K. Meremyanina

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,

Moscow, Russian Federation

✉ *omphalos@inbox.ru*

Scientific supervisor: E. A. Burdina, Candidate of Science (Philology), Associate Professor at the Russian Language and Speech Culture Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. This study analyzes the distinctive features of newspeak, considering it as a language of power not only in journalistic discourse but also in official and legal-administrative styles. Legislative acts from various historical periods are examined, with evidence of newspeak features identified in their texts. Through a comparative analysis of legal documents, the author focuses on both the diachronic and synchronic aspects of the development of newspeak, as well as its influence on public consciousness.

Keywords: newspeak, linguistics, law, political authority

For citation: Meremyanina, M. K. Newspeak as a socio-political and legal phenomenon. *Femida. Science = Themis.Science*. 2025;(2):166-173. (In Russ.)

Язык следует за развитием общества, однако и влияние языка на общественное сознание также невозможно переоценить. Ярким примером такого взаимодействия является язык, который называют «квазязыком утопии» [1, р. 7], «деревянным языком» (langue de bois), «языком лжи», а также «новоязом» [2, с. 23]. Термин «новояз» – это калька с английского newspeak, который впервые был употреблен в антиутопии Дж. Оруэлла «1984», где описан язык, специально разработанный для подавления критического мышления и контроля над населением.

Высказывается предположение, что в советском дискурсе новояз отражает своеобразную диглоссию, билингвизм, т. е. использование «...двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах» [1, р. 7], его также называют языком субкультуры, языком пропаганды и агитации [3] и рассматривают в рамках квазиполитического дискурса, реализующего исключительно коммуникацию «сверху вниз» [4, с. 68–69]. Мнения исследователей сходны в том, что новояз противопоставляется литературному языку, нередко отодвигает его на задний план в идеологическом коммуникативном акте и становится языком власти.

С другой стороны, новояз может реализовываться в теории габитуса – целостной системы диспозиций восприятия, оценивания и т. д. индивидом социальных структур, которые носят неосознанный характер и, в свою очередь, трансформируют ментальные структуры [1, р. 8]. Иначе говоря, новояз становится частью сознания и меняет картину мира носителя языка.

Ученые-лингвисты выделяют следующие черты русского новоязия [1; 2; 5; 6].

1. Мифотворчество, замена идеи Бога коммунистической религией. Священными становились имена вождей, ключевые идеологемы: *Ленин, Сталин, коммунист*.

2. Революционное наполнение лексем, эксплицирующих общечеловеческие категории: *отец народов, враг народа, социалистическая Родина*.

3. Клишированные конструкции лозунгового и официального характера: *учение Ленина истинно, потому что верно; светлое коммунистическое будущее*.

4. Оппозиция «свои» – «чужие» в классовом формате: *два мира – две системы, чуждая советскому народу идеология*.

5. Использование военной лексики, отражающей иерархию вертикали власти: *битва за урожай, мать-героиня*.

6. Неопределенно-личные, безличные и пассивные синтаксические конструкции с императивно-приказной семантикой, символизирующие обезличенность и всесильность власти: *«Необходимо язык газеты сделать вполне доступным массовому читателю <...> Особенno следует обратить внимание на обработку иностранной информации, делая ее понятной каждому мало-мальски грамотному крестьянину»¹*.

7. Метонимическое олицетворение: *партия приказала, комсомол поднялся на борьбу*.

8. Использование церковной лексики в пропагандистском дискурсе: *апостолы революции, покаяться в своей принадлежности к троцкистам*.

9. Социальная регламентация: *народ = электорат*.

10. Высокая оценочность: *гениальный вождь и учитель, большевистский характер, либерасты*.

11. Десемантизация (процесс, когда лексема теряет свое значение, остается лишь ритуал ее употребления): лексема *выборы* десемантизовалась в советскую эпоху, когда в избирательном бюллетене значилась только одна фамилия кандидата («выбор без выбора»).

12. Эвфемистичность: *неимущие = нищие; магазин эконом-класса = магазин с дешевыми товарами; ликвидировать банду = убить членов банды*.

Коллективный идиостиль эпохи СССР, эксплицированный новоязом, реализовывался прежде всего в публицистическом дискурсе, а также в дискурсе советской литературы, отражающей партийную идеологию (соцреализм), однако нередко клише новояза проникали в разговорный стиль, обедняя его. Внедрение речевых стереотипов канцелярско-бюрократического стиля в языковое сознание лишило способности мыслить критически; возникало моносознание – «форма мышления, основывающаяся на принципе единственности, принятом или навязываемом априорно как единственном из возможных принципов» [7, с. 14].

¹ Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1924 г. «О формах связи газет с рабочими и крестьянскими читателями» // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М. : Политиздат, 1987. С. 221.

В период Перестройки советский новояз начинает разрушаться, формируется демократичный стиль общения власти с гражданами, что порой приводит к плеоназму: так, лексема *выборы*, десемантизированная в советскую эпоху, активно употребляется с прилагательным *альтернативные*, хотя *выборы* по своей природе и не могут быть иными [2, с. 23].

Следует отметить, что с распадом Советского Союза новояз не исчез бесследно, его элементы встречаются в риторическом политическом дискурсе до сих пор. Например, высказывание члена партии «Единая Россия», начинаяющееся с фразы «Может, кому-то не нравится...», способно расцениваться как пример квантора существования, т. е. противника². Можно сказать, что существование новояза вышло на новый этап, связанный с его трансформацией.

К современным чертам новояза в публицистике и интернет-общении относят прежде всего: 1) высокую эвфемизацию речи: *хлопок* = взрыв; *оптимизация* = увольнение; лица *чувствительной категории* = лица, которые более всего могут пострадать в плену во время СВО, т. е. имеющие отношение к ФСБ, ФСО, ГРУ, военные высокого ранга; 2) яркую оценочность, связанную с противопоставлением «свои» и «чужие»: *укры, наципредатели, иноагент*; 3) лингвистический цинизм: *мобики* (от *мобилизованные*); 4) новый всплеск словообразования от аббревиатур: *чевэкашики, своишики*³.

Как видим, новояз связан с политикой и идеологией и активно проявляет себя в публицистике и разговорной речи, однако возникает вопрос, имеет ли он место в дискурсе законодательных актов, ведь язык официальных документов не только заключает в себе юридическое содержание, но и несет идеологическую нагрузку, отражая мировоззренческие установки власти.

Обратимся к текстам законодательных актов различных эпох, начиная от Сталина и до настоящего времени.

Конституция СССР 1936 г. (так называемая «сталинская Конституция») отражает жесткую идеологическую установку. Например, ст. 125 декларирует: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР обеспечивается свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций»⁴. Однородные члены здесь представляют собою семантически опустошенные лек-

² Федорченко А. Профессор Даниэль Вайсс: «советский язык», великий и могучий... // Наша газета. 2013. 10 апр. URL: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/professor-daniel-vayss-sovetskiy-yazyk-velikiy-i-moguchiy>.

³ «Недаром сегодня часто вспоминают Оруэлла и его новояз». Филолог о том, как за последний год изменился русский язык и что это говорит о нас // Бизнес-газета. 2023. 27 февр. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/584983>; Хлопок на месте взрыва и загадочное плато: читаем новости между строк // Радио Комсомольская правда. 2020. 20 мая. URL: https://radiokp.ru/khlopok-na-meste-vzryva-i-zagadochnoe-plato-chitaem-novosti-mezhdu-strok_nid21895_au4338au.

⁴ Конституция СССР 1936 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина : [сайт]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13821>.

семы: как мы знаем из истории, гарантии свободы существовали в то время лишь на бумаге. Наблюдается также эвфемизация: так, словосочетание «укрепление социалистического строя» фактически означает подавление инакомыслия. Клишированность выражается в устойчивых формулировках наподобие «интересы трудящихся».

Период Хрущева сопровождается пересмотром сталинского наследия, что находит отражение и в официальных текстах. В Постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» (1956) подчеркивается: «ЦК КПСС считает необходимым продолжить разоблачение преступных деяний Сталина, добиваться ликвидации последствий культа личности и обеспечивать дальнейшее развитие ленинских норм партийной жизни и советской демократии»⁵. Этот документ лишен черт сталинского новояза, однако по-прежнему используются идеологическое клише «ленинские нормы» и эвфемизация: «ликвидация последствий культа личности» заменяет прямое признание массовых репрессий и реабилитацию пострадавших от них граждан.

Конституция СССР 1977 г. демонстрирует возрождение идеологического контроля: «Верховный Совет СССР является высшим органом государственной власти СССР и выражает волю многонационального советского народа»⁶. Это типичный пример семантического опустошения: клише «выражает волю народа» маскирует отсутствие реальных демократических процедур. Кроме того, для текста документа характерно обилие аббревиатур: ВС СССР, ЦК КПСС, КГБ и т. д.

Закон СССР «О гласности» (1989) вводит принцип прозрачности, но сохраняет традиционные элементы партийной риторики: «Гласность в деятельности государственных органов и должностных лиц является важнейшим принципом социалистического демократизма»⁷. Несмотря на появление нового термина *гласность*, формулировка «социалистический демократизм» остается идеологическим клише.

Конституция Российской Федерации 1993 г. знаменует отход от тоталитарного новояза: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную». В тексте отсутствует идеологическая риторика, но элементы эвфемизации сохраняются: так, «осуществляется на основе» звучит нейтрально, но не гарантирует реального соблюдения принципа разделения властей.

Современные поправки к российским законам демонстрируют тенденцию к эвфемизации.

⁵ Постановление ЦК КПСС 1956 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Конституция СССР 1977 г. // Архив исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова : [сайт]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>.

⁷ Закон СССР «О гласности» 1989 г. // Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза (28 июня – 1 июля 1988 г.). М., 1988. С. 144.

1. Так, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁸ оборот речи «временное ограничение доступа к информационным ресурсам» является эвфемизмом, направленным на смягчение восприятия интернет-цензуры, необходимой в сложившейся политической ситуации.

2. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»⁹ – в официальных формулировках используется понятие «специальная операция». Это пример введения нового термина, чтобы подчеркнуть правомерные и правовые обоснования военных действий.

3. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹⁰ – активно используется термин «нежелательная информация», который обладает отрицательной оценочностью, но не отличается императивностью.

4. Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 531-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»¹¹ – термин «иностранный агент» активно применяется для обозначения организаций и лиц, занимающихся политической или общественной деятельностью и получающих финансирование или иную поддержку от иностранных источников либо находящихся под иностранным влиянием. Важно отметить, что лексема *иноагент* не репрезентирует семантику вины и не означает, что лицо совершило какое-либо преступление, что кардинально отличает ее от, например, сочетания *враг народа*. Сегодня в той или иной форме законодательство об иноагентах действует в США, Великобритании, Израиле, Австралии. В нашей стране перечень иноагентов формируется на основании процессуальных решений, которые принимают следственные или судебные органы¹². Приведенная лексема отличается идеологической оценочностью, но не наделяется самой «юридической ответственностью». Так, все произведения известного писателя Б. Акунина, признанного иноагентом, можно найти на ресурсе «Литрес», где их активно приобретают и читают пользователи. Мы считаем важными в этом случае дилемму сем «гражданин» и «писатель» и их разграничение в праве.

5. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия терроризму»¹³ – введено понятие «локализация персональных данных», что подразумевает обязательное хранение данных

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7597.

¹² В финразведке объяснили включение Акунина в список экстремистов. Замглавы Росфинмониторинга объяснил включение Акунина в список экстремистов // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/12/2023/6582b5369a79474919880338>.

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4558.

российских граждан на серверах, расположенных на территории России. Формулировка вводит ограничения для деятельности международных интернет-компаний, это обусловлено сложившейся политической и идеологической ситуацией, но носит оценочно нейтральный характер.

Итак, несмотря на различия в идеологических установках, новояз сохраняет ряд характерных черт во всех анализируемых периодах. Можно отметить следующие основные черты сходства:

- 1) идеологическая насыщенность;
- 2) эвфемизация;
- 3) клишированность;
- 4) обилие аббревиатур.

Мы бы добавили, что в последнее время новояз часто является не столько чертой тоталитарного общества, сколько устоявшейся традицией официально-делового стиля, его формально стилеобразующей чертой.

Анализ текстов показывает, что язык официальных документов – это не просто средство коммуникации, а инструмент формирования общественного сознания. В тоталитарных и авторитарных системах он служит для оправдания репрессий, контроля над населением и манипуляции значениями слов. В периоды демократизации (позднесоветский и постсоветский периоды) язык становится менее жестким, отражая демократизацию государства. Эвфемизация речевых оборотов в современных поправках к законодательным актам усиливается: новые клише используются в первую очередь для того, чтобы граждане не поддались панике в непростой для страны политической ситуации. Смягчение языка права в наши дни используется в том числе для обоснования необходимости принимаемых мер и четкого их ограничения от действий, которые совершались в эпоху тоталитаризма, что характерно для правового государства.

Список источников

1. Bouilov V. Новояз как квазиязык политической догмы для провозглашения нового идеального общества // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2020. Vol. 5, Issue 2. P. 6–20.
2. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкоznания. 1996. № 3. С. 23–31.
3. Бартов А. А. «Новояз» в литературе и в жизни: к 60-летию выхода романа Джорджа Оруэлла «1984» // Нева. 2009. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2009/3/novoyaz-v-literature-i-v-zhizni.html>.
4. Олешкова А. М. «Новояз» как способ дискурсивного конструирования идентичности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 4. С. 68–73.
5. Дементьев В. В. Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей (на материале политической речи) // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 24–40.
6. Кронгауз М. А. Краткий курс новояза // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 7–20.
7. Булыгин А. К. «Котлован» Андрея Платонова. Проблематика и поэтика (Жанрово-композиционное своеобразие и мифопоэтический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 237 с.

References

1. Bouilov, V. Novoyaz as quasi-language of political dogma in its proclamation of new ideal society. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. 2020;5(2):6-20. (In Russ.)
2. Zemskaya, E. A. Newspeak cliches and citation in the language of post-Soviet society. *Voprosy yazykoznanija = Questions of Linguistics*. 1996;(3):23-31. (In Russ.)
3. Bartov, A. A. "Newspeak" in literature and life: on the 60th anniversary of George Orwell's novel 1984. *Neva*. 2009;(3). (In Russ.) URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2009/3/novoyaz-v-literature-i-v-zhizni.html>.
4. Oleshkova, A. M. "Newspeak" as a way of discursive identity construction. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*. 2023;(4):68-73. (In Russ.)
5. Dementyev, V. V. Russian newspeak in the light of the theory of communicative values (on the basis of the political speech). *Political Linguistics*. 2010;(4):24-40. (In Russ.)
6. Krongauz, M. A. The crash course of newspeak. *Voprosy literatury = Literature Issues*. 2015;(1):7-20. (In Russ.)
7. Bulygin, A. K. *Andrey Platonov's "The Foundation Pit": problems and poetics (Genre-compositional features and mythopoetic aspect)*. Cand. Sci. (Philology) Dissertation. St. Petersburg; 2002. 237 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. К. Меремьянина – студент 2 курса.

Information about the author

M. K. Meremyanina – 2nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.05.2025; одобрена после рецензирования 28.06.2025; принятая к публикации 07.07.2025.

The article was submitted 23.05.2025; approved after reviewing 28.06.2025; accepted for publication 07.07.2025.

Научная статья

УДК: 34.096

EDN: YSYKGA

Иноязычные средства с точки зрения языковой политики

Мария Максимовна Хороших

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,

Москва, Российская Федерация

✉ mary.khoroshikh.ibrn@mail.ru

Научный руководитель: **Е. А. Бурдина**, к.филол.н., доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Аннотация. В исследовании проведен анализ лексических и графических иноязычных средств с точки зрения языковой политики. Уделено внимание историческому аспекту, связанному с употреблением иноязычных средств в русском языке, выявлены особенности их использования в связи с законодательными актами Российской Федерации. Автор также обратился к опросу, показывающему отношение носителей русского языка к иноязычным средствам, используя его результаты в качестве иллюстрации своих размышлений.

Ключевые слова: иноязычные средства, лексика, графика, лингвистика, право

Для цитирования: Хороших М. М. Иноязычные средства с точки зрения языковой политики // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 174–181.

Original article

Foreign Linguistic Elements in the Context of Language Policy

Maria M. Khoroshikh

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

✉ mary.khoroshikh.ibrn@mail.ru

Scientific supervisor: E. A. Burdina, Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Russian Language and Speech Culture Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. This study analyzes lexical and graphic foreign linguistic elements in the context of language policy. Particular attention is given to the historical aspect of the use of such elements in the Russian language, as well as to the specific features of their usage in relation to legislative acts of the Russian Federation. The author also refers to a survey illustrating the attitudes of native Russian speakers toward foreign linguistic elements, using its results to support the reflections presented in the paper.

Keywords: foreign linguistic elements, lexis, graphics, linguistics, legislation

For citation: Khoroshikh, M. M. Foreign linguistic elements in the context of language policy. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):174-181. (In Russ.)

«Все народы меняются словами и занимают их друг у друга», – утверждал В. Г. Белинский [1, с. 29]. Действительно, заимствования – естественный лингвистический процесс в любую эпоху. Так, Петр I стремился к европеизации России, а потому активно заимствовал элементы западной культуры и языка, что способствовало появлению новых терминов и выражений в русском языке. При нем в лексический запас русского языка вошли лексемы из немецкого (*ранг, контракт*), французского (*армия, корпус*) и голландского (*гавань, руль*) языков. Павел I, в отличие от своего деда, проявлял более консервативный подход к культуре и языку, стремясь сохранить традиционные ценности, что сдерживало дальнейшую европеизацию языка. Например, первым его распоряжением был строгий наказ торговцам убрать французское название *магазин* и заменить его на русское *лавка*¹.

В наши дни активная глобализация и компьютеризация, несомненно, оказывают воздействие на развитие русского языка. Представители молодого поколения активно изучают английский язык, чтобы общаться в интернете со сверстниками со всего мира, поэтому используют англий-

¹ Меньшиова П. Остановка «Язык русской нации». Петровская эпоха // Изборник : [сайт]. URL: https://www.izbornik.ru/theory/history_of_language/about_language_of_russian-nation (дата обращения: 16.05.2025).

ские лексемы и в русском дискурсе. Более того, при этом англизмы часто отражают новые понятия и идеи, которые не имеют точных аналогов в русском языке. Однако бесконтрольное и бессистемное употребление иностранных лексем в «погоне за Западом» может привести к потере интереса к родному языку: со временем нужда в подборе правильных русских слов и выражений постепенно исчезает, человек становится подвержен «языковой лени», его речь лишается образности и точности.

Вопрос о заимствованиях сейчас настолько важен, что он включен в лингвистическую дисциплину «Экология языка» и отражен в законодательстве. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»² (далее – Федеральный закон о государственном языке) гласит: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной браны), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях, предусмотренных частью 3 настоящей статьи» (п. 6 ст. 1).

Английский язык, являющийся международным средством общения, интенсивно влияет не только на лексику, но и на другие лингвистические ярусы, в частности на графику.

Смешение элементов латиницы и кириллицы в русском дискурсе стало столь активным, что не может не вызывать опасения, не повлияет ли такая комбинация на изменение русского языка в худшую сторону. Если при активизации этого процесса противопоставление кириллицы и латиницы приводило к четкому противопоставлению «свое» и «чужое» [2, с. 471], то не может ли экспансия латиницы повлиять на национальную идентификацию через язык?

Русское письмо с его многовековыми традициями можно назвать консервативным, однако оно также подвержено общему влиянию других языков, что обусловлено в первую очередь виртуальной коммуникацией, сформировавшей новые речевые жанры письменной формы речи, приближенной к устной разговорной: общение на форумах, в группах «Вконтакте», «Телеграмме» и т. д. Нередко при этом латиница комбинируется с кириллицей или иноязычный элемент передается с помощью кириллического алфавита: SIMка, ИТ-специалист [3, с. 14]. Иноязычные элементы активно используются в рекламном дискурсе, где они являются ярким экспрессивным средством, привлекающим внимание потребителя: магазин «BaZap», кафе «Слиффки», парикмахерская «МиЛена», SUPER АКЦИЯ [4, с. 106].

В 2022 г. в Госдуму Российской Федерации был внесен законопроект о запрете использования в рекламе букв алфавитов, созданных не на основе кириллицы. Сенаторы О. Ковитиди и С. Цеков, авторы законопроекта, руководствовались тем, что в настоящее время в рекламных текстах преобладают латинские элементы, поэтому кириллица нуждается в защите. Они отмечали также важность кириллицы в национальной культуре как осно-

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2199.

вы национального кода, который влияет на самобытность и целостность российского государства³. При этом уточнялось, что запрет на латиницу в рекламе не коснется фирменных наименований и товарных знаков, прошедших госрегистрацию.

Однако эксперты Госдумы не поддержали представленный на рассмотрение законопроект, сославшись на то, что русский язык находится под защитой Федерального закона о государственном языке. В п. 3 ст. 1473 ГК РФ также говорится о праве юридических лиц иметь фирменное наименование «на любом языке народов Российской Федерации и (или) иностранном языке».

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), кроме того, отметил, что законопроект о поправках в Закон «О рекламе» мог бы повлечь расходы бизнеса на регистрацию товарных знаков, оформленных латиницей, а комиссия РСПП по связи и ИТ обратила внимание на то, что названия международных стандартов и физических величин, характеристик товаров, названия медицинских приборов, фармацевтических препаратов нередко оформляются на латинице, не имеют аналогов в русском языке и их транслитерация способна ввести пользователей в заблуждение⁴.

Действительно, носители языка привыкли к латинице в русском дискурсе, видят ее и осознают как фрагмент картины мира, не воспринимая, например, названия интернет-магазинов Ozon, Wildberries или журнала «Фемида.Science» как нечто чужеродное.

Принято считать, что экспансия латиницы связана с периодом Перестройки: в англоязычных символах в то время виделись свобода и приобщение к мировой культуре [5]. Однако еще в 1920–30-х гг. А. В. Луначарский и В. И. Ленин выступали за латинизацию в СССР. В результате активного искоренения русского алфавита были насилиственно навязаны латинизированные алфавиты 10 народам, ранее использовавшим русскую письменность. Латиница считалась средством, которое может приблизить мировую революцию [6; 7].

Однако в настоящее время Федеральный закон о государственном языке регулирует употребление иноязычных элементов, и возникает вопрос, как быть с наиболее актуальными в наши дни лозунгами «За победу», «Сила В правде», «За наших», которые включают в себя латиницу.

Латинские буквы Z и V давно использовались в русском тексте: музыкальная группа «Музыка Ветра», кинофильм «Шиза» (реж. Г. Омарова, 2004), ЧЕЛОВЕК (название рубрики в журнале «Бумеранг»). С началом СВО они стали употребляться в новом контексте – как символы военной операции, агитационного воздействия и способ выразить свое отношение к те-

³ Законопроект № 247436-8 «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О рекламе» // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/247436-8>.

⁴ Гаврилюк А. «Айди и выйди: как забота о русском языке может привести к неразберихе в рекламе // Forbes : [сайт]. 14 марта 2023 г. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/486038-ajdi-i-vyjdi-kak-zabota-o-russkom-azyke-mozhet-privesti-kerazberihe-v-reklame> (дата обращения: 16.05.2025).

кущим событиям: «За победу», «Сила В правде» [8, с. 386]. Не является ли использование этих букв противоречием Федеральному закону о государственном языке?

Отметим: в документах эти буквы не употребляются: символы набрали свою популярность исключительно за счет уровня патриотизма населения, ведь таким образом народ пытается поддержать русскую армию. Буквы Z и V могут использоваться в публицистическом стиле, что допустимо вследствие его образности, а также в чатах и ТГ-каналах, где язык приближен к разговорному стилю, что тоже не является нарушением стилистических норм. Закон регулирует использование русского языка как государственного, следовательно, нарушения нет.

Что касается ярких баннеров с надписью «Stay Wild» или сайта, где все – от названия до описаний коллекций российского бренда одежды Lime – дается на английском, то этот вопрос связан не столько с «культурным вторжением», сколько с социолингвистикой.

Чтобы разобраться в таком употреблении, представим типичного покупателя Lime: это подросток или молодой человек, который сутками листает TikTok, подписан на англоязычных блогеров и мечтает о поездке в Сеул или Лос-Анджелес. Для него английский – не иностранный язык, а часть цифровой повседневности. Lime просто говорит на языке своих клиентов и позиционирует себя не как региональный, а как международный бренд, даже если 90% продаж приходятся на Россию. Заметим, что китайский Shein или турецкий LC Waikiki тоже используют английский, не скрывая своего происхождения. Это не предательство корней, а бизнес-стратегия.

Lime также не отказывается от русской идентичности – он ее переосмысливает: в рекламе снимаются российские блогеры и местные лица, применяются коллaborации с московскими художниками и дизайнерами, в описании товаров и общении со службой поддержки используется русский язык. Английский здесь лишь «фасад», тогда как «начинка» остается локальной. Это не иностранное вторжение, а, скорее, культурный микс.

Чтобы определить отношение носителей языка к использованию латинских элементов в русском языке, нами был проведен опрос среди россиян разных возрастных категорий. Опрос был создан с помощью Yandex-Forms⁵. Информантам были предложены следующие вопросы:

- как вы относитесь к заимствованиям иноязычных элементов?
- необходимо ли государственное регулирование чистоты русского языка в связи с этими заимствованиями?

Опрос прошли 152 информанта. Возрастной состав респондентов (превладание молодежи 14–22 лет – 76,9%) указывает на то, что молодое поколение, будучи основным потребителем цифрового контента, более толерантно к иноязычным элементам. Однако наличие негативных оценок даже в этой группе требует внимания к образовательным и просветительским инициативам, направленным на формирование осознанного языкового поведения.

⁵ YandexForms. URL: <https://forms.yandex.ru/u/67a79d2584227c29a8f381fc/>.

Исходя из результатов опроса, можно сделать выводы об отношении современных носителей языка к иноязычным средствам.

1. Толерантность к латинским элементам. Более половины участников (53,8%) относятся к использованию латиницы в русских текстах положительно, а вместе с нейтральной позицией (23,1%) это формирует доминирующее принятие заимствований. Это может быть связано с их распространностью в интернете, соцсетях, технологиях и поп-культуре.

2. Поляризация мнений о влиянии на язык. Почти половина опрошенных (46,2%) считает, что латинские элементы вредят русскому языку, и это демонстрирует конфликт между адаптацией к глобализации и стремлением сохранить языковую чистоту.

3. Равное разделение по вопросу госрегулирования. Мнения о необходимости государственных мер разделились почти поровну (53,8% против, 46,2% – за). Такой результат подчеркивает отсутствие общественного консенсуса: часть общества видит угрозу, требующую контроля, другая доверяет естественному развитию языка.

4. Молодежь – драйвер изменений, но не монолит. Даже среди молодых респондентов есть значительная доля критиков (30,8% в возрасте 14–22 лет дали негативные или нейтральные оценки). Это свидетельствует о том, что языковая толерантность не абсолютна и зависит от личных взглядов, образования или среды.

Таким образом, опрос подтверждает, что русский язык находится в процессе трансформации, а общество раздelenо между открытостью новым и приверженностью консервативным ценностям. Для гармонизации этих процессов важны диалог, просвещение и гибкие подходы к языковой политике.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что язык – живой организм, который дышит, меняется и приспосабливается. Его сила – в способности впитывать новое, не теряя связи с прошлым. Однако эта способность требует осознанного управления. По нашему мнению, для гармоничного развития русского языка необходимы следующие меры:

1) культивировать критическое мышление: учить молодежь отличать продуктивные заимствования (например, ИТ-термины) от языковой лени, когда иностранные слова используются лишь ради «моды»;

2) интегрировать традицию в инновации: поддерживать проекты, которые переосмысливают русскую лексику в современном контексте (например, digital-фольклор или гибридные жанры в литературе);

3) создавать гибкие правовые механизмы: законы должны не запрещать, а направлять, предлагая альтернативы и поощряя креативность в использовании родного языка;

4) активизировать культурный диалог: через образование, медиа и искусство показывать, что русский язык может быть как хранителем истории, так и проводником в будущее.

В конечном итоге сохранение языка – это не борьба с ветряными мельницами глобализации, а искусство находить золотую середину. Как писал Лев Толстой, «слово – дело величое» [9, с. 346]. Великое потому, что оно объединяет прошлое и будущее, локальное и глобальное, индивидуальное и коллективное. Русский язык, пройдя через петровские реформы, совет-

ские эксперименты и цифровую революцию, доказал свою устойчивость. Его будущее зависит от того, сможем ли мы превратить вызовы в возможности – не отвергая новое, но и не забывая, что в каждом «лайке», «стартапе» или «Z» звучит эхо многовековой истории, которую необходимо беречь.

Список источников

1. Белинский В. Г. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым. Рецензия // Отечественные записки. 1845. Т. XL, № 5. С. 28–29.
2. Высоцкая И. В. «Свое» и «чужое», или Взаимодействие кириллицы и латиницы в современном рекламном тексте // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 471–474.
3. Алексиева Т. И. Игра с графикой в Рунете // Болгарская русистика. 2011. № 3–4. С. 14–22.
4. Мигранова Л. Ш. Графико-орфографическое иноязычие в рекламных вывесках // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 106–108.
5. Николенко О. Взаимодействие латинской и кириллической графических систем в современной городской среде // Славянские чтения. 2013. № 7. С. 51–62. URL: https://ibn.ids.md/ro/vizualizare_articol/27167.
6. Даудов А. Х., Мамышева М. П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 2. С. 7–12.
7. Синицын Ф. Л. «Единый северный алфавит»: противостояние латиницы и кириллицы на советском Севере, 1920–1930-е годы // Этнография. 2024. № 1 (23). С. 148–168.
8. Штукарева Е. Б. Латинские графемы Z и V в интернет-жанрах // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 386–393.
9. Толстой Л. Н. Путь жизни. М. : Типолитография т-ва «И. Н. Кушнерев и К°», 1911. 503 с.

References

1. Belinsky, V. G. Pocket dictionary of foreign words included in the Russian language, published by N. Kirillov. Review. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes*. 1845;XL(5):28-29. (In Russ.)
2. Vysotskaya, I. V. “Own” and “alien” (interaction of the Cyrillic and Latin script in modern advertising texts). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2010;(4):471-474. (In Russ.)
3. Aleksieva, T. I. Playing with graphics on Runet. *Bulgarian Journal of Russian Studies*. 2011;(3-4):14-22. (In Russ.)
4. Migranova, L. Sh. Foreign-language graphics and orthography in advertisements. *Philology and Culture*. 2015;(4):106-108. (In Russ.)
5. Nikolenko, O. Interaction between the Latin and Cyrillic graphics systems in modern urban environment. *Slavyanskie chteniya = Slavic Readings*. 2013;(1):51-62. (In Russ.) URL: https://ibn.ids.md/ro/vizualizare_articol/27167.
6. Daudov, A. Kh., Mamysheva, M. P. On the history of alphabet latinization in the USSR. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorya = Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2011;(2):7-12. (In Russ.)

7. Sinitsyn, F. L. "The uniform northern alphabet": confrontation of Latin and Cyrillic alphabets in the languages of the people of the soviet north, the 1920s–1930s. *Etnografia*. 2024;(1):148-168. (In Russ.)
8. Shtukareva, E. B. Latin graphemes Z and V in internet genres. *Speech Genres*. 2023;18(4):386-393. (In Russ.)
9. Tolstoy, L. N. The path of life. Moscow: Printing Company "I. N. Kushnerev and Co"; 1911. 503 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Хороших – студент 2 курса.

Information about the author

M. M. Khoroshikh – 2nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принятая к публикации 25.08.2025.

The article was submitted 21.06.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 25.08.2025.

Научные мероприятия и достижения / Scientific Events and Achievements

Обзор

EDN: YYNONQ

Обзор студенческих научных мероприятий за 2024/25 учебный год

Никита Олегович Синицин¹, Алина Сергеевна Колесникова²

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

✉¹ nik.sinicin.2018@mail.ru
✉² alinakolesnikova.rsuj@gmail.com

Научный руководитель: **М. А. Давыдова**, к.ю.н., заместитель декана
очного юридического факультета по организации НИРС, доцент кафедры
финансового права Российской государственной университета правосудия
имени В. М. Лебедева

В Российском государственном университете правосудия имени В. М. Лебедева студенты всегда активно занимались научной деятельностью. На протяжении 2024/25 учебного года студенты писали научные работы, участвовали в научных мероприятиях, организовывали эти мероприятия и т. д. Мероприятия, проводимые кафедрами, традиционно привлекали студентов факультетов непрерывного образования, высшего образования, магистратуры и филиалов Университета (научные семинары, проводимые кафедрами конференции, мастер-классы, soft skills, экскурсии и т. д.), что позволяет говорить о значимой роли научных мероприятий в развитии всего Университета.

Активно развивается сотрудничество в рамках международных и межвузовских связей со многими вузами как Российской Федерации, так и дружественных стран.

7 и 8 сентября 2024 г. заместителем декана факультета подготовки специалистов для судебной системы очного юридического факультета (ОЮФ) по НИРС РГУП им. В. М. Лебедева, доцентом кафедры финансового права Мариам Александровной Давыдовой были проведены две открытые лекции, на которых обсуждению подверглись вопросы практики таможенного и миграционного права: «В Россию с любовью. Все о правилах пересечения границы» и «Приключения иностранцев в России». Мероприятия были проведены на открытых площадках в Парке Горького и на Фестивальной площадке на Профсоюзной.

24 сентября 2024 г. в РГУП им. В. М. Лебедева на базе кафедры предпринимательского и корпоративного права состоялся круглый стол «Диф-

ференциация договорного права: особенности b2b, b2c и b2g договоров». В данном мероприятии приняли участие зарубежный гость Маша Мишкович, доцент кафедры гражданского права Университета в Белграде, и практикующие юристы Российской Федерации.

РГУП им. В. М. Лебедева также активно принимал участие в популяризации науки и юриспруденции среди будущих абитуриентов. Так, 1 октября 2024 г. в рамках президентской платформы «Россия – страна возможностей» доцент кафедры уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной к.ю.н. Анастасия Николаевна Кравцова провела открытый урок для школьников, на котором были обсуждены вопросы российской государственности, регионов Российской Федерации и государственных символов, традиций и ценностей. 13 октября 2024 г. на Московском фестивале «НАУКА 0+» наш Университет представили ведущие преподаватели кафедры судебных экспертиз и криминалистики вместе со студенческим активом. Оба мероприятия имели большой успех у публики.

30 октября кафедра финансового права РГУП им. В. М. Лебедева совместно с Ташкентским филиалом МГИМО МИД России и Комиссией по финансовому законодательству Московского отделения Ассоциации юристов России в рамках реализации студенческого научного проекта «Публичное финансовое право в цифровую эпоху» организовали Международный круглый стол «Валютное регулирование и валютный контроль в России и Узбекистане: национальные особенности». По завершении данного мероприятия произошло значимое для развития науки РГУП им. В. М. Лебедева событие в виде заключения первого международного научного студенческого соглашения между Университетом правосудия и МГИМО-Ташкент.

Студенты Университета участвовали, кроме того, в конференциях и конкурсах, проводимых ведущими юридическими вузами и факультетами страны, а также организациями и государственными органами Российской Федерации.

16 октября 2024 г. студенты 3 курса ОЮФ по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция и магистранты различных магистерских программ приняли участие в парламентских слушаниях Комитета Государственной Думы по аграрным вопросам на тему «Приоритетные направления законодательного обеспечения развития агропромышленного комплекса».

16 и 23 октября 2024 г. студенты 1 курса ОЮФ по направлению подготовки 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность посетили Второй кассационный суд общей юрисдикции.

С 15 по 17 октября 2024 г. студенты РГУП им. В. М. Лебедева с отличием прошли Олимпиадный зачет от Центрального банка России и Высшей школы экономики.

18 октября студенты 1 и 2 курсов ОЮФ участвовали в тренинге «Лабиринт эмоций» на базе центра «Моя работа» и прорабатывали свои soft skills навыки.

Студентка 4 курса ОЮФ приняла участие в молодежном круглом столе в рамках X Международного Арктического правового форума, проводимого Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

С участием студентов ОЮФ в качестве помощников и регистраторов были проведены конференции как для студентов, так и для преподавателей и судей:

25 октября 2024 г. – Всероссийская научная конференция «Совершенствование уголовно-процессуального законодательства на современном этапе». Конференция была поделена на две секции: в одной были заслушаны доклады профессорско-преподавательского состава и приглашенных гостей, а на второй секции выступали с докладами студенты;

25 октября 2024 г. – Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 95-летию со дня рождения Р. Ф. Кадлистратовой на тему «Проблемы экономического правосудия в Российской Федерации»;

17 ноября 2023 г. – студенческий научный семинар (круглый стол) на тему «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

На базе кафедр ОЮФ были проведены следующие научные мероприятия:

18 сентября 2024 г. – федеральная программа «Обучение служением», на которой руководство нашего Университета, преподаватели кафедры гражданского права, представители судейского корпуса, почетные гости из Государственной Думы Российской Федерации, Добро.центра, Всероссийского студенческого корпуса спасателей поделились своим опытом со студентами;

22 октября 2024 г. – мастер-класс «Soft skills судебного юриста: эффективная подготовка к судебному делу!»;

29 октября 2024 г. – межрегиональный круглый стол на тему «Актуальные проблемы международного права (к 79-летию Организации Объединенных Наций)»;

31 октября 2024 г. – круглый стол на тему «Деятельность договорных органов ООН в рамках защиты прав человека».

5 ноября был проведен III Университетский профориентационный форум, на который были приглашены прокурор города Москвы Сергей Николаевич Савенков, судья Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Валерьевич Горшков, судья Суда по интеллектуальным правам Евгения Юрьевна Борзило, президент адвокатской фирмы «Юстина» Виктор Николаевич Буробин и другие юристы-практики. Студенты смогли задать интересующие их вопросы и узнать об опыте авторитетных юристов.

Для студентов, заинтересованных в научно-исследовательской работе, кафедрами гражданского права, предпринимательского и корпоративного права, конституционного права проведены мастер-классы:

30 октября 2024 г. – мастер-класс по написанию курсовых работ по конституционному праву;

31 октября 2024 г. – экскурсия в Музей истории уголовно-исполнительной системы России (организована кафедрой гражданского права);

1 ноября 2024 г. – тренинг по конституционно-правовой аргументации;

11 ноября 2024 г. – мастер-класс «Как написать научную статью», организованный кафедрой уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной;

14 ноября 2024 г. – мастер-класс «Soft skills судебного юриста: эффективная подготовка к судебному делу!».

5 декабря 2024 г. в РГУП им. В. М. Лебедева прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Социальная защита участников специальной военной операции», посвященная 106-й годовщине создания военных трибуналов. С приветственным словом выступили: Владимир Владимирович Хомчик, заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, генерал-лейтенант юстиции в отставке, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации; Александр Юрьевич Девятко, заместитель Главного военного прокурора Российской Федерации, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, генерал-лейтенант юстиции, кандидат юридических наук; Алексей Анатольевич Слотюк, заместитель Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат экономических наук.

12 декабря 2024 г. кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности при участии Студенческого научного общества была проведена II Всероссийская научно-практическая конференция «Судебная власть в условиях новых вызовов». В ней приняли участие студенты 1–5 курсов бакалавриата и специалитета, факультета непрерывного образования, студенты филиалов РГУП им. В. М. Лебедева и иных университетов страны.

24 декабря 2024 г. в Ташкентском филиале МГИМО МИД России прошел круглый стол, посвященный правовому регулированию нефтегазовой отрасли. От Университета правосудия им. В. М. Лебедева в рамках нового договора о научном сотрудничестве выступили студенты Д. Е. Лимонов и А. Е. Лихачева с докладом «Нефтетрейдинг: новая парадигма для России». Докладчики подняли вопрос о необходимости трансформации внешнеэкономической деятельности в нефтегазовой отрасли посредством применения технологий блокчейн и смарт-контрактов.

11 февраля 2025 г. в рамках Недели науки в Университете правосудия им. В. М. Лебедева была проведена научная лекция-дискуссия «Судебные реформы в российском государстве». Профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной д.ю.н., заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист РСФСР Геннадий Ильич Загорский ознакомил студентов 3 и 5 курсов с основными целями и задачами судебных реформ, их направлениями и значением для правовой системы российского государства.

13 февраля 2025 г. в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации им. А. Я. Сухарева совместно с Международным союзом криминалистов и ИГП РАН проведена Международная научно-практическая конференция «Уголовно-правовое обеспечение информационной безопасности человечества». Профессорско-преподавательский состав кафедры судебных экспертиз и криминастики Университета правосудия им. В. М. Лебедева и студенты, обучающиеся по специальности 40.05.03 Су-

Синицын Н. О., Колесникова А. С. Обзор студенческих научных мероприятий за 2024/25 год

дебная экспертиза, приняли активное участие в мероприятии. Пленарное заседание открыли Председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин, сенатор Российской Федерации А. К. Пушков, Министр юстиции Российской Федерации К. А. Чуйченко, Министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации М. И. Шадаев.

14 февраля 2025 г. состоялось награждение призеров Всероссийской юридической олимпиады «Медиатизация в юридической практике в Российской Федерации», организованное юридическим факультетом Тверского государственного университета совместно с Комиссией по развитию альтернативных способов разрешения споров Тверского регионального отделения Ассоциации юристов России и Центром медиации при Российском союзе промышленников и предпринимателей. Студентка 3 курса очного юридического факультета Университета правосудия им. В. М. Лебедева А. С. Колесникова под научным руководством Мариам Александровны Да выдовой заняла первое место.

12 марта по приглашению заместителя декана ОЮФ по НИРС М. А. Да выдовой перед студентами 1 курса ОЮФ выступил Я. Е. Нилов, председатель Комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов, заместитель председателя Комиссии Государственной Думы по вопросам депутатской этики, депутат Государственной Думы V, VI, VII, VIII созывов, член фракции ЛДПР. Ярослав Евгеньевич рассказал о проверенных временем рецептах законотворческой кухни ЛДПР, удачных кейсах Владимира Вольфовича Жириновского и о своих собственных.

23 марта 2025 г. состоялся круглый стол, организованный совместно Тверским государственным университетом, Российским государственным университетом правосудия имени В. М. Лебедева и Донбасским государственным университетом юстиции. Круглый стол был посвящен реформе нотариата, где студенты Университета, практикующие юристы и профессорско-преподавательский состав обменились знаниями и опытом по данной теме.

27–28 марта 2025 г. прошла самая крупная студенческая конференция нашего Университета – XXIV Ежегодная студенческая научно-практическая конференция с международным участием на тему «Право и суд в современном мире». Данная конференция проводится студенческим научным обществом РГУП им. В. М. Лебедева ежегодно и является одной из важнейших для научной исследовательской деятельности студентов.

В работе конференции приняли участие 1800 студентов, магистров и аспирантов как из нашего Университета, так и из других университетов России. По итогом данной конференции издаются сборники, которые индексируются в РИНЦ.

По результатам работы конференции было заключено новое соглашение о сотрудничестве между Научно-образовательным центром K&P.Education и Российским государственным университетом правосудия имени В. М. Лебедева – важный шаг в сфере повышения квалификации и профессиональной переподготовки в сфере юриспруденции и медиации. Данное соглашение ставит перед собой такие цели, как совместная реализация образовательных программ повышения квалификации и профессиональной

переподготовки, укрепление практико-ориентированного подхода в обучении студентов всех уровней образования.

Еще одна крупная конференция прошла 3 апреля 2025 г. Всероссийская научно-практическая конференция «Военная юстиция в условиях особых периодов» посвященная 80-летию победы в Великой Отечественной войне, была организована военным учебным центром при ФГБОУВО «РГУП им. В. М. Лебедева», кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП им. В. М. Лебедева и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

С приветственным словом к участникам конференции выступили: Владимир Владимирович Хомчик, заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-лейтенант юстиции в отставке; Александр Юрьевич Девятко, заместитель Главного военного прокурора Российской Федерации, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, генерал-лейтенант юстиции; Алексей Анатольевич Слотюк, заместитель Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, кандидат экономических наук, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса. В работе конференции приняли участие судьи, директора филиалов РГУП им. В. М. Лебедева и других университетов, профессора и преподаватели.

Научная жизнь всегда играла важную роль в судьбе студентов Университета правосудия им. В. М. Лебедева. Традиционным и неотъемлемым элементом преподавания многих учебных дисциплин студентам является проведение внеаудиторных дополнительных научных семинаров (круглых столов, в том числе межвузовских). Перед Университетом стоят важные задачи популяризации науки среди студентов и налаживания сотрудничества между университетами и организациями. Помимо этого, актуальными целями Университета являются продвижение науки среди студентов факультета непрерывного образования, повышение уровня участия студентов колледжа в написании научных работ и их участие в научных мероприятиях.

Информация об авторах

Н. О. Синицин – студент 4 курса;

А. С. Колесникова – студент 4 курса.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Обзор поступил в редакцию 12.05.2025; принят к публикации 19.05.2025.